

И.Ободовская, М.Дементьев • ПУШКИН В ЯРОПОЛЬЦЕ

И.Ободовская
М.Дементьев

ПУШКИН
В ЯРОПОЛЬЦЕ

И.Ободовская
М.Дементьев

ПУШКИН
В ЯРОПОЛЬЦЕ

Редактор и автор предисловия
доктор филологических наук профессор В. И. КУЛЕШОВ

Художник
А. БЕЛЮКИН

Ободовская И. М., Дементьев М. А.

О-21 Пушкин в Яропольце/Худож. А. Белюкин.— М.:
Сов. Россия, 1982.— 160 с., ил., 1 л. портр., 16 л. ил.

В новой книге известных писателей-пушкинистов публикуются обнаруженные ими в результате многолетней работы в архивах письма и другие материалы, позволяющие осветить посещение А. С. Пушкиным Яропольда — одного из подмосковных мест, куда он приезжал дважды. В книге даются письма самого Пушкина, а также ведавно найденные письма Н. Н. Пушкиной, дочери поэта М. А. Гартунг, Гончаровых и др.

Значительный интерес представляют неизвестные до сих пор письма, связанные с декабристским движением членов семьи Чернышевых, родственников Пушкина, поместье которых находилось в Яропольце рядом с усадьбой Гончаровых.

О 440000000—061 51—82
М-105(03)82

8P1

© Издательство «Советская Россия», 1982 г.

ОБРЕТЕНИЕ ЖИВОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ

Имена И. М. Ободовской и М. А. Дементьева не нуждаются в рекомендациях пушкинистам и широкому читателю. Они снискали уже признание и симпатии своими работами «Вокруг Пушкина» (1975 и 1978) и «После смерти Пушкина» (1980), основанными на долголетнем и кропотливом изучении обширных архивов, мимо которых проходили другие ученые, не придававшие им должного значения или не имевшие терпения и подготовки, чтобы вникнуть в потемневшие листы, плохо читаемые из-за трудных почерков, заполненные приходно-расходными расчетами, а в самой интересной своей части написанные сплошь на французском языке.

Речь идет об изучении архивов Полотняного Завода, что под Калугой, которым владело семейство Гончаровых, породнившееся с А. С. Пушкиным после того, как он женился на Наталье Николаевне Гончаровой и вошел в круг этого семейства. Ценнейшей частью архива оказалась переписка сестер Гончаровых, младшей Натальи и старших Екатерины и Александры, с братом Дмитрием, от которого зависело материальное их обеспечение, а также тещи Пушкина Натальи Ивановны Гончаровой, с которой у него с самого начала были довольно сложные отношения. В результате поисков было найдено не только одно из неизвестных до сих пор писем Пушкина, но и множество драгоценных реалий, бросивших новый свет на внутрисемейную жизнь его, на характер Натальи Николаевны, ее сестер, живших два с половиной года в его петербургских квартирах и бывших свидетелями роковой драмы, приведшей к гибели поэта. Исследователям удалось снять много превратных легенд, касающихся характеристики преддуральных событий, отношений Пушкина с гончаровской родней, внести новые штрихи в описание тяжелого материального

положения, которое тяготило поэта; понятнее становятся и весь петербургский высший свет, друзья и враги Пушкина, его убийца Дантес. Все образы приобретают неизмеримо большую достоверность.

Со всей очевидностью выявилась устарелость классической для своего времени работы П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина» (1916, 1917 и 1928), определившей на много лет предвзято отрицательное отношение к жене Пушкина, ни на чем не основанные утверждения о близких его отношениях с ее сестрой Александрой; хорошо теперь отсеиваются ложь и измышления, брошенные противниками Пушкина, обелявшими Дантеса. Найдены новые факты, подтверждающие ханжество и коварство Геккерн-старшего и его приемного сына Дантеса и неприглядную роль Екатерины Гончаровой, знавшей о готовящейся роковой дуэли и умолчавшей о ней по воле своего мужа.

Критической перепроверке был подвергнут и не привлекавший ученых архив А. П. Араповой, дочери Натальи Николаевны от ее второго брака, с П. П. Ланским. Тенденциозность так называемых воспоминаний Араповой давно была известна ученым, но следовало выявить имевшиеся в них крупицы истины, а самое главное — в сохранившемся архиве Араповой оказались письма-дневники Натальи Николаевны в период вдовства и жизни вместе с Ланским, в которых есть ценные данные об отношении ее к памяти Пушкина, о ее чадолюбии, исключительной скромности и порядочности, бросающие ретроспективный свет на то, какой женой и матерью она была при Пушкине.

Книги И. М. Ободовской и М. А. Дементьева написаны легкодоступным языком, можно сказать, в духе пушкинской «нагой простоты». В них содержатся те ближайшие сопоставления и обобщения, которые сами собой напрашиваются из публикуемого ими нового материала или являются плодом их замечательной научной интуиции, исчерпывающего знания литературы о Пушкине. Осторожность в выводах у них — образцовая. Они скрупулезно держатся той достоверности, которая вытекает из архивных материалов — никаких произвольных предположений. Наоборот, их задача — развеять домыслы и кривотолки. Выводы их и без того отличаются новизной и неожиданностью. Так всегда и созидалась подлинная наука. В достоверности заключались главные заслуги лучших мемуаристов о Пушкине, первого его научного биографа П. В. Анненкова да

и П. Е. Шеголева, какой бы устаревшей в ряде мест теперь ни представлялась его работа.

Приводимый И. М. Ободовской и М. А. Дементьевым материал побуждает к широким обобщениям, и они, несомненно, воспоследуют в пушкиноведении. Их уже наметил Д. Д. Благой в своих обстоятельных предисловиях к первой и второй книгам авторов. Но самые глобальные — еще впереди, в той научной биографии Пушкина, которую еще предстоит создать. Должны же быть синтезированы характеристики, предлагаемые И. М. Ободовской и М. А. Дементьевым, Н. А. Раевским («Если заговоря портреты» и «Портреты заговорили») и некоторыми другими исследователями, которые в последнее время занимались изучением Пушкина. Чтобы картины не оказались идиллическими, мы должны представить себе в общей цепи и такие события, как вероятное увлечение Пушкина Д. Фикельмон, и записанную в камер-фурьерском журнале аудиенцию, данную Николаем I Пушкину в канун роковой дуэли, которая так сковывала поэта в своих усилиях разрубить гордиев узел интриг, сплетавшихся вокруг него.

А пока, как пишут сами авторы, нужны новые и новые архивные разыскания. Многие из них они сами намечают: ведь сенсационной до сих пор остается пропажа писем Натальи Николаевны Пушкину (мы располагаем лишь его письмами к ней), и поэтому мы вынуждены постулировать ее образ из имеющихся данных.

Перед нами — очередной труд И. М. Ободовской и М. А. Дементьева о двух частных моментах в жизни Пушкина: его приездах в имение Ярополец Волоколамского уезда, в котором жила его теща Наталья Ивановна Гончарова. О первом — в 1833 году — было известно и раньше как о факте в биографии поэта, однако никто не пытался его комментировать. Что же касается второго приезда осенью 1834 года, то он впервые всецело устанавливается И. М. Ободовской и М. А. Дементьевым на основе найденных ими неопубликованных писем Екатерины Гончаровой и Натальи Ивановны Гончаровой к Дмитрию Гончарову. Исследователями в обоих случаях раскрывается самый вероятный круг вопросов, который должен был обсудить Пушкин с Н. И. Гончаровой. Но значение новой работы и в том, что она далеко выходит за эти пределы. Оно так же широко, как и предыдущих двух. Для выяснения, казалось бы, немногого авторам приходится просеивать через

Header Page 7 of 194

сито твердо установленных новых сведений и уточнений, почерпнутых из архивов, всю громаду известных фактов, связанных с жизнью Пушкина, его многообразными общениями с современниками. Приходится погружаться в сложнейшие переплетения родословных линий, ибо Пушкин-дворянин о многом знал, многое носил в своей душе, о чем мы не догадываемся, а иногда и знать не хотим, боясь снова впасть в искушение вульгарной социологии. А древо это охватывало родословные декабристских семей, целые кланы, и мы лучше можем судить о тех импульсах, которые иногда толкали Пушкина посетить то или иное место, искать встречи с тем или иным лицом. Тут имели значение не «предрассудки роковые», а гражданская совесть поэта, его «дум высокое стремленье». И в Ярополец он ехал не только ради тещи. Туда манило его и нечто другое...

Каждый новый факт, устанавливаемый в биографии Пушкина, драгоценен. Тем более он важен, когда объясняет целую цепь событий или ряд туманных до сих пор мест в его письмах.

Первый приезд в Ярополец, как оказывается, был связан с существенными переменами во взаимоотношениях между Н. И. Гончаровой и Пушкиным. Известно, с каким трудом шел предсвадебный стговор, никакого приданого Наталья Николаевна не получила. Пушкин перед свадьбой ссудил теще одиннадцать тысяч для необходимых расходов и перед самым венчанием еще тысячу. Но и после свадьбы скупая и строптивая Наталья Ивановна продолжала досаждать Пушкину. Молодые вынуждены были вскоре уехать из Москвы в Петербург. О возвращении долга нечего было и заикаться. Новонайденное письмо Пушкина к Д. Н. Гончарову объясняет одну из причин приезда поэта в Ярополец: надо было улаживать свои финансовые дела. В письме Пушкин делится своими проектами, подсказывая Дмитрию Николаевичу вероятную возможность получить крупную сумму у князя В. С. Голицына и одолжить ему лично шесть тысяч рублей. Из письма узнаем мы также, что теща обещала выделить Наталье Николаевне часть Яропольца. Теперь деньги, полученные от заложенной Кистеневки, были прожиты, семья поэта разрослась, родились дочь и сын, заботы умножились. Обо всем этом назрела пора переговорить при встрече. Знал Пушкин, что отношение тещи к нему смягчилось, она любила внуков. Наталья Николаевна в письмах, видимо,

многое рассказала матери о том, как она счастлива и дружно живет в семье, каким добрым и внимательным является ее муж. Все это улучшало обстановку встречи Пушкина с Натальей Ивановной. В августе по дороге в Оренбургскую губернию он и посетил Ярополец.

В письмах к жене Пушкин описывает подробно свое пребывание у тещи и впечатления от усадьбы. А рядом, в двух шагах, во второй половине Яропольца находилось поместье Чернышевых. И. М. Ободовская и М. А. Дементьев не без основания предполагают, что Пушкин побывал и в их доме, мог встретиться с находившимся в Яропольце декабристом Захаром Григорьевичем Чернышевым, только что вернувшимся из ссылки. До сих пор в хронике жизни поэта его взаимоотношения с З. Г. Чернышевым исчерпывались констатацией факта их встречи на Кавказе весной 1829 года, когда Пушкин совершал свое путешествие в Арзрум. Сосланный З. Г. Чернышев служил там рядовым солдатом. Здесь следует вспомнить, что Пушкин и Чернышев были родственниками, и авторы книги обстоятельно посвящают нас в переплетения этих родственных связей. Широко известно, что сестра Захара, Александра Григорьевна Чернышева, по мужу Муравьева, отвезла пушкинское «Послание в Сибирь»; этой героической русской женщине, своей родственнице, Пушкин доверил такую важную и опасную миссию, и она бесстрашно взялась ее выполнить. Было о чем Пушкину поговорить с З. Г. Чернышевым в августе 1833 года в Яропольце... Но, сообщая жене о том, как радушно был встречен тещей, что взял у нее несколько старинных книг из библиотеки, посетил могилу Дорошенко, Пушкин ничего не говорит о Захаре Чернышеве. Это, видимо, из опасения перлюстрации. Не исключено, что возможность встречи с ним была одной из целей приезда поэта в Ярополец. Авторы книги осторожно, с соответствующими оговорками, выдвигают такую гипотезу, но вероятность ее почти стопроцентная. Ведь и З. Г. Чернышев не мог остаться безучастным, узнав о приезде Пушкина в Ярополец.

Осведомленность же Пушкина о всех Чернышевых, проживавших тогда в Яропольце, могла идти из переписки Дмитрия Николаевича Гончарова с Натальей Николаевной, ибо в это время он сватался к Надежде Чернышевой, сестре Захара Григорьевича. В том же письме к жене из Яропольца Пушкин сообщал и о неудавшемся сватовстве Дмитрия Николаевича.

Header 1884 9 of 194

Вторая поездка Пушкина в Ярополец состоялась в октябре 1834 года, по возвращении из Болдина. Некоторые причины ее оставались те же. Надежды на получение части имения в счет приданого, видимо, померкли. Пушкин теперь был озабочен возможностью покупки гончаровского имения Никулина, невдалеке от Полотняного Завода, о намерениях продать которое, вероятно, знал со слов жены. Он все больше начинал мечтать о своей «хижине», жизни вне столицы и писал об этом Наталье Николаевне: «...кабы мог остаться в одной из ваших деревень под Москвою», «Туда бы от жизни удрал, улизнул». Поэт искал «благопристойной независимости». О своей продаже Гончаровы оповещали в «Московских ведомостях», но Никулино Пушкину так и не пришлось купить. Были и другие важные обстоятельства и заботы, затягивавшие все больше Пушкина: перед его приездом в Москву Наталья Николаевна выехала в Петербург вместе со своими двумя сестрами, девицами, томившимися на Полотняном Заводе и брошенными родителями. Пушкину следовало лично обговорить с тещей все материальные условия пребывания Екатерины и Александры Гончаровых в его семье, чему он, как видно из его письма Наталье Николаевне, противился сколько мог, словно предчувствовал, как усложнит это его семейную жизнь в Петербурге. Мы теперь знаем, что эти обстоятельства способствовали и роковому исходу.

Новой встречи с З. Г. Чернышевым на этот раз не могло быть, так как в августе того же года он женился и выехал из Яропольца...

Расчерчивание широкого фона родословных связей приносит благие плоды при решении и многих других вопросов. Рядом с Яропольцем — поместье Лотошино князей Мещерских, а с ними издавна были знакомы как Пушкин (П. И. Мещерский женат на дочери историка Н. М. Карамзина), так и Гончаровы, их соседи. Оказывается, что и в Зарайском уезде Рязанской губернии было поместье Гончаровых Ильицыно, и тут же — целый ряд поместий Пушкиных. В имении Плуталово, всего в двух верстах от Ильицына, у родной сестры Елизаветы Львовны Сонцовой нередко бывал отец поэта, Сергей Львович Пушкин; не исключено, что сюда привозили и маленького Пушкина. В Ильицыне в имении своего дедушки часто гостила Наташа Гончарова.

Никаких сентиментальных нот И. М. Ободовская и М. А. Дементьев не приносят в устанавливаемые ими

Header Page 10 of 194

факты близости Пушкиных и Гоптаровых задолго до женитьбы поэта на Н. Н. Гончаровой. Но мы вживаемся в эту неизвестную до сих пор сеть родословных связей и тем самым постигаем многие внутренние оттенки сложного мировосприятия поэта. Ведь не раз, наверное, перебирали в памяти и Пушкин, и его жена свое детство, не раз назывались дорогие имена и места, радовавшие душу. По-особому отзывается теперь в нашем сознании добрый тон писем Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных, когда они получили известие от сына Александра о намерении жениться на девице Гончаровой. Они, стало быть, заранее узнали, с какой фамилией породнятся. В Волоколамском уезде были также когда-то имения Пушкиных. Все это привносит новые интонации во взаимоотношения этих семей.

В новой книге добавляются важные штрихи к характеристикам членов семьи Гончаровых, уже обстоятельно освещенных в двух предыдущих исследованиях И. М. Ободовской и М. А. Дементьева. До сих пор эпизодической фигурой оказывалась Наталья Ивановна Гончарова. Как и в работах других пушкинистов, здесь Н. И. Гончарова также выглядит черствой матерью и злой тещей. Этой женщине свойственны эгоизм, скупость, ханжество, религиозность. Но авторы справедливо указывают на некоторую благотворную эволюцию ее характера. В какие-то моменты ее отношения к поэту изменялись к лучшему. Правда, в письмах к друзьям он доверительно иронизировал, что, видно, более покладистого зятя, чем он, трудно сыскать. Подобрел к ней и Пушкин, стараясь всячески поддерживать примирительный тон. В новой работе И. М. Ободовской и М. А. Дементьева Наталья Ивановна предстает живым человеком, со своими противоречиями, сумасбродствами, но и со своими несчастьями. Ведь фактически с двадцати девяти лет она оказалась вдовой; муж ее давно страдал психическим заболеванием, над ним была учреждена опека, и жили они врозь: он — в Москве на Никитской, она — в Яропольце. Не пожелала она иметь при себе также и Екатерину и Александру: те больше жалели и любили больного отца, чем мать, которую с детства боялись. Со всеми особенностями этих внутрисемейных отношений Пушкину приходилось считаться. Закрепилось с бартеневских записей рассказов современников о Пушкине довольно злоречивое свидетельство о том, что Наталья Ивановна страдала запоями и неразборчивыми интимными

Header Page 11 of 194

связями со слугами (ссылка С. А. Соболевского на якобы слышанные им слова Пушкина). Авторы книги справедливо относят такое свидетельство к числу произвольных «интерпретаций» слов поэта. Им удается правдиво рассказать и об этих сторонах жизни Н. И. Гончаровой. Видимо, она благоволила к своему управляющему, служившему у нее двадцать лет, С. Ф. Душину, тому самому, который водил Пушкина по Ярополюцу и показывал местные достопримечательности. Очень красит Н. И. Гончарову ее любовное отношение к внукам, то есть к детям Пушкина.

Наталья Ивановна в свой альбом переписала стихотворение Пушкина «Молитва» («Отцы пустынноики и жены непорочны»), опубликованное в «Современнике» после его смерти.

Конечно, она была потрясена гибелью зятя. И, несомненно, неприязненно относилась к Дантесу, верно почувствовав его многие гадкие стороны.

В книге впервые мы узнаем о секрете той красоты, которой отличались все женщины Гончаровы: и мать, и ее три дочери, и среди них поистине феноменальной красотой была наделена Натали. В одном из найденных писем Натальи Николаевны к своему второму мужу, П. П. Ланскому, упоминалось о какой-то загадочной лифляндской родне ее матери. Архивные разыскания авторов книги в Тарту (Дерпте) привели к важному открытию: матерью Натальи Ивановны Гончаровой была баронесса Ульрика Поссе, с которой при живой жене обвенчался взбалмошный И. А. Загряжский, отец Натальи Ивановны, во время военной службы в Лифляндии. Он привез беременную Ульрику Поссе в Ярополец. О подробностях семейной драмы читатели узнают из книги. Пленила Ульрика Поссе русского офицера своей исключительной красотой, о которой надолго сохранились предания в семье Гончаровых, и, видимо, Наталья Николаевна во многом походила на свою бабушку... Вероятно, и Пушкину были ведомы эти пикантности из истории рода Гончаровых. Конечно, Наталья Николаевна рассказывала ему о своей бабушке, и припоминалась история эта всякий раз, когда возникали трения во взаимоотношениях Натальи Ивановны со своей сводной по отцу сестрой Екатериной Ивановной Загряжской, фрейлиной двора, благоволившей к жене Пушкина и всячески помогавшей ей. Почему бы и нам не взять в соображение секрет гончаровской красоты, коли она объяснена и играла столь

Header Page 12 of 194.
большую роль в судьбе Пушкина, любившего свою Мадонну.

Из публикуемых И. М. Ободовской и М. А. Дементьевым новых материалов вытекает и много частных выводов.

Вот, казалось бы, незначительный на первый взгляд факт, который, однако, должен занять свое место в итерарии поэта: намереваясь купить Никулино, неподалеку от Полотняного Завода, Пушкин, весьма вероятно, посетил его в 1834 году, иначе как же можно делать это заочно. Пушкин выдал чиновнику С. Г. Квасникову 8 октября 1834 года доверенность на приобретение с торгов этого имения Гончаровых. В архиве есть даже запись о цене гербовой бумаги, купленной для Пушкина по этому случаю, и об оплате за оформление доверенности в Гражданской палате.

Расширяется в разных ракурсах круг декабристских знакомств Пушкина. Соседняя с Яропольцем усадьба Осташево принадлежала генералу Н. Н. Муравьеву, основателю Школы колонновожатых, то есть офицеров Генерального штаба. Летом здесь происходили учения будущих офицеров. Из их числа вышли двадцать четыре декабриста, в том числе и сын генерала Александр Николаевич Муравьев, один из основателей тайных обществ «Союз спасения» и «Союз благоденствия». Разделял взгляды декабристов и другой его сын — Николай Николаевич. В Осташеве в свое время собирались декабристы Никита Муравьев, М. И. Муравьев-Апостол, И. Д. Якушкин, П. А. Муханов, Ф. П. Шаховской. Пушкин был лично знаком с ними. Посещая Ярополец, он предавался воспоминаниям о людях, со многими из которых его связывала дружба. Семейство же Чернышевых особенно импонировало ему: оно не сломилось, не предало память декабриста в отличие от тех, кто постарался проклясть сосланных родственников и увеселялся на царских праздниках.

В книге И. М. Ободовской и М. А. Дементьева заговорили не только выцветшие от времени портреты, полтора столетия никем не читанные письма, обретшие свои внутренние психологические характеристики и неповторимую типичность, но и многие места, посещавшиеся Пушкиным, мимо которых мы равнодушно проезжали не раз или пропосимся сейчас с «туристским» безразличием. А между тем они отзывались в сердце поэта и входят в большую русскую историю.

Поэтому вполне оправдан элемент своеобразного живо-

Header Page 13 of 184
писания авторов, их стремление представить Ярополец, усадьбы Гончаровых и Чернышевых в том виде, в каком они были при Пушкине. Они мысленно воспроизводят реставрацию комнаты, в которой гостил Пушкин и о которой сохранились предания и позднейшие скупые свидетельства мемуаристов.

Ясно, что инициатива И. М. Ободовской и М. А. Дементьева, чтобы в Яропольце был открыт филиал Музея Пушкина, должна быть всячески и горячо поддержана и дело доведено до конца. Паломничество туда уже началось.

В заключение следует сказать, что главное в книге — это образ самого Пушкина. Снова и снова он предстает перед нами как человек величайшей доброты, безгранично любящий свою жену и «мысль семейную», преисполненный, правда, какой-то подсознательной тревоги за хрупкость своего счастья. Он видит угрозу в нужде, в царских путях. Но исподволь возникали и те путы, которые делали его «невольником чести» и дали повод к роковой дуэли. Да, много нового света на жизнь Пушкина бросают книги И. М. Ободовской и М. А. Дементьева, сложнее и как живые предстают перед нами люди, влиявшие на его судьбу. Чистыми оказываются образы Натальи Николаевны и Александры Николаевны.

И. М. Ободовская и М. А. Дементьев проделывают благодатную работу, своими материалами подготавливая новый виток глобальных обобщений, касающихся судьбы Пушкина. Ясно, что критерии в оценке Пушкина не могут быть только узкосемейными или в рамках светских, придворных отношений его (в этом ошибка П. Е. Щеголева). Нужно исходить из мысли о творческой природе его натуры, о масштабах его гения. И при жизни Пушкин был признан первым поэтом России. Критерий самый верный — стихотворение М. Ю. Лермонтова «Смерть Поэта».

Велика заслуга тех ученых, которые кропотливым трудом на основе документальных данных проясняют наши знания о Пушкине и окружавших его современниках. Только из этих достоверностей мы обретаем правильное представление об обстоятельствах и лицах, среди которых жил и творил Пушкин, радовался и огорчался, черпал образы и мотивы своего творчества.

В. И. КУЛЕШОВ

ОТ АВТОРОВ

Много книг написано о тех местах, где жил или бывал Александр Сергеевич Пушкин. В них подробно говорится о Михайловском и Болдине, о получившем в последние годы широкую известность «Пушкинском кольце», охватывающем ряд поместий, которые посещал Пушкин, почтовой станции Выра и так далее и так далее. Даже упоминание о том, что здесь был, хотя бы на краткий миг, великий поэт, дорого сердцу каждого.

А между тем есть недалеко от Москвы две усадьбы, связанные с биографией Пушкина, его жены Натальи Николаевны, их родственников и друзей. Мы имеем в виду Ярополец в Волоколамском районе Московской области. Сюда два года подряд приезжал Александр Сергеевич к теще Наталье Ивановне Гончаровой. О первом его приезде в 1833 году было известно давно, а второй — в 1834 году — установлен авторами этой книги.

Известный пушкинист М. А. Цявловский, посетивший эти места, писал еще в 1930 году, что Ярополец вошел в биографию великого поэта, а следовательно, и в историю русской культуры: «Усадьба эта — одно из тех пушкинских мест, изучение которых наш долг».

Но в дальнейшем Ярополец остался почему-то в стороне, незаслуженно забытым. И только после того, как нами была опубликована статья о пребывании там поэта в 1833 и 1834 годах*, усадьба эта приобрела популярность.

Мы полагаем, для читателя представит интерес краткая история Яропольца. Она начинается с первого его владельца — бывшего украинского гетмана П. Д. Дорошенко. Затем поместье переходит к его потомкам, от них одна часть — к Чернышевым, а другая — к Загряжским, и уже от последних — к Гончаровым. Обо всех этих семействах в книге много нового. Так, например, о матери Натальи

* Москва, 1977, № 3.

Header Page 15 of 194
Ивановны Гончаровой, урожденной Загряжской, ходило множество легенд. Авторам удалось установить, кто такая была Ульрика Поссе-Загряжская, и на основании достоверных сведений рассказать о ней.

Интересными будут для читателя и сведения о том, что предки Пушкина некогда имели свои владения в Волоколамском уезде. И не только здесь, но и в Зарайском уезде Рязанской губернии*, где уже в не столь далекие времена, в середине XVIII века, в близком соседстве были поместья Пушкиных и Гончаровых. Эти давние связи двух семейств чрезвычайно любопытны.

В книге дается описание ярополецкой усадьбы пушкинских времен. Этот старинный архитектурный ансамбль, несомненно, произвел большое впечатление на поэта. Ему понравился и живописный парк на берегу извилистой Ламы, по которому он гулял.

Ярополецкая усадьба Гончаровых была окружена целым рядом поместий. Жившие здесь или приезжавшие сюда молодые люди в той или иной степени были связаны с декабристским движением. С многими из них был знаком Пушкин. Особый интерес вызывает соседний с гончаровским Ярополец Чернышевых, родственников Пушкина. О них мы расскажем подробнее, приведя найденные нами письма членов этой большой семьи, из которой вышли декабрист Захар Григорьевич Чернышев и жена декабриста Никиты Муравьева Александра Григорьевна, урожденная Чернышева. В книге впервые публикуется не известное до сих пор письмо ее из читинской ссылки.

Мы расскажем также и о тех лицах, которые породнились с Чернышевыми и тоже были незаурядными личностями того времени, как, например, видный полководец Н. Н. Муравьев (Карский) и известный ученый и библиофил А. Д. Чертков. Оба они женились на сестрах Чернышевых и были, следовательно, не только знакомы с Пушкиным, но и через своих жен состояли с ним в родстве.

Поездки Пушкина в Ярополец связаны непосредственно с взаимоотношениями семей Пушкиных и Гончаровых. Причем главную роль в этом играла Наталья Ивановна Гончарова. К ней дважды приезжал Пушкин для переговоров о семейных делах. В книге приводятся неизвестные письма, характеризующие эту женщину, дающие возможность по-новому взглянуть на ее отношения с зятем в последние годы его жизни.

* Теперь Зарайский район Московской области.

Header Page 16 of 194

В более поздние времена в Яропольце проживал Иван Николаевич Гончаров, брат Натальи Николаевны Пушкиной. Именно он поддерживал тесную связь с детьми Александра Сергеевича, ему мы обязаны сохранением в неприкосновенности пушкинской комнаты в ярополецком дворце.

В Центральном государственном архиве древних актов хранятся письма, свидетельствующие о постоянном тесном общении детей и внуков Пушкина с ярополецкими Гончаровыми. Впервые публикуются нами связанные с Яропольцем неизвестные письма Н. Н. Пушкиной-Ланской, М. А. Гартунг, дочери поэта, и внуков к Ивану Николаевичу Гончарову, самого Ивана Николаевича и других Гончаровых, отражающие их близкие родственные отношения.

Память о Пушкине всегда жила в Яропольце. Мы также приводим впервые интересные воспоминания М. П. Карцовой, родственницы Гончаровых, рассказывающей об этом. В начале 90-х годов Ярополец посетил известный писатель и журналист В. А. Гиляровский, встречавшийся там со старожилками, помнившими Пушкина. Он написал о своих впечатлениях статью, выдержки из которой мы также поместили в книге.

Прекрасное здание ярополецкого дворца дожило до наших дней, сохранился и парк, в котором внимание всех приезжающих привлекает «пушкинская аллея».

Большой интерес представляет и усадьба Чернышевых. Дворец ее сейчас реставрируется. Мы предпослали основным главам книги краткое описание этих дворцов и парков, дополнив их фотографиями, которые дают общее представление о том, какими были эти усадьбы во времена Пушкина.

Предлагаемая вниманию читателей книга «Пушкин в Яропольце» — третья наша работа по теме «Пушкин и Гончаровы». До этого вышли в издательстве «Советская Россия» две наших книги — «Вокруг Пушкина» (первое издание в 1975 году, второе — в 1978 году) и «После смерти Пушкина» — в 1980 году. И в этой книге мы продолжаем публиковать неизвестные письма и выдержки из них, а также некоторые новые данные, касающиеся действующих лиц.

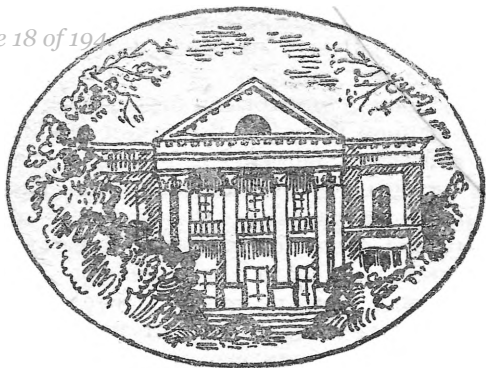
Почти все письма написаны на французском языке, перевод сделан И. М. Ободовской. Встречающиеся иногда

в подлинниках русские фразы и слова даны нами в разрядку.

Книга рассчитана на широкие круги читателей. Необходимые по тексту комментарии и ссылки — в примечаниях.

Приносим искреннюю благодарность за содействие нашей работе Центральному государственному архиву древних актов, Государственному музею А. С. Пушкина, Государственному Историческому музею и Всесоюзному научно-исследовательскому институту реставрации — в Москве; Всесоюзному музею А. С. Пушкина и Отделу рукописей ИРЛИ (Пушкинский дом) — в Ленинграде, Центральному государственному историческому архиву Эстонской ССР, Картинной галерее в Тамбове и Словацкому национальному музею в Братиславе, а также правнучке А. С. Пушкина Н. С. Шепелевой и доктору технических наук М. И. Юркиной, предоставившим нам материалы по некоторым вопросам, освещаемым в книге.

ЯРОПОЛЕЦ .

Недалеко от Москвы, в Волоколамском районе, находится село Ярополец, в котором расположены два замечательных памятника русской культуры, две усадьбы — Гончаровых и Чернышевых, связанные с биографией нашего великого поэта Александра Сергеевича Пушкина, с женой его Натальей Николаевной, урожденной Гончаровой, и с их окружением.

История села Ярополец уходит в давние времена. Некогда недалеко от него стоял небольшой укрепленный город Волок Ламский. Здесь из реки Ламы волокли по земле лады до Волошни, оттуда водою они доходили до Москвы-реки, а из нее можно было попасть в Оку и далее — в Волгу. Впервые Волок Ламский упоминается в летописях 1135 года, а с 1462 года становится удельным княжеством. Стратегическое его значение понятно: он охранял торговый путь на Оку и Волгу.

В 24 километрах от Волоколамска расположен Иосифо-Волоколамский монастырь, ранее называвшийся Иосифо-Волоцким. Он будет неоднократно нами упоминаться,

а поэтому скажем несколько слов об этом интересном средневековом памятнике русской истории и зодчества, дошедшем до наших дней.

Иосифо-Волоцкий монастырь был основан в 1479 году местным уроженцем Иосифом Волоцким (1439—1515), выходцем из небогатой дворянской семьи, впоследствии известным церковным и политическим деятелем. Он был умным и широко образованным человеком, понимавшим, что в то смутное время феодальных междоусобиц, когда еще не окончательно было сброшено иго Золотой Орды, монастырь должен быть не только обителью, но и крепостью. Как крупный опорный пункт на подступах к Москве, монастырь стал свидетелем многих исторических событий. Он сыграл заметную роль в борьбе самодержавия с боярством, долгое время служил местом ссылки противников церкви и государства. В знак благодарности за эту его деятельность русские цари вносили в монастырь большие вклады. Монастырю принадлежали многие земли и окрестные села. Помимо щедрых вкладов, он богател и за счет жестокой эксплуатации крестьян. Широкая известность монастыря привлекала сюда многих людей. Так, среди монахов здесь до самой смерти находился отец Малюты Скуратова, день и ночь замаливавший грехи своего сына.

Но для нас интереснее всего, что история монастыря и история Яропольца связаны с предками Пушкина. Прямой предок Пушкина Иван Голова* после смерти жены остаток своих дней провел в Иосифо-Волоцком монастыре под именем схимонаха Ионы. Он пользовался доверием Иосифа Волоцкого и, видимо, играл большую роль в делах монастыря. Так, когда у Иосифа испортились отношения с удельным князем Федором Борисовичем Волоцким, Иван Голова — Иона был послан (1507 г.) к великому князю Василию III, и монастырь был взят под великокняжескую защиту.

При Иосифе построили каменную соборную церковь, росписи которой были выполнены под руководством знаменитого Дионисия. К сожалению, она не сохранилась. В 1515 году Иосиф умер, и его причислили к лику святых, с тех пор монастырь и называется Иосифом-Волоцким. В последующие годы монастырь бурно строился и расши-

* Впоследствии — Головины. С Н. Г. Головинным, своим родственником, Пушкин «постоянно находился в весьма дружественных отношениях».

Header Page 20 of 194

рялся и к концу XVII века стал одним из выдающихся памятников русской архитектуры. Немного найдется в России монастырей, имеющих столь красивые стены, башни и соборы. В убранстве фасадов широко применялись поливные изразцы, резной белый камень, полихромная раскраска. Это придает им необыкновенную декоративность. Издали монастырь похож на сказочный город, выросший на берегу озера, образованного запруженной рекой Сестрой.

При рассмотрении истории Иосифо-Волоцкого монастыря нельзя пройти мимо того, что в числе земель, на которых был основан монастырь, были земли и других предков Пушкина, Ржевских. Недавно вышла в свет книга Н. К. Телетовой «Забытые родственные связи А. С. Пушкина», в которой она подробно пишет об этих интересных родственниках поэта¹.

«При переходе Ржевских на службу московскую им пожалованы были земли, но уже в XV веке на части этих земель основан был Иосифо-Волоколамский монастырь. На протяжении почти двух столетий все новые и новые деревни продавались и дарились Ржевскими этому монастырю на помин души... Вкладчиками монастыря были и те члены семьи, которые уходили в монастырь»².

Неоднократно посещал монастырь Иван Грозный, крестным отцом которого был один из монахов-иосифлян. В числе владений монастыря было и село Ярополч. В 1562 году вместе с 16 деревнями это село Иван Грозный выменял у монастыря, и земли Яропольца стали постоянным местом царской охоты.

Название Ярополец (Ярополч), возможно, связано с именем князя Ярополка, сына Владимира Мономаха, построившего на высоком берегу Ламы (там, где теперь стоит бывший дворец Гончаровых) укрепленный лагерь.

Еще при Иване Грозном началось изъятие государством у церквей и монастырей их земельных владений. Эта секуляризация получила потом широкое распространение. Значительная часть церковных земель раздавалась и Петром I, и Екатериной II своим приближенным царедворцам. К концу XVIII века Иосифо-Волоцкий монастырь был уже отнесен к числу второразрядных, и о былом его величии напоминали только стены, башни и великолепные соборы.

В 1684 году, при правительнице Софье, село Ярополец (в числе других деревень и приселков, насчитывавших в

общей сложности 1000 дворов) было пожаловано Петру Дорофеевичу Дорошенко (1627—1698), бывшему гетману Правобережной Украины, после того как он отрекся от гетманства и перешел на сторону Москвы. Петр Дорофеевич был женат на Агафье Борисовне Еропкиной, от которой у него было два сына: Александр Петрович и Петр Петрович.

Дорошенко умер и похоронен в Яропольце. После смерти отца старшему, Александру, отошла та часть поместья, на которой теперь расположена бывшая усадьба Гончаровых, а младшему, Петру,— вторая половина, проданная им впоследствии Григорию Петровичу Чернышеву, деду Григория Ивановича Чернышева, владельца яропольской усадьбы при жизни Пушкина.

Александр Петрович Дорошенко был женат на Праксодии Федоровне Пушкиной, родственнице А. С. Пушкина, но не по прямой линии. Дочь Александра Петровича, Екатерина Александровна, вышла замуж за Александра Артемьевича Загряжского. Так впервые эта фамилия входит в историю семьи Гончаровых, а через них и Пушкиных, о чем мы расскажем в следующей главе.

Все эти яропольские родственные отношения были, несомненно, известны Пушкину, и он, конечно, с большим интересом ехал в места, связанные с предками Пушкиных и Гончаровых.

В пушкинские времена, как мы уже упоминали, вокруг гончаровского Яропольца были расположены усадьбы, принадлежавшие замечательным людям того времени, многие из которых были связаны с декабристским движением. Некоторые члены этих семей породнились с владельцами яропольских усадеб, были знакомы с Пушкиным. Расскажем об этих интересных людях.

На берегу реки Рузы, в 19 верстах от Волоколамска, в начале прошлого века находилась усадьба Осташево, принадлежавшая генералу Николаю Николаевичу Муравьеву (старшему), основателю Школы колонновожатых, то есть офицеров Генерального штаба. Здесь в летнее время происходили учения воспитанников школы. Из их числа вышло двадцать четыре декабриста. В Осташеве в 20-х годах XIX века часто собирались будущие декабристы: И. Д. Якушкин, Никита Муравьев, П. А. Муханов, Ф. П. Шаховской, М. И. Муравьев-Апостол.

Усадьба Муравьевых была интересна и по своей архитектуре: она была построена в стиле псевдоготики, с многочисленными башнями. До нас дошла одна из них, богато декорированная, с большими часами в верхней ее части. По преданию, эти часы были остановлены в день и час казни декабристов...

Близ Яропольца расположилось и поместье Ботово, принадлежавшее сыну генерала Муравьева Александру Николаевичу Муравьеву, одному из основателей раннего общества «Союз спасения». Он был женат на Прасковье Михайловне Шаховской, сестре князя Валентина Михайловича Шаховского, имение которого Белая Колпь также находилось по соседству. В. М. Шаховской преподавал в Школе колонновожатых, и у него часто собирались его воспитанники. Впоследствии Шаховской был адъютантом М. С. Воронцова. В Одессе он встречался с Пушкиным. Большим другом В. М. Шаховского был декабрист Петр Александрович Муханов, неоднократно приезжавший в Белую Колпь. Пушкин не раз встречался и с Мухановым в Одессе, читал ему I главу «Евгения Онегина», упоминал о нем в письмах к Вяземскому и брату Льву Сергеевичу, относил его к числу своих друзей.

И наконец, еще два сына Н. Н. Муравьева — Николай и Андрей. Николай Николаевич, хотя и не состоял в тайной организации, разделял взгляды декабристов. Несколько особняком стоит третий Муравьев — Андрей Николаевич. Об этих двух братьях мы будем говорить далее подробнее. Оба они знакомы с Пушкиным и Гончаровыми, а с Чернышевými, как мы увидим, состояли в родстве.

Недалеко от Яропольца находилось и Лотошино, имение князей Мещерских. Пушкин был хорошо знаком с одним из членов этой семьи — Петром Ивановичем Мещерским, женатым на дочери историка Н. М. Карамзина Екатерине Николаевне. Что касается Гончаровых, то они были в дружеских отношениях с Мещерскими, а в более поздние годы, уже после смерти Пушкина, дважды породнились с ними. Усадебный дом Мещерских не сохранился, но как он выглядел в те времена, можно видеть на фотографии с картины художника Г. Жерена (акварель), публикуемом впервые.

Ближе всех к гончаровскому Яропольцу находилась вторая половина дорошенковского поместья — Ярополец Чернышевых, о котором мы расскажем ниже.

Header Page 23 of 24

О том, что Пушкин в 1833 году впервые посетил Ярополец, известно уже давно. Нет сомнения, что эта старинная усадьба очень понравилась ему. Попробуем увидеть ее глазами поэта. Что предстало перед его взором, когда он впервые туда приехал?

От дорошенковских времен, по-видимому, уже тогда никаких построек в Яропольце не сохранилось. Петр Дорофеевич прожил там всего 14 лет и значительного ничего не построил. Надо полагать, у него были простые деревянные строения, исчезнувшие при последующих владельцах. Теперешний дворец и церковь, дворовые и парковые здания построены в конце XVIII века Александром Артемьевичем Загряжским (1716—1786). В 1823 году все поместье перешло к Гончаровым, владевшим им до Великой Октябрьской социалистической революции, то есть почти целый век. Но они вряд ли что-либо строили.

В пушкинские времена, вероятно, еще была полностью цела внешняя кирпичная ограда усадьбы, красиво декорированная арочными мотивами, с оригинальными башнями в стиле русского классицизма. Две большие башни темно-кирпичного цвета с многочисленными амбразурами бойниц и декоративными зубцами наверху стояли по сторонам въезда в усадьбу. Слева, между внешней и внутренней оградами, была церковь, построенная раньше дворца. Этим и объясняется несколько необычное его расположение — не против въездных ворот, а сбоку. Церковь была переделана (пристроены приделы) сыном Александра Артемьевича Борисом Александровичем Загряжским, волоколамским предводителем дворянства. Гармоничная, строгая ее архитектура типична для того времени. (В более поздние годы реставрацией церковной живописи занималась Наталья Ивановна Гончарова. Из ее писем мы узнаем, что Дмитрий Николаевич присылал ей живописца Макарова, возможно, своего крепостного, работой которого она осталась довольна.)

Направо от въездных ворот, напротив церкви, находился довольно большой двухэтажный дом управляющего. Эти две постройки отделялись от парадного двора перед дворцом красивой металлической оградой со вторыми въездными воротами, обрамленными двумя небольшими парными колоннами. Точно такие же ворота прерывали ограду и с другой стороны, они вели в фруктовый сад и парк. Парадный двор перед дворцом в виде замкнутого полукруга некогда, очевидно, был засажен цветами, возможно, розами.

А. П. Арапова¹, говоря в своих воспоминаниях о приезде Ивана Александровича Загряжского в Ярополец, пишет, что «дорожная берлина* огибала цветочную лужайку».

Гончаровская усадьба представляла собой великолепный, гармоничный ансамбль. Дворец, сравнительно небольшой, необыкновенно хорош по своим пропорциям и очень изящен.

Имя архитектора, строившего его, неизвестно. Есть свидетельства, что к проекту был причастен К. Растрелли, но строил якобы его сын. В воспоминаниях М. П. Карцовой² так говорится об этом: «...Пригласили Растрелли, строившего тогда придел в соборе Нов. Афона** под Москвой, построить дом на их участке, но Растрелли-отец прислал сына, осмотревшего местность, снявшего план и отвезшего его отцу, который и составил проект усадьбы. Сам он никогда не приезжал в Ярополец, а сын его по его указаниям наблюдал за строительством и руководил им. Возникла гениально задуманная и мастерски выполненная группа зданий, построенных из огнеупорного темно-красного кирпича, изготовлявшегося тут же».

О том, что дворец строился под наблюдением Растрелли, говорит и Арапова. Однако современные архитекторы, как, например, С. А. Топоров, считают, что это был кто-то из очень хороших мастеров баженовско-казаковской школы.

Дворцовый фасад, обращенный к парадному двору, состоял из центральной части и соединенных с ней закрытыми одноэтажными галереями двух меньших корпусов, все три здания — двухэтажные. Вход во дворец обрамлен коринфским портиком с шестью парными колоннами, придававшими ему очень торжественный вид. Крыши галерей служили балконами, с них открывался красивый вид на парк, реку, заречье и на парадный двор. С обеих сторон дворца шла металлическая ограда с уже упоминавшимися воротами. Напротив — два двухэтажных фронтонных флигеля, соединенные с одноэтажными постройками, но менее богато декорированными, чем дворцовые галереи, с двумя башнями у въезда на служебный двор, куда вели такие же ворота с парными колоннами. Прямо против ворот во втором дворе стояли три здания, также красиво декорированные. Первое, двухэтажное, по-види-

* Старинный экипаж.

** По-видимому, у Карцовой описка. Речь идет о Новом Иерусалиме.

мому, было театром, одно из боковых, возможно, — ткацкой фабрикой, где работали крепостные, назначение другого — неизвестно. В те времена и служебные постройки (как, например, дом управляющего) строились в одном стиле с дворцом.

Весь этот ансамбль, выкрашенный в темно-кирпичный цвет (колонны и отделка зданий — белые), производил большое впечатление своей нарядностью и необыкновенно гармоничным сочетанием отдельных элементов.

Пушкин писал жене из Яропольца о «раззоренном дворце» своей тещи. Но дворец дожил до наших дней и после капитального ремонта вновь принял прежний вид. Слова Пушкина не следует воспринимать буквально. Видимо, тогда давно не ремонтировавшееся здание показалось ему запущенным; не было, вероятно, и красивого цветника перед дворцом: Наталью Ивановну, как женщину практичную, более интересовали огороды. Да Гончаровы и не имели средств поддерживать былое великолепие загрязских времен, и при них усадьба начала приходить в упадок. Надо полагать, имели нежилой вид и парадные комнаты дворца, возможно, стоявшие запертыми, так как Наталья Ивановна жила в нескольких комнатах левого крыла.

В главном здании, по-видимому, было десять комнат, по пять на каждом этаже. (Сейчас оно частично переделано.) Прямо из вестибюля, в котором был тамбур с цветными стеклами, дверь вела в центральный зал, очевидно, служивший столовой. Направо гостиная, за ней лестница на второй этаж. Налево — комнаты, где останавливался Пушкин.

Интерьер дома подробно описывает М. П. Карцова. Она еще застала обстановку, сохранившуюся с пушкинских времен, и потому ее воспоминания представляют большой интерес.

«Стены нижнего этажа, — пишет Карцова, — были художественно расписаны в тонах жженой сепии; у дверей шли вертикальные орнаменты в кобальтовых тонах на белом фоне, удивительно гармонизировавшие со стеной живописью, изображавшей уголки парка. Эта живопись была однородна в столовой и прилегающей к ней гостиной. Потолки в тех же тонах были скромно украшены. В гостиной летящий аист нес в клюве люстру из стеклянных подвесок и кобальтовой фарфоровой середины. Двери были резные, прекрасного рисунка, выполненные местным

Header Page 26 of 194
мастером-крестьянином, славившимся тогда на всю Россию и получавшим заказы для строившихся церквей; его работу можно было увидеть в соборе Н. Афона. Во всем ничего кричащего, а величие и гармония размеров, соединенные с удобством и уютом. Ни за границей, ни в других стародворянских усадьбах я этого не наблюдала.

Сохранившиеся фотографии интерьеров гончаровского дома говорят о том, что там была красивая мебель, множество портретов украшали стены гостиной. На втором этаже — библиотека и бильярдная. Назначение других комнат нам неизвестно. Особенно интересна старинная библиотека, которой пользовался Пушкин. В материалах за 1935 год, хранящихся в Центральном государственном архиве народного хозяйства, говорится: «Большую ценность представляет собою библиотека, состоящая из книг допушкинского и пушкинского периодов, главным образом на французском, английском и немецком языках. Обращают на себя внимание громадные географические атласы на английском языке, несомненно, представляющие громадную библиографическую ценность»¹.

Об этой библиотеке упоминает и Карцова.

«Наверху в доме была большая библиотека. При мне остались только длинные застекленные полки высоко на стенах, а шкапы были вынесены в бильярдную там же во 2-м этаже. Вот из этих-то шкапов Пушкин выбрал два ящика книг XVIII века, — по большей части французских, и увез с разрешения тещи с собой. Видела я альбом, где в угоду благочестивой теще он написал «Отцы пустынных»². Этот альбом был взят Олегом, сыном великого князя Константина Константиновича, для фотографирования пушкинских строк. Вернул ли он его в Ярополец, не знаю. Великий князь Олег был страстным пушкинистом»³.

О том, что Пушкин увез из Яропольца некоторое количество книг (он пишет Наталье Николаевне: «десятка три»), Карцова говорит о двух ящиках), хорошо известно, но что он взял также и несколько старинных годовых комплектов газет «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости», мало кто знает.

Из этих отобранных Пушкиным в библиотеке Загряжских газет В. Л. Модзалевский обнаружил «Санкт-Петербургские ведомости» за 1755, 1756, 1758 и 1766 годы в трех старинных кожаных переплетах и «Московские ведомости». На некоторых из них написано: «Генералу Загряцкому», то есть Александру Артемьевичу Загряжскому, деду

Натальи Ивановны¹. Какие-то из комплектов этих газет в 1836 году Александр Сергеевич подарил известному библиофилу С. Д. Полторацкому, который в 1837 году «в память его,— как он сам пишет,— отдал их в переплет в сафьян с золотым обрезом». Так что свидетельство Карцовой о двух ящиках, очевидно, соответствует истине.

Пушкинский кабинет — довольно большая комната, длинная, с колоннами в глубине. Обстановка ее не сохранилась, но мы можем видеть, какою она была, на фотографии. Одно окно выходило в парк, за которым открывался великолепный вид на заливной луг за Ламой и далекие деревни, другое — в тенистый сад.

Е. А. Мещерская, неоднократно бывавшая в начале века в Яропольце, пишет так:

«Центральную часть дома занимала парадная зала. Направо была приемная, налево — комнаты Александра Сергеевича и Натальи Николаевны, кабинет поэта. Эти комнаты, имевшие историческое значение, придавали всему дому торжественность музея. Необычайной ценностью были стены, расписанные от руки пейзажистами. Все печи украшены майоликой: белое с синим. В кабинете Пушкина — камин, рядом, на круглом столике, — бюст поэта. Над его письменным столом, на стене — чучело совы, словно застывшей в тот самый миг, когда, распростерши крылья, она вздумала взлететь. На большом круглом столе, перед прекрасным акварельным портретом Натальи Николаевны, лежало много книг. Каждая из них когда-то была собственноручно вынута из домашней библиотеки и положена здесь Пушкиным.

В этих комнатах никому не приходило в голову к чему-либо прикоснуться, посетители разговаривали между собою только вполголоса. Испытываемое здесь всеми нами чувство восторженного благоговения создавало такое впечатление, точно сам поэт только что вышел и находится где-то неподалеку...»²

Справа от дворца на высоком берегу извилистой Ламы был разбит огромный парк в английском стиле. В его планировке не было той парадной регулярности, которую мы увидим в парке соседнего чернышевского Яропольца.

«Контуры его определяются естественными очертаниями реки и границами владения... Природные достоинства места настолько хороши, что в данном случае скорее пре-

Header Page 28 of 194

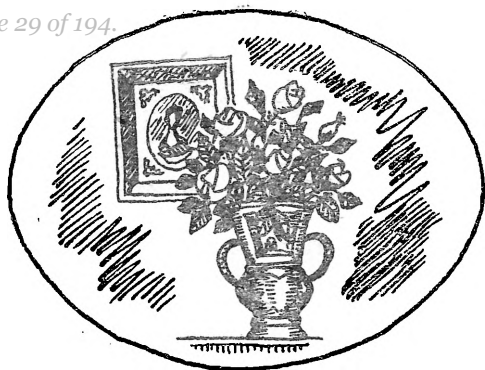
обладало благоговейное отношение к природной красоте, к ее простоте и естественности. И в береговой линии посаженных берез, сопутствующих обыкновенной тропе вдоль Ламы, нет и тени какой-либо притязательности, кроме желания связать парк с естественной речной границей, не нарушая простоты и непосредственности естественного пейзажа. Дорожки и тропы соединяют отдельные участки, подчиняясь только рельефу, и свободно забегают во все уютные уголки парка. Постоянно скрываясь за изгибами, то пропадая в тени деревьев, то выстилаясь по яркому ковру солнечных лужаек, они придают большое очарование пейзажу»¹.

На маленьком искусственно сделанном острове на реке, по преданию, называвшемся «соловьиным», росли жасмин и сирень, он соединялся с парком изящным мостиком. Одна из липовых аллей недалеко от дома носит название «пушкинской»: она, видимо, нравилась поэту, по ней он гулял во время своих приездов в Ярополец. Уже при Пушкине, мы полагаем, парк был несколько запущен, что, вероятно, придавало ему особое очарование.

Здесь не было ни скульптур, ни фонтанов, а здания хозяйственного назначения стояли за оградами и не нарушали прелести естественного пейзажа. Пушкин, несомненно, видел и большой павильон с колоннами, и так называемый «банный дом», и оранжереи, все эти строения до нас не дошли, сохранились лишь фотографии начала XX века. В оранжерее некогда росли разные диковинные растения и фрукты, но вряд ли все это поддерживалось при Наталье Ивановне. Однако большой фруктовый сад у нее был, она постоянно обменивалась саженцами с женой сына Дмитрия Николаевича Елизаветой Егоровной, тоже, очевидно, следившей за оранжереями и садом Полотняного Завода. Из писем мы узнаем, что она посылала свекрови ананасы и персики.

Мы надеемся, что краткое описание гончаровского Яропольца даст представление о том, каким видел его Пушкин, а публикуемые фотографии его дополняют.

ЗАГРЯЖСКИЕ И ГОНЧАРОВЫ

Как мы уже упоминали, после смерти П. Д. Дорошенко Ярополец был поделен между его сыновьями Александром Петровичем и Петром Петровичем. Последний в 1717 году продал свою часть сподвижнику Петра I графу Григорию Петровичу Чернышеву. Дочь Александра Петровича, Екатерина Александровна, вышла замуж за богатого сановника Александра Артемьевича Загряжского, приходившегося родственником Г. А. Потемкину, известному фавориту Екатерины II.

Род Загряжских был издавна связан с Волоколамском. Еще в 1627 году Иван Афанасьевич Загряжский, по прозвищу Полосуха, служил воеводой в Волоколамске. Сын Александра Артемьевича Борис Александрович Загряжский, генерал-майор — уездный предводитель дворянства Волоколамска¹. И кстати скажем здесь, что там же был предводителем в начале 1850-х годов и брат Натальи Николаевны Пушкиной Иван Николаевич Гончаров.

Один из сыновей Александра Артемьевича, Николай

Александрович Загряжский, был женат на графине Наталье Кирилловне Разумовской. Наталья Ивановна Загряжская-Гончарова, теща Пушкина, приходилась племянницей старой графине. Дочери Александра Артемьевича Загряжского также породнились с известными фамилиями: Екатерина вышла замуж за графа Алексея Владимировича Салтыкова, а Елизавета — за барона Александра Николаевича Строганова. Сын его Григорий Александрович Строганов приходился двоюродным дядей Наталье Николаевне Пушкиной. Он и жена его Юлия Павловна поддерживали родственные связи с Пушкиными, которые не порывались и после смерти поэта.

И наконец, один из сыновей Александра Артемьевича Загряжского — Иван Александрович (это уже родной дед Н. Н. Пушкиной) — был женат на Александре Степановне Алексеевой, от которой имел сына Александра Ивановича и двух дочерей: Софью Ивановну, в замужестве графиня де Местр, и Екатерину Ивановну, впоследствии игравшую столь заметную роль в семье Пушкиных.

Иван Александрович, блестящий офицер, служил в Петербурге в гвардии, где славился своими «необузданными выходками». Когда однажды его полк стоял в Дерпте*, он влюбился в красавицу баронессу Поссе и, по семейным преданиям, даже обвенчался с ней при живой жене и привез ее беременную в Ярополец.

Баронесса Поссе, урожденная Липхарт, — мать Натальи Ивановны Гончаровой, тещи Пушкина. О ней ходило много легенд, но достоверных сведений до сих пор опубликовано не было. Теперь мы имеем возможность на основе документов сказать, кто она по рождению и какова была ее судьба до приезда в Россию. Прежде всего, приведем выдержку из письма Н. Н. Пушкиной-Ланской ко второму мужу, П. П. Ланскому, находившемуся тогда в Лифляндии**.

«В своем письме ты говоришь о некоем Любхарде*** и не подозревая, что это мой дядя. Его отец должен был быть братом моей бабки — баронессы Поссе, урожденной Любхард. Если встретишь где-либо по дороге фамилию

* Теперь Тарту, Эстонская ССР.

** Лифляндия была включена в состав Российской империи в 1721 году по Ништадтскому миру.

*** Наталья Николаевна неточно пишет фамилию, правильно — Липхарт.

Header Page 31 of 184

Левис, напиши мне об этом, потому что это отпрыски сестры моей матери. В общем, ты и шагу не можешь сделать в Лифляндии, не встретив моих благородных родичей, которые не хотят нас признавать из-за бесчестья, какое им принесла моя бедная бабушка. Я все же хотела бы знать, жива ли тетушка Жаннет Левис, я знаю, что у нее была большая семья. Может быть случай представит тебе возможность с ними познакомиться» (29 июня 1849 г.)¹.

Забегая вперед, скажем здесь, что, несмотря на всю экстравагантность своего поведения, Иван Александрович все же счел неудобным жить с двумя женами и поселился в Москве. Так, в книге С. П. Жихарева «Записки современника» есть такие строки: «Услышав поутру о приезде Ивана Александровича Загряжского... я тотчас же отправился к нему и, к великой радости моей, застал его дома. Все семейство его, два сына* и три дочери, находятся в Петербурге, а он живет на холостую ногу и, кажется, не упускает случая повеселиться. Он по-прежнему окружен пышностью и не изменяет своим привычкам, приобретенным в штабе князя Потемкина, которого был он из первых любимцев и ежедневных собеседников»². В дальнейшем Жихарев не раз упоминает о своих визитах к Загряжскому.

Очевидно, никаких связей между Липхартами и Загряжскими не было: Наталья Николаевна не знает, что ее тетушка Жаннет Левис умерла в 1831 году.

Итак, кто такая баронесса Поссе? В Центральном государственном историческом архиве Эстонской ССР в Тарту имеются очень интересные, а главное, достоверные сведения о Липхартах и Поссе. Эуфрозина Ульрика Липхарт (1761—1791), дочь богатого помещика, русского ротмистра Карла Липхарта и Маргарет фон Витингхофф, вышла замуж в 1778 году в Тарту за барона Мориса фон Поссе, владельца имения Выйду в Лифляндии. От этого брака была дочь («сестра моей матери тетушка Жаннет»). Супруги развелись 28 января 1782 года. Уезжая в Россию, Ульрика Поссе оставила в Лифляндии дочь Жаннет. О ней тоже есть сведения в архиве Тарту³.

Существовало предположение, что Ульрика Поссе — француженка. Фамилия и имя ее мужа действительно по-

* Жихарев пишет о двух сыновьях И. А. Загряжского. Авторам не удалось установить, был ли у него второй сын.

хожи на французские, и дочь их звали Жаннет; возможно, он был французского происхождения, но больше ничего о нем пока неизвестно.

А. П. Арапова так описывает появление Ульрики Поссе в России. Семья Ивана Александровича Загряжского — жена, сын и две дочери, — по-видимому, жила в Яропольце. И вот туда-то, к первой жене, и привез из Дерпта Загряжский красавицу Ульрику и «представил обманутую жену законной супруге». Последовала душераздирающая сцена. Загряжский тут же приказал перепрячь лошадей и ускакал в Москву!

Александра Степановна, которая была много старше, оказалась женщиной великодушной (Загряжский, очевидно, знал, что делал), она поняла всю глубину трагедии Ульрики и приняла ее и родившуюся вскоре дочь Наталью в свою семью. Полагаем, что в основном все это соответствует действительности, так как А. П. Арапова, несомненно, неоднократно слышала от матери и Гончаровых историю своей прабабки.

По семейным преданиям, Ульрика Поссе была поразительно красива. А. П. Арапова в своих воспоминаниях рассказывает, что у Екатерины Ивановны был ее портрет. Однажды, когда в Зимнем дворце случился пожар, вбежавший в комнату фрейлины Загряжской офицер счел самой ценной вещью оправленную в скромную черепаховую рамку миниатюру с изображением необыкновенной красавицы. В дворцовой конторе выразили удивление, почему именно этот «маленький ничтожный предмет» спас офицер. «Да взгляните хорошенько, — сказал он, — и вы поймете тогда, что я не мог оставить изображение такой редкой красавицы в добычу огню!» Впоследствии эта миниатюре перешла к Наталье Ивановне (где она сейчас — неизвестно). Помнившие Ульрику говорили Наталье Ивановне, что, хотя она и очень хороша собою, но сравниться с матерью не может. Не от бабки ли своей унаследовала эту изумительную красоту Наталья Николаевна?

Ульрика Поссе-Загряжская умерла в 1791 году, следовательно, Наталье Ивановне, которая родилась в 1785 году, было тогда уже 6 лет; она могла помнить мать. Неизвестно, жила ли все это время Ульрика в Яропольце, но если да, то, надо полагать, она похоронена в Иосифо-Волоколамском монастыре. Все это проливает свет на необыкновенную привязанность Натальи Ивановны к Яро-

польцу: там прошло ее детство, там потеряла она мать.

После смерти «чужестранки» Александра Степановна, по словам Араповой, при помощи своей влиятельной родни «приложила все старания, чтобы узаконить рождение Натальи, оградив все ее наследственные права».

Когда дочери подросли, Александра Степановна переехала в Петербург, под покровительство «всемогущей» тетушки Н. К. Загряжской.

Наталья Ивановна, как и ее сестры, была принята во фрейлины к императрице Елизавете Алексеевне, жене Александра I. С ранней юности она блистала необыкновенной красотой при петербургском дворе. Там в нее влюбился кавалергард А. Я. Охотников, фаворит императрицы Елизаветы Алексеевны. От Охотникова у императрицы была дочь (родилась в 1806 г., умерла в 1808 г.). В октябре 1806 года человек, подсланный якобы великим князем Константином Павловичем, смертельно ранил Охотникова при выходе из театра, и в январе 1807 г. он умер¹. Вероятно, чтобы замять всю эту историю, Наталью Ивановну выдали срочно замуж за Николая Афанасьевича Гончарова. Венчание, как это было принято, когда выходила замуж фрейлина, состоялось в дворцовой церкви.

Сын владельца знаменитых Полотняных Заводов в Калужской губернии, красавец собою, прекрасно образованный, талантливый музыкант, Николай Афанасьевич был хорошей партией, хотя уже в те времена дела Гончаровых подорвала безрассудная расточительность отца — Афанасия Николаевича.

В 1808 году, получив чин коллежского ассессора, Николай Афанасьевич перевелся в Москву и поступил на должность секретаря к московскому военному губернатору. Вероятно, переезд молодых был вызван необходимостью быть поближе к Полотняному Заводу, где «хозяйничал» Афанасий Николаевич.

Как известно, в свое время он получил в наследство от деда миллионное состояние: фабрики, заводы, поместья в разных губерниях. Но всю свою жизнь занимался только тем, что бездумно тратил капиталы и доходы, совершенно не интересуясь делами и передоверяя управление предприятиями и имениями управляющим, которые его обкрадывали. Разъехавшись с женой, не выдержавшей его сумасбродства, старик пустился во все тяжкие. В своей

главной резиденции в Калужской губернии — Полотняном Заводе — он устраивал роскошные празднества, заводил многочисленных любовниц, которых потом выдавал замуж с богатым приданым. Словом, к концу жизни он почти разорил свою семью, оставив ей в наследство полтора миллиона долга!

Какое-то время, пока отец был в длительной поездке за границей, молодой Николай Афанасьевич управлял всеми делами майората* и сумел в значительной степени привести их в порядок. Но вернувшийся отец отстранил сына от управления, чтобы снова бесконтрольно всем распоряжаться.

Семейная жизнь молодых Гончаровых сложилась печально. С 1814 года у Николая Афанасьевича начали периодически проявляться признаки душевной болезни, через несколько лет перешедшей в хроническую. Полагаем, что отстранение от дел и нелады с отцом сыграли здесь не последнюю роль. Больного поселили с присматривавшим за ним слугой во флигеле московского дома, и с этих пор он перестал играть какую бы то ни было роль в семье.

Наталье Ивановне исполнилось всего 29 лет, когда на ее плечи легла забота о больном муже и детях, а их было шестеро: три сына — Дмитрий, Иван и Сергей, и три дочери — Екатерина, Александра и Наталья.

Афанасий Николаевич — глава гончаровского майората, сначала хорошо обеспечивал семью больного и выделял 35—40 тысяч в год, правда, деньги поступали очень нерегулярно, но впоследствии стремился все меньше и меньше давать сыну, вернее, его жене.

Между тем Наталья Ивановна имела собственное довольно солидное состояние. Не раз получала она в наследство крупные суммы. В 1813 году умер ее брат Александр Иванович Загряжский. Он был холост, и его имение Кариан в Тамбовской губернии поделили сестры: Софья Ивановна, Екатерина Ивановна и Наталья Ивановна. Всего в Кариане с некоторыми другими деревнями значилось 1273 души мужского пола. По договору о разделе Наталья Ивановна от своей части поместья отказалась, но сестры обязались выплатить ей свыше 300 тысяч рублей в течение 13 лет — с 1814 по 1826 год. В 1821 году умер их дядя

* М а й о р а т — нераздельное недвижимое имущество (предприятия и поместья), не подлежащее продаже и находившееся в управлении старшего в роду.

Header Page 35 of 194

Николай Александрович Загряжский, состояние которого опять досталось трем сестрам. При этом разделе был аннулирован первый договор по Кариану и заново произведен раздел обоих наследств¹. На этот раз Наталья Ивановна получила 1396 душ в селе Ярополец Волоколамского уезда Московской губернии; остальные поместья дяди и Кариан отошли к сестрам Софье и Екатерине. Сколько сестры выплатили Наталье Ивановне за семь лет по первому договору, пока установить не удалось, но, судя по сохранившимся документам, ей причиталось свыше 180 тысяч рублей. Но, очевидно, какой-то части денег она недополучила. В одном из писем 1844 года Наталья Ивановна жалуется сыну, что ее родственные отношения с сестрами были нарушены из-за денежных расчетов:

«Поистине тяжело и горько быть несправедливо осужденной своими самыми близкими людьми, особенно теми, с кем прошло детство и юность. Казалось бы, эти первые узы дружбы сестер должны остаться неразрывными, так как были завязаны в лета, когда всякое притворство исключается, когда сердца и нравы искренни и правдивы, и однако корыстные расчеты меняют все — печальная действительность, вот что мне остается. Единственное удовлетворение, которое я могу противопоставить недоброжелательству, ничем не вызванному с моей стороны, это полное спокойствие моей совести, да будет бог тому судья»².

Трудно сказать, насколько справедливы эти упреки в адрес Софьи Ивановны и Екатерины Ивановны, но не исключено, что в данном случае старшие сестры объединились против «чужестранки», считая ее не совсем законной наследницей, если не де-юре, то де-факто. Это, несомненно, больно задело Наталью Ивановну, и не только в материальном, но и в моральном отношении. Сестры Загряжские между собой раздела не производили, и после смерти Екатерины Ивановны в 1842 году все перешло к Софье Ивановне, минуя Наталью Ивановну.

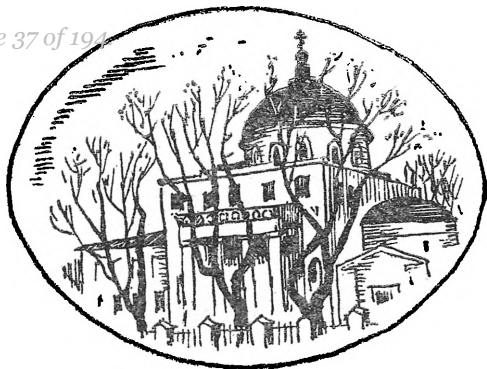
Шли годы. Видимо, до 1832 года Наталья Ивановна жила по зимам в Москве: нужно было дать образование детям, а потом и вывозить в свет подросших дочерей. Но вот один за другим они покинули родительский кров. Уехали служить в Петербург братья Дмитрий, Иван и Сергей, вышла замуж за Пушкина младшая, Наталья, отравили жить к деду в Полотняный Завод Екатерину и Александру, семья фактически распалась.

Header Page 36 of 194

В 1817 году Наталья Ивановна писала свекру: «Хотя конечно обхождение мужа моего со мною не отвечает ни в чем его прежней ко мне любви, но могу ли я когда-нибудь переменить свои намерения и оставить его одного, верно, никогда не в состоянии сего сделать»¹.

Однако после смерти Афанасия Николаевича Гончарова в 1832 году, которого Наталья Ивановна, вероятно, боялась, положение изменилось: она почувствовала себя свободной в своих действиях и переселилась в Ярополец. В 1835 году сын ее, Сергей Николаевич, перевелся на службу в Москву, и с тех пор больной Николай Афанасьевич жил под его опекой.

ПУШКИН И ГОНЧАРОВЫ

История взаимоотношений Пушкиных и Гончаровых начинается с того момента, когда Александр Сергеевич в 1828 году впервые увидел прекрасную шестнадцатилетнюю Наталью Гончарову на балу у танцмейстера Йогеля в Москве и беззаветно, страстно полюбил ее. Это известно всем. Но мало кто знает, что связи семей Пушкиных и Гончаровых имеют давнюю историю, что предки их были знакомы, а может быть, даже и дружны еще в середине XVIII века! А между тем это так.

В письмах Натальи Николаевны Пушкиной и ее сестер Александры и Екатерины Гончаровых, опубликованных нами в книге «Вокруг Пушкина», неоднократно упоминаются Зарайск и поместье Гончаровых Ильицыно в Зарайском уезде Рязанской губернии. Это побудило корреспондента московской областной газеты «Ленинское знамя» В. Полянцева приняться за поиски каких-либо сведений о владениях Гончаровых. Он нашел их в «Книге экономических примечаний Зарайского уезда»¹. Одновре-

менно оказалось, что в этом уезде было и несколько поместий Пушкиных!

Впервые Пушкины появляются здесь еще в 1690 году, когда Петр Петрович Пушкин поменял свои ярославские земли на зарайские. В XVIII веке в «Книге...» значится владельцем поместий Латыгори, Ананьино Пустошь, сел Саблино и Лобково и многих других Лев Александрович Пушкин, дед поэта (1723—1790). Более того, в совместном владении Льва Александровича и прапрадеда Натальи Николаевны Афанасия Абрамовича Гончарова (1699—1784) были зарайские деревни Латыгори и Чернятина Пустошь.

А по соседству с гончаровским поместьем Ильицыно находились земли Матвея Михайловича Сонцова, мужа Елизаветы Львовны (урожд. Пушкиной), родной тетки Александра Сергеевича! Не получила ли она его в приданое от отца?.. Нет сомнения, что и эти семьи общались: имение Сонцовых Плуталово было всего в двух верстах от гончаровского Ильицына.

Всего в Зарайском уезде Пушкиным и Гончаровым принадлежала одна десятая всех его земель! Вот к каким далеким временам относятся, видимо, близкие отношения Пушкиных и Гончаровых. По устным зарайским преданиям, Сергей Львович Пушкин не раз гостил у сестры Елизаветы Львовны в Плуталове.

Есть тому и документальное подтверждение. Так, в письме к П. А. Вяземскому от 2 августа 1837 года он сообщает: «Любезнейший князь Петр Андреевич! Возвращаясь из деревни Матвея Михайловича, я нашел письмо ваше...» Не исключено, что в детстве вместе с отцом ездил к тетке и Александр Сергеевич. Бывал там впоследствии и Александр Александрович, сын поэта, который даже крестил дочь племянницы Зарайского уездного воинского начальника А. А. Марина.

Но помимо Пушкиных, Сонцовых и Гончаровых, в Зарайском уезде жили и близкие знакомые Пушкина Веневитиновы и Виельгорские. В краеведческом музее Зарайска имеются портреты Виельгорских, поступившие из Ильицына. Следовательно, из этого можно сделать вывод, что Виельгорские и Гончаровы были близко знакомы (не в родстве ли?). Есть там также и портрет Ивана Александровича Загряжского, отца Натальи Ивановны Гончаровой.

И наконец, еще один факт, несомненно, любопытный:

в середине XVII века воеводою в Зарайске был Александр Владимирович Загряжский (1629—1656)¹. Не родственник ли он Александра Артемьевича Загряжского, отца Ивана Александровича, о котором мы уже говорили?

Все эти переплетения семейств Загряжских, Пушкиных и Гончаровых в Зарайском уезде чрезвычайно интересны для пушкиноведения, и мы надеемся, что они будут дополнены и найдут свое отражение в биографии Александра Сергеевича и Натальи Николаевны Пушкиных.

Ильицыно, наряду с другими деревнями*, Афанасий Абрамович Гончаров завещал своим потомкам еще в 1778 году. Впоследствии в Ильицыне любила жить летом Наталья Ивановна Гончарова. В этом богатом поместье было большое налаженное хозяйство, прекрасные фруктовые и ягодные сады. Ильицынские окрестности необыкновенно живописны. До наших дней сохранились старинный парк с вековыми липами, кленами, серебристыми тополями, сиренью, а также большой Барский пруд. Недалеко от усадьбы можно видеть и церковь, первоначальная постройка которой, вероятно, относится к XVIII веку. Главный усадебный дом сгорел еще до Октябрьской социалистической революции. Остался только флигель, в котором жили последние владельцы Ильицына.

Особенно стремились в Ильицыно дети Гончаровы. Приведем неизвестное письмо шестнадцатилетней Натальи Николаевны к деду.

«Любезный Дединька!

Я воспользуюсь сим случаем, дабы осведомиться о вашем здоровье и поблагодарить вас за милость, которую вы нам оказали позволив нам провести лето в Ильицыно. Я очень жалею, любезный Дединька, что не имею счастья провести с вами несколько времени, подобно Митиньки. Но в надежде скоро вас видеть, целую ваши ручки и остаюсь на всегда ваша покорная внучка

Наталья Гончарова.

Ильицыно, сего 17 июня 1828 года»².

Судя по этому письму, деду хотелось иметь внуков при себе, и, отпустив младших с матерью в Ильицыно, он все же оставил в Полотняном Заводе старшего, Митю. Из писем сестер Натальи Николаевны мы узнаем, что дед даже посылал внукам в Ильицыно верховых лошадей.

* Осаново, Старое, Воронино, Острамьево, Жилконцы, Клепальники, Бовыкино.

Header Page 40 of 194

Но вернемся к началу этой главы и проследим по письмам историю отношений Пушкина и Гончаровых.

Пушкин встретил Натали Гончарову в декабре 1828 года. «Когда я увидел ее в первый раз,— писал он позднее Наталье Ивановне,— красоту ее едва начинали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась»¹. Уже в конце апреля 1829 года Пушкин делает предложение через Толстого-Американца. Ответ матери неопределен: и не согласие, и вместе с тем не отказ — дочь еще слишком молода.

«На коленях, проливая слезы благодарности, должен был бы я писать вам теперь, после того как граф Толстой передал мне ваш ответ: этот ответ — не отказ, вы позволяете мне надеяться. Не обвиняйте меня в неблагодарности, если я все еще ропщу, если к чувству счастья примешиваются еще печаль и горечь; мне понятна осторожность и нежная заботливость матери! — Но извините нетерпение сердца больного и опьяненного счастьем. Я сейчас уезжаю и в глубине своей души увожу образ небесного существа, обязанного вам жизнью...»² — писал Пушкин Наталье Ивановне 1 мая 1829 года.

В тот же день Пушкин уезжает на Кавказ, где второй год шла война России с Турцией. Почти все лето он провел при армии Паскевича, был свидетелем взятия Арзума, но уже в августе двинулся в обратный путь в Россию.

Однако в Москве его неожиданно встретил холодный прием у Гончаровых. «Сколько мук ожидало меня по возвращении,— писал Пушкин Наталье Ивановне.— Ваше молчание, ваша холодность, та рассеянность и то безразличие, с какими приняла меня м-ль Натали... У меня не хватило мужества объяснить,— и я уехал в Петербург в полном отчаянии»³.

Пушкин писал, что ему «понятна осторожность и нежная заботливость матери». Как мы видим, Наталья Ивановна сдержанно встретила его предложение, но, однако, не ответила окончательным отказом. Она колебалась. Слухи и сплетни об образе жизни Пушкина, о его картежной игре, атеистических взглядах (что, несомненно, вызывало враждебное отношение религиозной Натальи Ивановны) доходили, конечно, до нее.

Сергей Николаевич Гончаров рассказывал, что «с Натальей Ивановной у Пушкина бывали частые размолвки, потому что Пушкину случалось проговариваться о проявлениях благочестия и об императоре Александре Павловиче».

Header Page 1 of 194
че, а у Натальи Ивановны была особая молеельня со множеством образов, и про покойного государя она выражалась не иначе как с благоговением»¹.

В особенности, вероятно, пугала ее политическая неблагонадежность поэта: недовольство правительства его произведениями, обличавшими деспотизм и крепостничество. Не нравилось ей, конечно, и материальное положение жениха: он был беден. Прекрасно понимая, как необыкновенно красива Натали, мать, вероятно, считала, что ее младшая дочь может сделать блестящую партию, выйти замуж за богатого человека. Подобный брак мог бы поправить дела Гончаровых, которые были на грани разорения.

Эти причины, мы полагаем, и послужили основанием для холодного приема поэта по возвращении с Кавказа. А Натали? Чем объяснить ее «рассеянность и безразличие»? Думаем, что ее поведение диктовалось матерью, запретившей ей подавать надежду Пушкину.

Весной 1830 года он неожиданно получает через знакомого, приехавшего из Москвы, привет от Гончаровых. Увидев в этом завуалированное приглашение вернуться, поэт, как на крыльях, полетел в Москву. В начале апреля он сделал предложение вторично, и на этот раз оно было принято.

Почему такая перемена? Полагаем, что во время отсутствия Пушкина Наталья Николаевна сумела побороть сопротивление матери. Знакомая Гончаровых Н. П. Озерова так писала об этом: «Утверждают, что Гончарова-мать сильно противилась браку своей дочери, но что молодая девушка ее склонила. Она кажется очень увлеченной своим женихом»².

Пушкину в период его сватовства казалось, что в нем нет ничего, что могло бы нравиться молодой девушке. Но Натали сумела разглядеть под некрасивой внешностью поэта «добрейшее сердце», как писала она потом. Мы знаем, как много женщин — и каких! — увлекались поэтом, что же удивительного в том, что его полюбила Натали. Нет сомнения также, что все три сестры Гончаровы с восторгом читали «Евгения Онегина», стихи и прозу Пушкина, и Натали не могла не гордиться тем, что первый поэт России выбрал именно ее себе в жены... И она отнеслась к браку со всей серьезностью. Впоследствии она писала:

«...Можно быть счастливыми и не будучи замужем,

Header Page 42 of 194

конечно, но что бы ни говорили — это значило бы пройти мимо своего призвания». «...Замужество прежде всего не так легко делается, и потом — нельзя смотреть на него как на забаву и связывать его с мыслью о свободе... это серьезная обязанность и надо делать свой выбор в высшей степени рассудительно. Союз двух сердец — это величайшее счастье на земле»¹. И это действительно был союз двух сердец, основанный на взаимной глубокой любви.

О всех своих намерениях и поступках поэт, бывший под негласным надзором, был обязан ставить в известность Николая I и получать «всемиловитвейшее» разрешение. Пушкин пишет Бенкендорфу, через которого шла его «переписка» с царем. Стремясь окончательно побороть сопротивление будущей тещи, он поставил также вопрос и о своем «сомнительном положении» по отношению к властям. Надо думать, сделал это, скрепя сердце. В конце письма Пушкин запросил разрешения напечатать запрещенную в свое время Николаем I трагедию «Борис Годунов».

«...Я женюсь на м-ль Гончаровой, которую вы, вероятно, видели в Москве, — читаем мы в письме к Бенкендорфу от 16 апреля 1830 года. — Я получил ее согласие и согласие ее матери; два возражения были мне высказаны при этом: мое имущественное состояние и мое положение относительно правительства. Что касается состояния, то я мог ответить, что оно достаточно, благодаря его величеству, который дал мне возможность достойно жить своим трудом. Относительно же моего положения, я не мог скрыть, что оно ложно и сомнительно... Г-жа Гончарова боится отдать дочь за человека, который имел бы несчастье быть на дурном счету у государя... Счастье мое зависит от одного благосклонного слова того, к кому я и так уже питаю искреннюю и безграничную преданность и благодарность...»²

Ответ Бенкендорфа не замедлил последовать:

«Милостивый государь.

Я имел счастье представить государю письмо от 16-го сего месяца, которое Вам угодно было написать мне. Его императорское величество с благосклонным удовлетворением принял известие о предстоящей Вашей женитьбе и при этом изволил выразить надежду, что Вы хорошо испытали себя перед тем как предпринять этот шаг, и в своем сердце и характере нашли качества, необходимые для

Header Page 43 of 194

того, чтобы составить счастье женщины, особенно женщины столь достойной и привлекательной, как м-ль Гончарова.

Что же касается Вашего личного положения, в которое Вы поставлены правительством, я могу лишь повторить то, что говорил Вам много раз; я нахожу, что оно всецело соответствует Вашим интересам; в нем не может быть ничего ложного и сомнительного, если только Вы сами не сделаете его таким. Его императорское величество в отеческом о Вас, милостивый государь, попечении соизволил поручить мне, генералу Бенкендорфу, — не шефу жандармов, а лицу, коего он удостаивает своим доверием, — наблюдать за Вами и наставлять Вас своими советами; никогда никакой полиции не давалось распоряжения иметь за Вами надзор. Советы, которые я, как друг, изредка давал Вам, могли пойти Вам лишь на пользу, и я надеюсь, что с течением времени Вы в этом будете все более и более убеждаться. Какая же тень падает на Вас в этом отношении? Я уполномочиваю Вас, милостивый государь, показать это письмо всем, кому Вы найдете нужным.

Что же касается трагедии Вашей о Годунове, то его императорское величество разрешает Вам напечатать ее за Вашей личной ответственностью.

В заключение примите мои искреннейшие пожелания в смысле будущего Вашего счастья, и верьте моим лучшим к Вам чувствам.

Преданный Вам
А. Бенкендорф.
28 апреля 1830»¹.

Письмо это, по-видимому, было рассчитано главным образом на Наталью Ивановну. Оно не снимало, как мы видим, надзора за Пушкиным: Бенкендорф говорит, что и в дальнейшем он будет «наблюдать» за поэтом и «наставлять» его своими советами. Упоминание о полиции в высшей степени бестактно, а, главное, что это ложь, так как надзор за поэтом никогда не снимался. Но «благосклонное удовлетворение» императора позволяло Пушкину заключить этот брак.

Мы не знаем, как восприняла Наталья Ивановна это письмо, полагаем, что оно не слишком уверило ее в благонадежности будущего зятя, но «высочайшее» разрешение на женитьбу исключало какие-либо колебания, да и

Header Page 41 of 194
было уже поздно взять данное слово обратно, не повредив репутации Натали. Однако все последующее поведение Натальи Ивановны говорит нам о том, как недоброжелательно относилась она к Пушкину в течение всего времени затянувшегося жениховства.

А до свадьбы было еще далеко.

Получив согласие Натали и Натальи Ивановны, Пушкин пишет родителям, извещая их о своей женитьбе. Сохранилось черновое письмо к ним, предположительно датированное 6—11 апреля 1830 года. Вот это письмо, а также ответ Сергея Львовича и Надежды Осиповны.

«Мои горячо любимые родители, обращаюсь к вам в минуту, которая определит мою судьбу на всю остальную жизнь. Я намерен жениться на молодой девушке, которую люблю уже год — м-ль Натали Гончаровой. Я получил ее согласие, а также и согласие ее матери. Прошу Вашего благословения, не как пустой формальности, но с внутренним убеждением, что это благословение необходимо для моего благополучия — и да будет вторая половина моего существования более для Вас утешительна, чем моя печальная молодость. (Состояние г-жи Гончаровой сильно расстроено) и находится отчасти в зависимости от состояния ее свекра. Это является единственным препятствием моему счастью. У меня нет сил даже и помыслить от него отказаться. Мне гораздо легче надеяться на то, что Вы придете мне на помощь. Заклинаю вас, напишите мне, что вы можете сделать для (...)»¹.

«16 апреля 1830 г.

Тысячу, тысячу раз да будет благословен вчерашний день, дорогой Александр, когда мы получили от тебя письмо. Оно преисполнило меня чувством радости и благодарности. Да, друг мой. Это самое подходящее выражение. Давно уже слезы, пролитые при его чтении, не приносили мне такой отрады. Да благословит небо тебя и твою милую подругу жизни, которая составит твоё счастье. — Я хотел бы написать ей, но куда еще не решаюсь, из боязни, что не имею на это права. С большим чем когда бы то ни было нетерпением ожидаю я Льва, чтобы поговорить с ним о тебе или, вернее, чтобы он о тебе мне рассказал. Оленька* как раз была у нас, когда принесли

* Ольга Сергеевна, сестра Пушкина.

Header Page 45 of 194
твое письмо. Ты легко можешь представить себе, какое впечатление произвело это на нее...

Перейдем, мой добрый друг, к поставленному тобою вопросу о том, что я могу дать тебе. Положение моих дел тебе известно.— Правда, у меня есть тысяча душ крестьян, но две трети моих земель заложены в Опекунском совете.— Я выдаю Оленьке около 4000 руб. в год. От доставшейся мне по разделу от покойного брата земли у меня осталось незаложенных 200 душ крестьян,— пока отдаю их в твоё полное распоряжение. Они могут доставить 4000 руб. годового дохода, а со временем, быть может, дадут и больше.

Милый друг! Я жду твоего ответа с таким же нетерпением, какое мог бы испытывать ты в ожидании подтверждения своего счастья из уст самой м-ль Гончаровой ибо я счастлив лишь вашим счастьем, горд лишь вашими успехами и спокоен только тогда, когда предполагаю, что вы спокойны. Прощай! Да благословит тебя небо, каждодневно молюсь и буду молиться о том, чтобы оно даровало тебе счастье. Нежно обнимаю тебя и прошу, если ты сочтешь это уместным, засвидетельствовать м-ль Гончаровой мою очень, очень нежную дружбу.

Навеки твой отец и друг
Сергей Пушкин».

Приписка Надежды Осиповны Пушкиной.

«Твое письмо, дорогой Александр, преисполнило меня радости, да благословит тебя небо, мой добрый друг, да будут услышаны молитвы, которые я воссылаю к нему, моля о твоём счастье, сердце мое переполнено, я не могу выразить всего того, что чувствую. Мне хотелось бы заключить тебя в свои объятия, благословить, сказать тебе вслух, до какой степени жизнь моя связана с твоим благополучием. Будь уверен, что если все закончится согласно твоим желаниям, м-ль Гончарова станет мне так же дорога, как вы все, мои родные дети. С нетерпением жду Льва, чтобы поговорить с ним о тебе. Мы немедленно приехали бы в Москву, если бы это зависело только от нас. Нежно обнимаю тебя»¹.

Как мы видим, отношение стариков Пушкиных было вполне благожелательным. Может быть, действительно они надеялись, что женитьба сына благотворно скажется на его дальнейшей судьбе и будет для них более «утешительна», нежели его бурная молодость, принесшая им так много тяжелых переживаний.

Header Page 46 of 194

В те времена при женитьбе сына или замужестве дочери родители, имевшие поместья, обычно выделяли им в потомственное владение какое-либо из них, в той или иной степени обеспечивая будущее семьи. Сергей Львович выделил сыну часть Болдина, хотя, правда, только в пожизненное владение*.

Иначе обстояло дело с Гончаровыми. Получив согласие матери, Наталья Николаевна просила у главы семьи Гончаровых Афанасия Николаевича разрешения на брак с Пушкиным. И до него, очевидно, дошли какие-то неблагоприятные слухи о женихе внучки, поэтому она спешит рассеять сомнения деда.

«Сего 5 мая 1830 года**

Любезный дедушка! Узнав через Золотарева сомнения ваши, спешу опровергнуть оные и уверить вас что все то, что сделала Маминька, было согласно с моими чувствами и желаниями. Я с прискорбием узнала те худые мнения, которые вам о нем внушают, и умоляю вас по любви вашей ко мне не верить оным, потому что они суть не что иное, как лишь низкая клевета. В надежде, любезный дедушка, что все ваши сомнения исчезнут при получении сего письма, и что вы согласитесь составить мое счастье, целую ручки ваши и остаюсь на всегда покорная внучка ваша

Наталья Гончарова¹.

Казалось, ничто теперь не препятствовало счастью. 6 мая состоялась помолвка, и в том же месяце решено было сыграть свадьбу. Однако этого не произошло. Возник вопрос о приданом, надолго, почти на год, отдаливший ее, испортивший много крови Пушкину и не раз ставивший под сомнение, состоится ли этот брак вообще.

Кроме майората, в который входили калужские фабрики и поместья (по тогдашним законам их нельзя было ни заложить, ни продать), почти все остальное Афанасий Николаевич заложил и перезаложил. Получаемые доходы уходили на уплату процентов по закладным и безрассудно широкий образ жизни главы гончаровского дома, совершенно не думавшего о том, что он оставит потомкам.

* Впоследствии, после гибели Пушкина, это поместье опять вернулось к Сергею Львовичу и уже после его смерти вместе с остальными землями было поделено между наследниками.

** Подлинник по-русски.

Правда, он выдавал сначала значительную сумму семье больного сына, помогал впоследствии и внукам, служившим в Петербурге. Но в его расчеты, по-видимому, не входило выделять приданое внукам. На первых порах он обещал дать Наталье Николаевне 300 душ, но это был только жест, не приведший ни к каким практическим результатам. Афанасий Николаевич писал Пушкину уже после свадьбы.

«9 апреля 1831 года.
П. Завод.

Милостивый государь Александр Сергеевич! Сейчас получаю письмо ваше, спешу вам на то моим ответом. Как я сказал, что нижегородское имение отдаю трем моим внукам, Катерине, Александре и Наталье, так и ныне подтверждаю тоже. — Паче ваш поверенный может иметь способ совершить сию крепость — с большим моим удовольствием соглашаюсь на то, прося вас покорнейше дать случай мне (чем скорей, тем лучше) видеться с ним и устроить сие дело к окончанию. — Проезд его ко мне и возвращение есть мое дело, следовательно, сие и озабочивать его не должно... Сверх же того, аще обстоятельства мои поправятся и дела примут лучший оборот, не откажусь сделать всем им трем прибавку и пособие. — Прося вас продолжения добрых ваших о мне мыслей и родственной любви, с почтением моим пребыть честь имею ваш, милостивый государь, покорный слуга Афанасий Гончаров.

P.S. Отъезд ваш в Петербург может опять надолго не решенным оставить обстоятельства, мною выпеписанные. Прошу вас покорнейше известить меня, когда думаете оттуда возвратиться и могу ли я иметь удовольствие в мае или июне личное иметь с вами свиданье, чего будут ожидать от вас из Москвы, прежде выезда вашего»^{*1}.

Поверенный Пушкина ездил в Полотняный Завод, но «способа совершить сию крепость» не нашел. Дело в том, что Афанасий Николаевич предполагал дать в приданое трем внукам имение Катунки Нижегородской губернии. По тому времени оно оценивалось в значительную сумму — 112 тысяч рублей, но на нем лежал огромный долг Опекунскому совету, почти в 186 тысяч², то есть превышавший стоимость самого имения! Получив треть поместья, Наталья Николаевна должна была бы выплачи-

* Подлинник по-русски.

вать и третью часть долга казне — таково было условие. Далее возникло еще одно затруднение: законным наследником Афанасия Николаевича был его сын Николай Афанасьевич, и дед, по-видимому, не мог, минуя его, дать дарственную внучке. Поэтому, очевидно, он предложил Пушкину взять на себя только управление имением, на что тот, конечно, не мог согласиться. Поэт писал:

«Милостивый государь дедушка Афанасий Николаевич!

Приношу Вам искреннюю мою благодарность за прием моего поверенного и за письмо, драгоценный знак Вашего ко мне благорасположения. Будьте уверены в беспрекословном согласии моем на все, что будет удобнее для Вас. Мне нельзя было принять доверенности одной, ибо чрез то долги и недоимки могли увеличиться, и имение могло быть наконец совершенно потеряно. Если Вам угодно вместо 300 обещанных душ дать покамест Наталье Николаевне доверенность на получение доходов с оных и заемное письмо, *с условием что при жизни Вашей оставалось оное заемное письмо недействительным* (— Дай бог чтоб оно и долее оставалось таковым!) В таком случае вексель должен быть дан *от крепостных дел, на столько сот тысяч рублей, сколько вы желаете дать душ крестьянских*, для того, чтобы при конкурсе кредиторов действительно достались бы 300 душ, а не в десятеро менее. Таковые векселя с таковыми же условиями Вы безо всякого опасения могли бы дать и прочим Вашим внукам, а доверенность на управление, в случае только их замужества.

Надеюсь, что Вы не будете гневаться на меня за мою откровенность. Во всяком случае ожидаю разрешения Вашего и имею счастье с чувством глубочайшего почтения и преданности остаться

Милостивый государь дедушка Вашим
покорнейшим слугою и внуком

Александр Пушкин
25 апреля»*¹.

В архиве Гончаровых хранится черновик заемного письма (сумма не указана). Но тем дело и кончилось, никакого заемного письма не оформили. Дальнейшей переписки по этому вопросу, если она была, не сохранилось, но ясно одно: дед ничего не сделал для своей любимой внучки Ташиньки.

В июне 1831 года Пушкин писал своему другу Павлу Воиновичу Нащокину: «О делах жены моей не имею ни-

* Подлинник по-русски.

Header Page 49 of 194
каких известий, и дедушка и теща отмалчиваются, и рады, что бог послал их Ташиньке муженька такого смиренного»¹.

В письме от 22 октября поэт жалуется тому же Нащокину: «Дедушка свинья; он выдает свою третью наложницу замуж с 10.000 приданого, а не может заплатить мне моих 12.000* и ничего своей внучке не дает. Наталья Николаевна брюхата — в мае родит. Все это очень изменит мой образ жизни; и обо всем надобно подумать»².

Наталья Ивановна, имевшая свое собственное состояние, всячески оберегала его от посягательств всех членов семьи. Но Ярополец, как и Полотняный Завод, был обременен долгами, хозяйничать Наталья Ивановна, очевидно, не умела и доходов получала мало. Поэтому, когда Афанасий Николаевич решил уменьшить сумму «пенсiona» семье сына с 35 тысяч до 15, Наталья Ивановна писала свекру, что этого совершенно недостаточно, так как «только воспитание детей стоит более 15 тысяч».

Однако она все же обещала дочери выделить ей 200 душ. Впервые об этом ее намерении стало известно из найденного нами письма Пушкина к Дмитрию Николаевичу, которое мы приведем далее. Но и здесь все осталось на словах. Она, видимо, хотела «выжать» приданое с деда, оставив в неприкосновенности свои владения. Скупость была одной из черт ее характера. А выдать дочь без приданого она не соглашалась.

Не желая поступаться ни именьями, ни деньгами, Афанасий Николаевич придумал своеобразный «выход» из создавшегося положения. В семействе Гончаровых давно хранилась медная статуя Екатерины II, в свое время заказанная еще Афанасием Абрамовичем в Германии, чтобы установить ее в Полотняном Заводе в ознаменование посещения его императрицей. Однако статуя получилась неудачной и долгие годы лежала в подвалах гончаровского дома. «Оборотистый» дед решил поручить Пушкину ее продать и вырученные деньги взять в качестве приданого! (Как потом выяснилось, за нее давали всего 7 тысяч.)

Нами найдено неизвестное письмо Натальи Ивановны от 19 июля 1830 года, в котором она пишет свекру:

«Милостивый Государь батюшка Афанасий Николаевич!

Посланный ваш вчерашний день приехал, но уже Алек-

* К этому времени в письмах Пушкина уже говорится не об 11, а о 12 тысячах. Очевидно, он перед свадьбой дал теще еще тысячу рублей.

сандра Сергеевича не нашел, он во вторник выехал в Петербург. Письмецо ваше нынче ему отравила.

Вы изволите осведомляться об Вани; с возвращением моего с Завода я писем от него не получала; вероятно что теперь особенно заняты маневрами, но все не простительно ему, что не мог по сие время принести вам свою благодарность о доставлении ему денег. Осмеливаюсь напомнить вам о переделке печей и полов в нашем флигеле, печи особенно опасны и провести зиму никак невозможно, ветхость флигеля Николая Афанасьевича вам известна; не знаю будет ли вам возможно оный переделать. В надежде Милостивый Государь Батюшка что по продаже Монумента сумму с оного доставить в пользу семейства; особливо для окончания судьбы Ташиной*...

Дети все здоровы и целуют ручки ваши вместе со мною. За сим пожелав вам Милостивый Государь Батюшка совершенного здоровья пребыть честь имею с должным моим к вам почитанием покорнейшая дочь ваша
Наталья Гончарова**1.

Письмо это прежде всего уточняет день отъезда Пушкина из Москвы в 1830 году. Интересны и сведения о состоянии флигеля, где жил Николай Афанасьевич: дед, видимо, не желал тратиться на его ремонт. В большом же доме больного держать не решались из-за детей. И дед, и мать рассчитывали на «Монумент» для окончания судьбы Таши. Но статуя была настолько плоха, что, хотя ее и перевезли потом в Петербург (уже после свадьбы), при жизни Пушкина продать так и не удалось.

Полагая, что личное знакомство Пушкина с императором и родственные связи с министром финансов Канкринным могут помочь ему в его запутанных финансовых делах, Афанасий Николаевич, когда Пушкин поехал для устройства своих дел перед свадьбой в Петербург, послал ему вдогонку через Ивана Николаевича письмо, в котором просил ходатайствовать перед Канкринным о пособии для покрытия полотнянозаводских долгов.

Поручения эти ставили Пушкина в затруднительное положение. В письме к Натали от 30 июля 1830 года из Петербурга он говорит, что не имеет того влияния, которое ему приписывает дед. Однако хочет сделать попытку

* Далее одна фраза о дровах и сене — неразборчиво.

** Подлинник по-русски.

переговорить с Канкриным о «единовременном пособии» Гончарову.

«Серьезно, я опасаясь, что это задержит нашу свадьбу,— пишет Пушкин невесте 30 июля 1830 года,— если только Наталья Ивановна не согласится поручить мне заботы о Вашем приданом. Ангел мой, постарайтесь, пожалуйста»¹.

Посещение Канкринна осталось без последствий: министр сказал, что этот вопрос может решить только государь, а Николай I, видимо, отказал, так как позднее, уже из Москвы, Пушкин писал деду: «Сердечно жалею, что старания мои были тщетны и что имею так мало влияния на наших министров»².

В половине августа Пушкин вернулся в Москву. А 20 августа в семье Пушкиных произошло печальное событие: умер дядя, Василий Львович Пушкин. Предстоял траур на полтора месяца. И Пушкин, крайне расстроенный тем, что свадьба опять откладывается, в конце августа уезжает в Болдино хлопотать о том, чтобы его ввели во владение частью имения, выделенной ему отцом. Перед отъездом у него было бурное объяснение с Натальей Ивановной, вероятно, опять по поводу пресловутого приданого.

«Я уезжаю в Нижний,— писал Пушкин Натали,— не зная, что меня ждет в будущем. Если Ваша матушка решила расторгнуть нашу помолвку, а вы решили повиноваться ей,— я подпишусь под всеми предложениями, какие ей угодно будет выставить, даже если они будут так же основательны, как сцена, устроенная ею мне вчера, и как оскорбления, которыми ей угодно меня осыпать. Быть может, она права, а неправ был я, на мгновение поверив, что счастье создано для меня. Во всяком случае вы совершенно свободны, что же касается меня, то заверяю вас честным словом, что буду принадлежать только вам, или никогда не женюсь»³.

Много лет спустя Наталья Николаевна рассказывала П. В. Анненкову, что «свадьба их беспрестанно была на волоске от ссор жениха с тещей, у которой от сумасшествия мужа и неприятностей семейных характер испортился. Пушкин ей не уступал и, когда она говорила ему, что он должен помнить, что вступает в ее семейство, отвечал: «Это дело вашей дочери,— я на ней хочу жениться, а не на вас». Наталья Ивановна даже диктовала дочери колкости жениху, но та всегда писала в виде P.S., после нежных писем, и Пушкин это понимал»⁴.

Header Page 52 of 194

Ссора матери с женихом взволновала Наталью Николаевну, и она вдогонку послала ему письмо, в котором, видимо, писала о неизменности своих чувств, а может быть, и о том, что мать сожалеет, что так погорячилась.

«Моя дорогая, моя милая Наталья Николаевна,— пишет Пушкин,— я у ваших ног, чтобы поблагодарить вас и просить прощения за причиненное вам беспокойство. Ваше письмо прелестно, оно вполне меня успокоило». Под впечатлением письма Натали Пушкин ищет примирения с тещей: «Почтительный поклон Наталье Ивановне,— пишет он в том же письме,— очень покорно и очень нежно целую ей ручки... Сейчас же напишу Афанасию Николаевичу. Он, с вашего позволения, может вывести из терпения. Очень поблагодарите м-ль Катрин и Александрин за их любезную память. Еще раз простите меня и верьте, что я счастлив только будучи с вами вместе»¹.

Мы не знаем, что за сцену устроила Наталья Ивановна жениху дочери и какими оскорблениями его осыпала. Может быть, вспыльчивый и самолюбивый Пушкин несколько все преувеличивал: он был вне себя от постоянной затыжки свадьбы. Сам он так говорил о себе: «Характер мой — неровный, ревнивый, подозрительный, резкий и слабый одновременно — вот что иногда наводит на меня тягостные раздумья...»² Но, вспыхнув, поэт был очень отходчив и легко шел на примирение при первом же намеке с другой стороны. Так было и на этот раз.

Не будем оправдывать Наталью Ивановну. Она часто бывала резка и раздражительна, дочери ее боялись. Когда в детстве мать вызывала к себе одну из них, та долго не решалась войти и стояла, крестясь, у двери. И Наталья Николаевна, будучи уже взрослой девушкой, не смела не написать в письме к Пушкину то, что диктовала ей мать.

Неожиданно в России началась эпидемия холеры, и карантин задержал Пушкина в Болдине на целых три месяца. Знаменитая болдинская осень — один из самых плодотворных периодов жизни поэта.

Еще до поездки в Болдино в письме от 31 августа к Плетневу он писал: «Еду в деревню. Бог весть буду ли там иметь время заниматься, и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь...»

«Необходимое душевное спокойствие,— пишет в предисловии к нашей книге «Вокруг Пушкина» Д. Д. Благой,— вернуло ему письмо Натали, которая уверяла его в своей любви и звала поскорее вернуться в Москву. И сразу же

наступили те ни с чем не сравнимые, воистину золотые три болдинских месяца, пора величайших творческих свершений, стремительно следовавших одно за другим. Но сколь ни исключительно по своему богатству и многообразию это творчество, в нем настойчиво повторяется дантовская тема возрождения любовью».

Трудно себе представить этот необыкновенный творческий подъем! Это был переломный период в жизни поэта. Уходила в прошлое первая молодость, бурно и не всегда счастливо прожитая, наступала пора зрелости. Пришла любовь, настоящая, единственная, и вот на пороге грядущего счастья все душевные и творческие силы слились в единый титанический творческий порыв.

Письма Натали поддерживали в нем уверенность в ее любви.

«...Наша свадьба точно бежит от меня; и эта чума с ее карантинами — не отвратительнейшая ли это насмешка, какую только могла придумать судьба? Мой ангел, ваша любовь — единственная вещь на свете, которая мешает мне повеситься на воротах моего печального замка. ...Не лишайте меня этой любви и верьте, что в ней все мое счастье»¹.

Вернулся Пушкин в Москву только в декабре.

«Милый! — пишет он своему другу Петру Александровичу Плетневу, — я в Москве с 5 декабря. Нашел тещу озлобленную на меня и на силу с нею сладил — но слава богу — сладил. На силу прорвался я и сквозь карантины — два раза выезжал из Болдина и возвращался. Но слава богу, сладил и тут. Пришли мне денег сколько можно более. Здесь ломбард закрыт и я на мели»².

По приезде в Москву Пушкин заложил Кистенево, получил 38 тысяч, из которых, как он пишет Плетневу, 11 тысяч дал в долг Наталье Ивановне на приданое, 10 тысяч — П. В. Нащокину (тоже в долг) и 17 тысяч оставил «на обзаведение и житие годичное». Свадьба была назначена на февраль. Пушкин снял квартиру на Арбате* и все приготовил к приему молодой жены.

Наконец, 18 февраля 1831 года в церкви Вознесения, что у Никитских ворот, Пушкин и Натали были обвенчаны...

«Поздравляю тебя, милый друг, с окончанием кочевой жизни, — писал Пушкину Плетнев. — Ты перешел в наше

* Дом этот сохранился до наших дней. Сейчас в нем идут реставрационные работы, и в недалеком будущем будет открыт музей.

Header Page 54 of 194

состояние истинно гражданское. Полно в пустыне жизни бродить без цели. Все, что на земле суждено человеку прекрасного, оно уже для тебя утвердилось. Передай искреннее поздравление мое и Наталье Николаевне: цалую ручку ее»¹.

«Я женат и счастлив,— читаем мы в письме Пушкина к другу от 24 февраля,— одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что кажется я переродился»².

В тот же день молодые супруги послали письмо главе семейства.

«Милостивый государь дедушка Афанасий Николаевич, Спешу известить Вас о счастье моем и препоручить себя Вашему отеческому благорасположению, как мужа бесценной внуки вашей Натальи Николаевны. Долг наш и желание были бы ехать к Вам в деревню, но мы опасаемся Вас обеспокоить и не знаем, в пору ли будет наше посещение. Дмитрий Николаевич сказывал мне, что Вы все еще тревожитесь на счет приданого; моя усиленная просьба состоит в том, чтобы вы не расстроивали для нас ужестроенного имения; мы же в состоянии ждать. Что касается до памятника, то будучи в Москве, я никак не могу взяться за продажу одного и предоставляю все это дело на Ваше благорасположение.

С глубочайшим почтением и искренно сыновней преданностью имею счастье быть, милостивый государь дедушка Вашим покорнейшим слугой и внуком

Александр Пушкин».

«Любезный дедушка!

Имею счастье известить вас наконец о свадьбе моей и препоручаю мужа моего вашему милостивому расположению. С моей же стороны чувства преданности, любви и почтения никогда не изменятся. Сердечно надеюсь, что вы попрежнему останетесь моим вернейшим благодетелем. При сем целую ручки ваши и честь имею пребыть на всегда покорная внучка

Наталья Пушкина»³.

Пушкин был безгранично счастлив в эти первые месяцы своей новой жизни. Деньги пока у него были, и он не торопил деда, однако Наталья Николаевна не хотела вовсе отказываться от приданого, потому Пушкин пишет, что они «в состоянии ждать».

Header Page 55 of 194

«На мою тещу и деда жены моей надеяться плохо, частью от того, что их дела расстроены, частью и от того, что на слова (всякого) надеяться не должно. По крайней мере, с своей стороны я поступил честно и более нежели бескорыстно. Не хвалюсь и не жалуясь — ибо женка моя прелесть не по одной наружности, и не считаю пожертвованием того, что должен был я сделать», — писал Пушкин Плетневу 26 марта 1831 года¹. Пушкин не предполагал жить в Москве постоянно, о чем также писал ему. Вмешательство Натальи Ивановны в их семейную жизнь ускорило отъезд. В мае 1831 года молодые Пушкины выехали в Петербург.

Поэт не знал до этого счастливой жизни в семье. Эгоистичный, занятый только собою отец, взбалмошная, неуравновешенная мать, не очень-то любившая старшего сына. Одна только бабушка Мария Алексеевна Ганнибал да няня Арина Родионовна скрашивали его нерадостное, в общем, детство. А одиннадцатилетним мальчиком его увезли в Петербург, где он пробыл в казенных стенах Лицея шесть лет. Потом ссылка, «кочевая» жизнь то в Москве, то в Петербурге, номера гостиниц — и никогда своего дома... А тут появилась семья, горячо любимая жена — все то, о чем он мечтал в последние годы.

«Все, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и противу женитьбы, — писал Пушкин другу Николаю Ивановичу Кривцову еще 10 февраля 1831 года, — все уже мною передумано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе, как обыкновенно живут. Счастья мне не было. Счастье можно найти лишь на проторенных дорогах. Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю как люди, и вероятно не буду в том раскаиваться»².

Можно себе представить то радостное волнение, с которым Пушкин увез свою молодую жену в столицу, чтобы начать там новую самостоятельную жизнь. Лето молодые провели в Царском Селе, а осенью вернулись в Петербург.

В это время здесь жили несколько членов семьи Гончаровых, с которыми молодые Пушкины поддерживали родственные отношения. О Наталье Кирилловне Загряжской писалось много, но все же скажем несколько слов об этой интересной женщине. Наталья Кирилловна, урожден-

Header Page 56 of 193

ная графиня Разумовская, была замужем за Николаем Александровичем Загряжским, приходившимся дядей Екатерине, Софье и Наталье Загряжским. Но в описываемое нами время она уже давно разъехалась с мужем и жила одна*. Следовательно, Наталья Кирилловна была теткой (по мужу) Натальи Ивановны Гончаровой, а через нее состояла в родстве с Натальей Николаевной и Пушкиным, к которым она очень хорошо относилась. Свидетельница шести царствований, фрейлина двора и кавалерственная дама, она пользовалась большим почетом в великосветском обществе Петербурга, ее дом посещали и члены царской фамилии. К Наталье Кирилловне прежде всего отправился с визитом Пушкин, когда стал женихом Таши Гончаровой. Впоследствии он любил бывать у престарелой фрейлины, слушать ее рассказы о прошлом. Общеизвестно, что некоторые черты характера Н. К. Загряжской нашли свое отражение в собирательном образе графини в «Пиковой даме».

Большую роль в доме молодых Пушкиных играла родная тетка Натальи Николаевны, Екатерина Ивановна Загряжская, тоже фрейлина двора. У нее не было своей семьи, и всю свою любовь она перенесла на племянницу Наташу. Тепло относилась она и к Пушкину, который отвечал ей тем же. Екатерина Ивановна постоянно помогала Наталье Николаевне: оплачивала ее туалеты, дарила меха и драгоценности.

В Петербурге же и его окрестностях жили и все три брата Гончаровы. В Царском Селе служил в лейб-гвардии гусарском полку Иван Николаевич Гончаров. Он постоянно бывал у Пушкиных и неоднократно упоминается в письмах Александра Сергеевича к жене. Младший Гончаров, Сергей Николаевич, офицер гренадерского полка, любимый брат Натальи Николаевны, часто и подолгу жила у сестры и был в хороших отношениях с Пушкиным. В Министерстве иностранных дел служил старший брат, Дмитрий Николаевич.

И наконец, в Петербурге в это время жили и родители Пушкина, Сергей Львович и Надежда Осиповна.

Таким образом, молодая семья была окружена родст-

* Мы не знаем, каковы были имущественные взаимоотношения между разъехавшимися супругами, но после смерти Н. А. Загряжского в 1821 году, возможно по завещанию, все досталось трем племянницам Загряжским.

венниками, с которыми поддерживала тесные отношения. Еще будучи в Царском Селе, Пушкин пишет Бенкендорфу о своем желании издавать литературный журнал. «Если государю императору угодно будет употребить перо мое, то буду стараться с точностию и усердием исполнять волю его величества и готов служить ему по мере моих способностей... С радостью взялся бы я за редакцию *политического и литературного журнала*, т. е. такого, в коем печатались бы политические и заграничные новости...»¹

Однако, не рассчитывая на то, что Николай I доверит ему издание политического журнала, Пушкин пишет в конце письма:

«Более соответствовало бы моим занятиям и склонностям дозволение заняться историческими изысканиями в наших государственных архивах и библиотеках. Не смею и не желаю взять на себя звание Историографа после незабвенного Карамзина; но могу со временем исполнить давнишнее мое желание написать Историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III».

«Высочайшее» разрешение на занятия в архивах было дано, и Пушкин был зачислен в Министерство иностранных дел с жалованьем 5 тысяч рублей в год. Это было очень скромное содержание: одна квартира в те времена стоила 3—4 тысячи в год. Известно, что Карамзин, пока писал свою «Историю государства Российского», получал 50 тысяч в год, а после смерти эта сумма была сохранена в качестве пенсии за его семьей.

Пушкин понимал, что на подобное жалованье не обеспечит свою семью.

Литературный труд — вот что было до сих пор главным в его жизни и вместе с тем основным источником существования: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать...»

Памятуя о Михайловском и Болдине, о том, что только уединение в глуши приносило ему это вдохновение, Пушкин начинает хлопотать о покупке имения. Михайловское принадлежало его матери, Надежде Осиповне, и летом там жили старики Пушкины. Ему же хотелось иметь что-то свое, но недалеко от Михайловского, которое он так любил. В письме к соседке Прасковье Александровне Осиповой он просит узнать, нельзя ли купить Савкино, находившееся совсем рядом.

«...Живите счастливо и спокойно,— пишет ей Пушкин

из Царского Села 29 июня 1831 год, — и да настанет день, когда я снова окажусь в вашем соседстве! К слову сказать, если бы я не боялся быть навязчивым, я попросил бы вас, как добрую соседку и дорогого друга, сообщить мне не могу ли я приобрести Савкино, и на каких условиях. Я бы выстроил себе там хижину, поставил бы свои книги и проводил бы подле добрых старых друзей несколько месяцев в году. Что скажете вы, сударыня, о моих воздушных замках, иначе говоря о моей хижине в Савкине? — Меня этот проект приводит в восхищение и я постоянно к нему возвращаюсь»¹.

«...Нравится ли мне ваш воздушный замок? Если я найду малейшую к тому возможность, я не успокоюсь, пока это не осуществится»², — отвечает Пушкину Прасковья Александровна. Однако покупка Савкина не состоялась, то ли потому, что владельцев было несколько и они никак не могли прийти к согласию относительно продажи, то ли цену назвали очень большую. Прасковья Александровна предлагала Пушкину купить другое небольшое имение, тоже поблизости, но он почему-то не согласился.

Позднее Пушкин очень хорошо выразил свое стремление к природе, тишине и покою.

Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь — как раз умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег³.

В рукописи Пушкина имеется план продолжения этого стихотворения: «Юность не имеет нужды в at home*, зрелый возраст ужасается своего уединения. Блажен, кто находит подругу, — тогда удались он домой. О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические — семья, любовь etc. — религия, смерть»⁴.

Покой для Пушкина означал не бездеятельность, а труды поэтические в деревне, на лоне природы, где он находил необходимое ему душевное спокойствие для творчества.

До конца жизни Пушкина не оставляет мысль приоб-

* В своем доме (англ.).

рести какое-нибудь скромное поместье, которое осталось бы в наследство детям после его смерти. Мы увидим далее, как он старается получить от матери обещанную Наталье Николаевне часть Яропольца, как делает попытку купить у Гончаровых Никулино.

Весной 1832 года в столице появляется Афанасий Николаевич, приехавший просить у царя или субсидии для поправления своих дел в Полотняном Заводе, или разрешения на продажу майоратных владений. Он бывает у Пушкиных, при нем, 19 мая, родилась первая его правнучка Маша. В записных книжках Афанасия Николаевича есть такие заметки: «Мая 22 — Наташе на зубок положил 500»; «Июня 9 — Мите на крестины к Пушкиной дано 100»¹. В ожидании результата своих хлопот дед «развлекается» в столице. Из письма Александры Николаевны мы узнаем, что он посылает дорогие подарки своим любовницам в Заводе. Но старик был, видимо, уже серьезно болен: в тех же записных книжках можно видеть расходы на докторов и лекарства.

Против его намерений продать майоратные владения были все Гончаровы, в особенности старший внук Дмитрий, наследник майората. Возможно, что по просьбе Натальи Николаевны и ее братьев принимал участие в этом деле через своих влиятельных знакомых и Пушкин. Так или иначе, но Афанасий Николаевич на свои прошения получил отказ. Он окончательно слег и 8 сентября 1832 года скончался. Хоронить его повезли в Полотняный Завод.

Во второй половине сентября Пушкин собирался в Москву по поводу своих денежных дел. Не исключено, что смерть главы семьи ускорила его отъезд. Наталья Николаевна, вероятно, хотела знать, не оставил ли дед завещания, какие решения принимаются матерью и братом, не будет ли ей выделена часть наследства или хотя бы уплачены те 12 тысяч, что Гончаровы были должны Пушкину. Александр Сергеевич приехал в Москву 21 сентября, но в письмах от 22, 25, 27 и около 30 сентября, сообщая жене московские новости, описывая свое времяпрепровождение и вскользь упоминая о «хлопотах по делам», ничего не говорит о Гончаровых. И только в последнем письме (около 3 октября) замечает, что в Москву приехал Дмитрий Николаевич. Возможно, Пушкин ждал его приезда. «Брат Дмитрий Николаевич здесь,— сообщает он Наталье Николаевне.— Он в Калуге никакого не нашел акта, утверж-

Header Page 609/104
дающего болезненное состояние отца, и приехал хлопотать о том сюда. С Натальей Ивановной они сошлись и помирились. Она не хочет входить в управление имения, и во всем полагается на Дмитрия Николаевича. Отец поговаривает о духовной; на-днях будет он освидетельствован гражданским губернатором. К тебе пришлют для подписания доверенность. Катерина Ивановна научит тебя, как со всем этим поступить. Вяземские едут после 14-го. А я на-днях. Следственно, нечего тебе и писать. Мне без тебя так скучно, так скучно, что не знаю, куда голову приклонить»¹.

Не так давно в гончаровском архиве нами было обнаружено письмо Натальи Николаевны к брату Дмитрию по поводу этой доверенности. Интересно отметить, что написано оно по-русски.

«31 октября 1832 г.

Нынче едит к вам доверенность, она от того у нас замешкалась, что никакая палата не согласилась засвидетельствовать ту, которую вы прислали, потому что не имеет виду никаких бумаг для удостоверения, что отец не в состоянии править имением, мы даже и словесно не знали какой акт был совершен 31 Мая 1832 года и потому по-сылаем то, что палата согласилась засвидетельствовать. Так в этом никто более не виноват как вы, потому что на наших словах, без всяких бумаг нам не поверют. Вчера получила я от вас последнее ваше письмо, отвечать на него многого нечего, писать же к вам что-нибудь не касающиеся до дел полагаю напрасном, ибо вы должны быть ими слишком заняты, чтоб могли вникнуть во чтонибудь другое. Однакожь скажу вам что Ваня был ужасно болен, с ним сделалась нервическая лихорадка, и он три дни был совершенно как сумашедший, теперь слава богу поправился, и есть надежда что ему дадут отпуск, сегодня ожидается решения. Когда на Завод поедете, Маминьку и сестер переделуйте. Прощайте, целую вас сердечно — будьте счастливы и поспевайте в делах»².

Наталья Ивановна отказалась от управления Заводом и от опеки, надо полагать, учитывая тяжелое финансовое состояние майората, а главное, чтобы оградить от посягательств семьи Ярополец и лично ей принадлежавший капитал.

После длительных хлопот, наконец, опека была утверждена, и Дмитрий Николаевич встал во главе гончаровского майората. Неопытный, «путаник в делах», он поначалу

Header Page 61 of 194

допускал много ошибок, да и в дальнейшем не сумел привести в порядок дела предприятий. Он не обладал «коммерческой хваткой» своего прапрадеда Афанасия Абрамовича, нажившего миллионное состояние. Дмитрий Николаевич выплачивал огромные проценты (иногда они превышали сумму долга!) по обязательствам и закладным и выдавал значительные средства на содержание большой гончаровской семьи, а долги деда так и не смог покрыть до конца своей жизни.

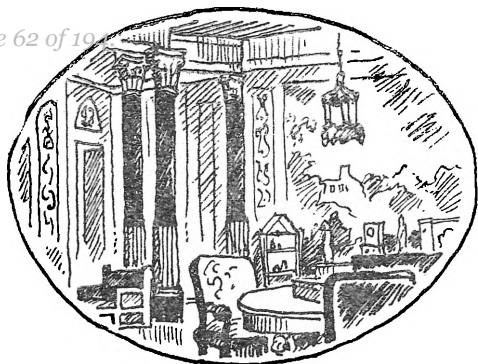
После смерти Афанасия Николаевича у Натальи Ивановны оказались на руках заемные письма на сумму 100 тысяч рублей, полученные ею от свекра, вероятно, для обеспечения внуков. Она продала эти векселя гвардии поручику Василию Павловичу Ртищеву* за 60 тысяч наличными, но «без оборота на нее», то есть все претензии должны были предъявляться Дмитрию Николаевичу. Впоследствии в течение многих лет Ртищев неоднократно упоминается в письмах Натальи Ивановны: она очень боится этого кредитора и желает сыну «вырваться из его когтей».

Как мы видим, свои денежные дела Наталья Ивановна устраивать умела. И, конечно, она должна была в первую очередь из ртищевских денег уплатить долг Пушкину. Но этого не сделала. Всячески уклонялась она, судя по письмам, и от оплаты долгов своих сыновей, никак не «укладывавшихся» в содержание, назначенное им Дмитрием Николаевичем.

Таким образом, никто из Гончаровых, ни дед, ни Наталья Ивановна, не помогли молодым Пушкиным на первых порах их семейной жизни, и когда 17 тысяч, оставшиеся от закладной Кистенева, были истрачены, постоянная нехватка денег стала остро ощущаться в доме.

* Ртищевы, очевидно, были калужане. Так, в «Списке гражданским чинам четвертого класса» (1906 г.) значится действительный статский советник, председатель Калужской губернской управы Д. И. Ртищев.

ПЕРВЫЙ ПРИЕЗД ПУШКИНА В ЯРОПОЛЕЦ

Обнаруженное нами в 1970 году в гончаровском архиве письмо Пушкина к Дмитрию Николаевичу Гончарову дает основание предположить, какова была цель его поездки в Ярополец. Но для этого нужно, хотя бы вкратце, рассказать об обстановке, сложившейся в семье Пушкиных к этому времени.

В 1833 году у Пушкиных было уже двое детей. Поэта тревожило будущее его семьи. Как мы уже упоминали, подаренное отцом Кистеневу, приносившее незначительный доход, по оговорке в дарственной, Пушкин не имел права продать: оно поступало в его полное владение только в случае смерти Сергея Львовича. Оставалась надежда на получение приданого. Пушкин считал своим долгом помочь жене получить от Гончаровых то, что ей было обещано и на что она, по обычаям того времени, имела право. Найденное нами не известное до тех пор письмо Пушкина к Дмитрию Николаевичу имеет, мы полагаем, прямое отношение к поездке поэта в Ярополец в 1833 году¹.

«Дорогой Дмитрий Николаевич!

Неапол. Пис. 63 от 1941

Ваше письмо пришло как раз в то время, когда я собирался Вам писать, чтобы поговорить с Вами о моих затруднениях в связи с предстоящими родами Наташи, и о деньгах, которые мне будут крайне нужны. Таким образом, наши с Вами просьбы были бы обоюдными. Между тем, мне удалось кое-что сделать. Князь Владимир Сергеевич Голицын сейчас находится здесь, и я с ним говорил о Вас и Вашем деле. Он мне показался расположенным оказать Вам услугу и сказал, что в конце месяца будет в Москве, где Вы сможете с ним переговорить. Если Вы устроите этот заем, я Вас попросил бы одолжить мне на шесть месяцев* 6.000 рублей, в которых я очень нуждаюсь и которые не знаю где взять; так как князю Голицыну совершенно все равно одолжить 35 или 40.000, *и даже больше***, это тот источник, из которого Вы будете так добры почерпнуть, если возможно.— Я не могу сделать этого сам, потому что не могу дать ему иной гарантии кроме моего слова, и не хочу подвергать себя возможности получить отказ.— Так как Вы глава семейства, в которое я имел счастье войти, и являетесь для нас настоящим добрым братом, я решаюсь надоедать Вам, чтобы поговорить о моих делах. Семья моя увеличивается, служба вынуждает меня жить в Петербурге, расходы идут своим чередом, и так как я не считал возможным ограничить их в первый год своей женитьбы, долги также увеличились.— Я знаю, что в настоящее время Вы не можете ничего сделать для нас, имея на руках сильно расстроенное состояние, долги и содержание целого семейства, но если бы Наталья Ивановна была так добра сделать что-либо для Наташи, как бы мало то ни было, это было бы для нас большой помощью. Вам известно, что зная о ее постоянно стесненных обстоятельствах, я никогда не докучал ей просьбами, но необходимость и даже долг меня к тому вынуждают,— так как, конечно, не ради себя, а только ради Наташи и наших детей, я думаю о будущем. Я не богат, а мои теперешние занятия мешают мне посвятить себя литературным трудам, которые давали мне средства к жизни. Если я умру, моя жена окажется на улице, а дети в нищете. Все это печально и приводит меня в уныние.— Вы знаете, что Наташа должна была получить 300 душ от своего

* Подчеркнуто Пушкиным.

** Вписано карандашом.

деда; Наталья Ивановна мне сказала сначала, что она дает ей 200. Ваш дед не смог этого сделать, да я даже и не рассчитывал на это. Наталья Ивановна опасалась, как бы я не продал землю и не дал ей неприятного соседа; этого легко можно было бы избежать, достаточно было бы включить оговорку в дарственную, по которой Наташа не имела бы права продать землю. Мне чрезвычайно неприятно поднимать этот разговор, так как я же ведь не скряга и не ростовщик, хотя меня в этом и упрекали, но что поделаешь? Если Вы полагаете, что в этом письме нет ничего такого, что могло бы огорчить Наталью Ивановну, покажите его ей, в противном случае поговорите с ней об этом, но оставьте разговор, как только Вы увидите, что он ей неприятен.

Прощайте»¹.

Князь Голицын, о котором говорится в письме, сын одной из племянниц Потемкина, был очень богатым человеком. В описываемое время он жил в Москве. Но Дмитрий Николаевич знал его, очевидно, не так близко, чтобы обратиться к нему непосредственно о таком крупном займе. Пушкин же был хорошо знаком как с самим Голицыным, так и его семьей, на это и рассчитывал Дмитрий Николаевич.

Письмо это говорит о материальных затруднениях семьи Пушкина (видимо, нужно было уплатить какой-то неотложный долг). Главное же в нем — стремление обеспечить будущее детей. Из письма впервые мы узнаем, что Наталья Ивановна предполагала выделить дочери часть Яропольца, но своего обещания до свадьбы не выполнила. По-видимому, сама Наталья Николаевна по скромности характера не осмеливалась обращаться к матери и просила об этом мужа. Пушкину было «чрезвычайно неприятно поднимать этот разговор», но он сделал это ради жены и детей. Кажется, будто какое-то бессознательное предчувствие владело Пушкиным все эти годы, когда он так настойчиво стремится получить хоть какое-нибудь скромное пристанище, где бы он мог жить и работать и которое смог бы передать в наследство детям. Савкино, Ярополец, Никулино (о нем речь впереди) — все это попытки воплотить в жизнь свои мечты, так и оставшиеся неосуществленными...

Сведений о том, получил ли Гончаров эти деньги у Голицына, не имеется, и что ответил Дмитрий Николаевич Пушкину на его письмо, мы тоже не знаем. Но он,

Header Page 65 of 194

несомненно, показывал его Наталье Ивановне: они постоянно пересылали друг другу письма родных или копии с них и договаривались, как поступить в том или ином случае. Полагаем, что Дмитрий Николаевич ответил уклончиво, и Пушкин решил переговорить с Натальей Ивановной обо всем лично.

В июле 1833 года Наталья Николаевна родила сына Александра. Рождение внука обрадовало Наталью Ивановну.

«Пушкин написал мне,— читаем мы в ее письме к Дмитрию Николаевичу,— чтобы сообщить о благополучном разрешении Таши, она родила мальчика, которого нарекли Александром. Я полагаю, он известил также и тебя. Он рассчитывает через несколько недель приехать в Москву и спрашивает моего разрешения заехать в Ярополец навестить меня, что я принимаю с удовольствием!»¹⁾

Наталья Ивановна, видимо, была так обрадована рождением внука, что даже послала дочери в подарок 1000 рублей.

Работая в архивах над историей Петра I, Пушкин одновременно изучает следственное дело о Пугачеве. Найдя большое количество чрезвычайно интересных материалов, он решает написать историю пугачевского восстания. Закончив в мае 1833 года черновую редакцию книги, Пушкин собирается поехать в места, связанные с восстанием. Он подает прошение императору и получает отпуск на четыре месяца. Оставив Наталью Николаевну с маленькой Машей и новорожденным Александром на даче под покровительством тетушки Е. И. Загряжской, Пушкин 17 августа выезжает из Петербурга. Его попутчиком был Сергей Александрович Соболевский. В Торжке друзья расстались: Соболевский отправился прямо в Москву, а Пушкин свернул на проселочную дорогу в сторону Яропольца. Но, проезжая недалеко от Павловского поместья своих старинных друзей Вульфов, решил заехать ненадолго к ним. Оттуда 21 августа он писал жене:

«Ты не угадаешь, мой ангел, откуда я к тебе пишу: из Павловска; между Берновом и Малышников, о которых вероятно я тебе много рассказывал. Вчера, своротя на проселочную дорогу к Яропольцу, узнаю с удовольствием, что проеду мимо Вульфовых поместий, и решил их по-

сестить. В 8 часов вечера приехал я к доброму моему Павлу Ивановичу, который обрадовался мне, как родному... Завтра чем свет отправляюсь в Ярополиц, где пробуду несколько часов и отправлюсь в Москву, где, кажется, должен буду остаться дня три»¹.

Однако и на этот раз Пушкин не сразу поехал в Ярополец. В селе Мологино Тверской губернии жил учитель А. А. Раменский, с которым был знаком Н. М. Карамзин. Видимо, еще в Петербурге Пушкин планировал сюда заехать, так как вдова Карамзина Екатерина Андреевна послала с ним в подарок Раменскому несколько томов «Истории государства Российского». На первом из них, дошедшем до наших дней, Раменский сделал такую надпись: «Первые томы были любезно доставлены в Мологино великим пиитом российским Александром Сергеевичем Пушкиным проездом из Санкт-Петербурга августа 22 дня 1833 года, и был сей день праздником семьи нашей. Учитель Берновской экономии Александр Раменский».

По-видимому, Пушкин оставался в Мологине почти весь день и только 23 августа вечером приехал в Ярополец и пробыл там не несколько часов, как предполагал, а более суток. Позднее, уже из Москвы, он послал жене письмо с описанием своего пребывания у тещи.

«28 авг. Москва.

Поздравляю тебя со днем твоего ангела, мой ангел, цалую тебя заочно в очи — и пишу тебе продолжение моих похождений — из антресолей вашего Никитского дома, куда прибыл я вчера благополучно из Ярополица. В Ярополиц приехал я в среду поздно. Наталья Ивановна встретила меня как нельзя лучше. Я нашел ее здоровою, хотя подле нее лежала палка, без которой далеко ходить не может. Четверг я провел у нее. Много говорили о тебе, о Машке и о Катерине Ивановне. Мать, кажется, тебя к ней ревнует; но хотя она по своей привычке и жаловалась на прошедшее, однако с меньшей уже горечью. Ей очень хотелось бы, чтобы ты будущее лето провела у нее. Она живет очень уединенно и тихо в своем разоренном дворце и разводит огороды над прахом твоего прадедушки Дорошенки, к которому ходил я на поклонение. Семен Федорович, с которым мы большие приятели, вожил меня на его гробницу и показывал мне прочие достопамятности Ярополица. Я нашел в доме старую библиотеку, и Наталья Ивановна позволила мне выбрать нужные кни-

Header Page 67 of 194

ги. Я отобрал их десятка три, которые к нам и придут с варением и наливками. Таким образом набег мой на Ярополец был вовсе не напрасен. Теперь, жинка, послушай, что делается с Дмитрием Николаевичем. Он как владетельный принц влюбился в графиню Надежду Чернышеву *по портрету*, услыша, что она девка плотная, чернобровая и румяная. Два раза ездил он в Ярополец в надежде ее увидеть, и в самом деле ему удалось застать ее в церкви. Вот он и полез на стены. Пишет он из Заводов, что он без памяти от *la charmante et divine comtesse**, что он ночи не спит ... и непременно требует от Натальи Ивановны, чтоб она просватала за него *la charmante et divine comtesse*; Наталья Ивановна поехала к Кругликовой и выполнила комиссию. Позвали *la divine et charmante*, которая отказала наотрез. Наталья Ивановна беспокоится о том, какое действие произведет эта весть. Я полагаю, что он не застрелится. Как ты думаешь? А надобно тебе знать, что он дело затеял еще зимою и очень подозревал *la divine et charmante comtesse* в склонности к Муравьеву (святому). Для сего он со всевозможною дипломатическою тонкостью пришел однажды спросить его, как Скотинин у своего племянника: *Митрофан, хочешь ли ты жениться?* Видишь какой плут! и нам ничего не сказал. Муравьев отвечал ему, что скорей он будет монахом, а брат и обрадовался, и ну просить у графини *son coeur et sa main***, уверяя ее письменно, *qu'il n'est plus dans son assiette ordinaire****. Я помирал со смеху, читая его письмо, и жалею, что не выпросил его для тебя. Из Яропольца выехал я ночью и приехал в Москву вчера в полдень...»¹

Надо сказать, что после рождения двух внуков отношение Натальи Ивановны к Пушкину изменилось к лучшему, и, видимо, этим объясняется ее радушный прием. Но, кроме того, были у нее на этот раз и особые причины быть с ним любезным: она просила его помочь Дмитрию Николаевичу, и Пушкин обещал ей. Возможно, это касалось также и займа у Голицына.

«Ты там должен был застать Александра Серг., чему я была бы очень рада; он очень расположен быть тебе полезным в хлопотах перед правительством», — пишет Наталья Ивановна сыну уже после отъезда Пушкина 4 сентября².

* прелестной и божественной графини (фр.).

** ее руки и сердца (фр.).

*** что он не в своей тарелке (фр.).

Header Page 68 of 194

«Ты мне ничего не пишешь, застал ли ты Александра Сергеевича в Москве, — спрашивает Наталья Ивановна в письме от 14 сентября. — Твоя с ним встреча была бы необходима, чтобы помочь в затруднении с делами»¹. Из переписки Натальи Николаевны и ее сестер с Дмитрием Николаевичем мы знаем, что Пушкин принимал участие в заботах семьи Гончаровых, через своих влиятельных знакомых помогая шурина в его делах и запутанных судебных процессах.

Мы уже говорили о том, какую роль играла Екатерина Ивановна Загряжская в семье Пушкиных, нежно любившая свою «Душку», как называла она Наталью Николаевну. «Прошедшее», на которое жаловалась Наталья Ивановна, это, мы полагаем, ссора с сестрами из-за раздела по двум наследствам. Однако заботы Екатерины Ивановны о Натали и ее детях, видимо, в какой-то степени примирили Наталью Ивановну с ней, почему и говорила она об этом «с меньшей уже горечью».

Из письма Пушкина видно, что в прогулках по Яропольцу его сопровождал Семен Федорович. «Мы большие приятели» — это, конечно, ирония.

Кто же такой Семен Федорович? Семен Федорович Душин (1792—1842) — московский мещанин, который служил управляющим яропольским поместьем с того момента, когда Наталья Ивановна получила его по разделу с сестрами. В течение 20 лет он вершил всеми делами и имел очень большое влияние на Наталью Ивановну. Пользуясь своим положением, Душин, по-видимому, наживался на управлении имением. В октябре 1831 года Пушкин писал своему другу П. В. Нащокину, что хочет приехать в Москву, чтобы «спасти от банкротства тещи моей и от лап Семена Федоровича»² бриллианты, которые мать подарила Наталье Николаевне перед свадьбой. Вернее, подарила не бриллианты, а залоговую квитанцию на них, предоставляя Пушкину выкупить этот «подарок»!

Пушкин пишет о «лапах» Семена Федоровича. Еще более резко отзывался о нем Дмитрий Николаевич, прямо говоря матери, что Душин ее грабит. Об этом мы узнаем из новонайденного письма ее дочери Екатерины Николаевны к брату от 11 августа 1832 года:

«Что касается вопроса, который ты мне задаешь, чтобы узнать не сердится ли она немножко за то, что ты ей сказал об управляющем, конечно, на это труднее ответить, хотя она часто говорит, что больше не сердится на

Header Page 69 of 194

тебя, все же она к этому часто возвращается и не очень спокойно смотрит на то, что ты ей сказал. Я даже нахожу, что она несколько язвительна в этом вопросе, и с тех пор как ты ей показал дела с другой стороны, чем она привыкла их видеть, у нее нет к тебе того же хорошего расположения, как раньше... Но ты понимаешь, что это может быть с каждым, никто не любит, когда ему говорят, что его грабят, так как это свидетельствует о слабости характера, вещь в которой не очень любят признаваться»¹.

Однако, судя по переписке Гончаровых, вряд ли можно упрекнуть Наталью Ивановну в слабости характера вообще; она, вероятно, проявлялась только в данном случае. Незадолго до письма Екатерины Николаевны мать уже ответила Дмитрию Николаевичу. Приведем выдержки из этого до сих пор неизвестного письма.

«8 августа 1832 г. Ярополец

Возможно тебя удивляет, любезный Дмитрий, что я с опозданием отвечаю на твои последние письма. Не скрою, обескураженная твоими неизменными ответами на письма, в которых я тебе излагала свои стесненные обстоятельства, и в особенности тем, что ты совершенно не принимаешь во внимание мотивы, являющиеся их единственными побудительными причинами, — я решила тебе больше об этом не говорить, точно так же как и ты не склонен вмешиваться в семейные дела... Не стану говорить тебе и о том, насколько утешительно для матери не быть понятой своими детьми, тем не менее заявляю тебе, что я не запятнала свою совесть ни одним поступком, и это дает удовлетворение моему сердцу, даже в подобных обстоятельствах. Не подумай однако, что я из чувства неудовольствия хочу тебя обидеть или стремлюсь каким-либо образом принудить тебя встать на мою сторону. Желая только одного — иметь заступничество божие, я думаю, что лишилась бы его, если бы не подчинилась долгу матери и не поговорила бы с тобой откровенно. Я не люблю в тебе и не уважаю твое непрестанное настойчивое стремление к собственному благосостоянию; во всех своих поступках ты прежде всего прикидываешь, не будут ли они тебе невыгодны. Я признаю, что при расчетах нужно руководствоваться осмотрительностью, но быть занятым только исключительно собою, значит быть настоящим эгоистом, черта характера не заслуживающая уважения. Я льщу себя надеждой, дорогой Дмитрий, что сделанные мною

Header Page 70 of 194

тебе замечания ты воспримешь как хороший сын, и особенно не приписывая им никаких других мотивов, кроме тех, о которых я тебе только что сказала...»¹

Чувствуется, что Наталья Ивановна была очень рассержена откровенными высказываниями Дмитрия Николаевича в адрес Душина. Требуя, чтобы он не вмешивался в ее семейные дела, она как бы оправдывается перед ним, говоря, что ничем не запятнала свою совесть, и особенно настаивает на том, чтобы сын не приписывал ей «никаких других мотивов». Однако письмо это писалось всего за месяц до неожиданной кончины Афанасия Николаевича, которая в корне изменила «расстановку сил» в семье Гончаровых, когда во главе майората встал Дмитрий Николаевич.

Душин прожил в Яропольце до самой смерти. Похоронен он там же, возле церкви. Наталья Ивановна поставила ему памятник, на одной стороне которого на камне высечена эпитафия:

«Памятник воздвигла Н. И. Гончарова с детьми московскому мещанину Семену Федоровичу Душину от чувств благодарности за 20 лет неустанное и беспристрастное его управление яропольским имением и скончавшемуся 19 сентября 1842 г. на 50 году от рождения».

Будучи в Яропольце, мы обнаружили на второй стороне надгробия четверостишие, сочиненное, очевидно, самой Натальей Ивановной:

В цепи жизненной смерть разрывает кольца
Мирный житель Яропольца
К порядку и добру где все расположил
Он ближнему служа живот свой положил².

Третья сторона памятника, к сожалению, очень повреждена, и нам удалось разобрать только части фраз и отдельные слова. Это обращение самого Семена Федоровича к оставшимся друзьям, тоже в стихах: он просит не забывать его и посещать могилу.

Вряд ли дети Гончаровы имели намерение воздвигнуть ему памятник из чувств благодарности за «беспристрастное» 20-летнее управление Яропольцем. Все это было сделано Натальей Ивановной. Обращает на себя внимание и то, что похоронен Душин не в Иосифо-Волоколамском монастыре (ближайшем от Яропольца кладбище), а возле церкви, у левого крыла дворца — от него до душинской могилы буквально два шага.

Header Page 71 of 134

Похоронив Душина, Наталья Ивановна поехала к сыну в Полотняный Завод. Сохранилось ее письмо от 31 октября 1842 года, написанное по возвращении в Ярополец. Приведем отрывок из него: «Я благополучно вернулась домой, дорогой Дмитрий, и хотя все вокруг мне кажется пустым и печальным, как и во мне самой, я все же стараюсь вникать во все, что произошло за время моего отсутствия; кажется, все шло своим чередом»¹.

По переписке Гончаровых видно, что Наталья Ивановна стремилась жить в Яропольце одна: не потому ли не захотела она выделить часть имения Наталье Николаевне, а Екатерину и Александру отправила к деду на Полотняный Завод...

Общеизвестна запись Бертенева о его разговоре с Соболевским относительно Натальи Ивановны:

«У Пушкиных она никогда не жила. В последнее время она поселилась у себя в Яропольце и стала очень несносна: просто-напросто пила. По лечебнику пила. «Зачем ты берешь этих барышень?» — спросил у Пушкина Соболевский. — Она целый день пьет и со всеми лакеями.....»^{**}

Нам кажется, эту запись следует подвергнуть сомнению. Что Наталья Ивановна пила — это возможно: слишком много горя перенесла она. Что же касается «всех лакеев», то это, по нашему мнению, «интерпретация» Соболевского каких-то слов, которые сказал Пушкин, очевидно, в раздражении, намекая на управляющего.

Был ли Душин близким человеком Наталье Ивановне? Полагаем, что да. На эту мысль наводят и строки, начертанные на памятнике, и вышеприведенные письма. Есть и еще одно свидетельство. В Государственной библиотеке имени В. И. Ленина хранится альбом Натальи Ивановны, в котором имеется ее собственноручная запись, датированная 19 сентября 1842 года (день смерти Душина):

«Человек, смерть которого оставила в моей жизни такую пустоту, которая не исчезает с годами. Шатобриан. 19 сентября 1842»².

Мы остановились несколько подробнее на личности управляющего, так как, если наше предположение верно, тогда легко объясняется то влияние, которое Душин имел на Наталью Ивановну во многих денежных и семейных

* Имеется в виду переезд сестер Гончаровых к Пушкиным в Петербург в 1834 году.

** Многоточие в подлиннике.

Header Page 72 of 104

делах. Судя по приведенным нами материалам и по частым упоминаниям Душина в письмах к Дмитрию Николаевичу (например, ее беспокойство во время его болезни), чувство Натальи Ивановны к нему было искренним и длительным. И так ли уж виновна была она, фактически оставшись вдовой в 29 лет...

В письме Пушкина много говорится о сватовстве Дмитрия Николаевича к Надежде Чернышевой. Семья эта представляет значительный интерес как сама по себе, так и по связям ее с Пушкиным. Чернышевы были ближайшими соседями Гончаровых. Но мало кто знает, что Пушкин был в родстве с Чернышевыми*. Расскажем об этом хотя бы кратко.

Дочь любимца Петра I Юрия Алексеевича Ржевского, Сарра Юрьевна Ржевская, была замужем за Алексеем Федоровичем Пушкиным (тоже из рода поэта). Ее дочь Мария Алексеевна, в замужестве Ганнибал, — бабушка Пушкина. А дочь Марии Алексеевны, Надежда Осиповна, — мать Александра Сергеевича. Таким образом, С. Ю. Ржевская приходилась Пушкину прабабкой. Близкое родство.

С другой стороны, у сестры Сарры Юрьевны, Анны Юрьевны Ржевской, в замужестве Квашниной-Самариной, был сын Петр Федорович, женатый на А. П. Салтыковой. Одна из дочерей этой супружеской пары Елизавета Петровна Квашнина-Самарина (1773—1828) вышла замуж за Григория Ивановича Чернышева, владельца Яропольца в пушкинские времена. Следовательно, и у Пушкиных и у Чернышевых были одни и те же предки — Ржевские, к родословной которых Пушкин относился с таким же интересом, как Ганнибалов и Пушкиных.

Григорий Иванович Чернышев (1762—1831) в молодости принимал участие в походах Потемкина и Суворова, в штурме Измаила, дослужился до чина генерал-инспектора. Но военная карьера его, очевидно, мало привлекала и впоследствии он был уже при дворе, в звании обер-шенка**. Знаток французской литературы, Чернышев писал комедии и стихи, постоянно вращался в придворных кру-

* О родстве Пушкиных и Чернышевых пишет в указанной выше книге Н. К. Телетова.

** Обер-шенк — высший придворный чин 2-го класса,

гах. Был он и членом тайной аристократической масонской организации «Капитул Феникса», в которой занимал видное положение канцлера. П. А. Вяземский, друг дома Чернышевых, в одном из своих стихотворений, обращенных к Григорию Ивановичу, отмечает его «тонкий ум и здравый смысл»¹.

Григорий Иванович был очень богат. Кроме Яропольца, он владел обширными поместьями в Орловской, Рязанской и Воронежской губерниях, имел четыре с половиной тысячи ревизских душ крестьян, ковровые и полотняные фабрики, конные заводы и т. д. А незадолго до своей смерти, как мы узнаем из его писем к сыну в 1830 году, получил большое наследство от умершей родственницы. После его кончины наследникам достались майорат, фабрики и заводы и двенадцать богатейших имений общей стоимостью около двух миллионов рублей.

У супругов Чернышевых было семеро детей: сын Захар (будущий декабрист) и шесть дочерей: Софья, Александра, Елизавета, Наталья, Вера и Надежда. Это была высококультурная и демократически настроенная семья. Все дети получили прекрасное воспитание и образование, хорошо знали иностранные языки, много читали. Сестры Чернышевы, несомненно, выделялись среди молодых девушек их круга. Один из родственников Чернышевых, М. Д. Бутурлин писал, что мать Елизавета Петровна была «женщина с сильным характером и нравственные достоинства детей были воспитаны ею»².

Нет сомнения, что Пушкины были знакомы со всеми Чернышевыми, а младшее поколение обоих семейств было, по-видимому, в дружеских отношениях. Так, Надежда Осиповна Пушкина писала сыну Льву Сергеевичу 8 мая 1833 года, что виделась с Елизаветой Григорьевной Чернышевой (в замужестве Чертковой):

«Она поручила мне тебя поцеловать, уверить тебя в ее дружбе, сказать тебе, что она с удовольствием вспоминает время, когда мы так часто бывали вместе»³.

О своих родственных связях с Чернышевыми Пушкин упоминает в письме к жене от 11 мая 1836 года. Со многими членами этой большой семьи он встречался в Петербурге, Москве и Яропольце.

Кроме Захара Чернышева, широко известна и его сестра Александра, ставшая женой декабриста Никиты Муравьева. Академик Н. М. Дружинин в статье «Семейство Чернышевых и декабристское движение» так гово-

Header Page 74 of 194
рит о сестрах: «Молодые графини Чернышевы, увлеченные культом героических личностей, видели в Никите Муравьеве и своем брате Захаре смелых борцов, страдающих от самодержавного деспотизма»¹.

Граф М. Д. Бутурлин, известный своими реакционными взглядами, пишет, что молодые графини «нечего греха таить, были тогда в экзальтированном настроении духа, они смотрели на опозоренных брата и зятя, как на жертвы самодержавного произвола, и сочувствовали, без трезвого анализа, идеям, целью которых было, как они воображали, благо отечества»². Однако граф глубоко ошибался: «настроение духа» молодых девушек не было мимолетным под влиянием трагических событий в семье.

Но в своих воспоминаниях тот же Бутурлин говорит: «Когда он* отправлен был в Сибирь, то она** при мне прискакала к матери на одну только ночь (которую, это я хорошо помню, она провела, лежа на полу, рядом с материнской кроватью) и поспешила догнать мужа на этапе по Ярославской или Владимирской дороге... Тайком от всех с Александрой Григорьевной поехали до Ярославля сестры ее, графини Софья, Наталья и Вера Григорьевны, для свидания и прощания с их братом и зятем... Одной гр. Елизавете Григорьевне пришлось отказаться от этого утешения: надо же было кому-то оставаться дома при убитых горем стариках-родителях». Младшей сестре, Надежде Григорьевне, было в ту пору всего 13 лет. Это еще раз говорит нам о необыкновенной любви друг к другу членов этой семьи, никогда не покидавших своих близких в дни тяжелых испытаний и горя...

Александра Григорьевна Чернышева-Муравьева последовала за мужем в Сибирь. Именно ей, своей родственнице, Пушкин доверил стихотворное послание к декабристам «Во глубине сибирских руд...», которое она повезла на каторгу. «Подобно М. Н. Волконской, — пишет известный исследователь движения декабристов академик М. В. Нечкина, — жена Никиты Муравьева отправилась в Сибирь, чтобы разделить судьбу мужа. Самоотверженная женщина, несмотря на большой риск, передала эти строки декабристам. Над нею нависла страшная опасность, но она презрела ее. Находясь под бдительным присмотром жандармов, она могла бы в любой момент подвергнуться обыс-

* Н. М. Муравьев.

** А. Г. Муравьева.

ку, аресту, допросу. За передачу такого стихотворения ей самой грозила тюрьма. И Пушкин вверил ей свою судьбу».

Александра Григорьевна Муравьева получила самую высокую оценку в мемуарах и письмах современников. Память об этой замечательной русской женщине сохранилась до сих пор.

Замуж А. Г. Чернышева вышла в феврале 1823 года. Поэтому не исключено, что в 1823—1825 годах Н. М. Муравьев также бывал в Яропольце, где часто проводила лето семья Чернышевых. В описываемое нами время Чернышевы-родители уже умерли и старшая сестра, Софья Григорьевна, заменяла сестрам мать. Она была замужем за Иваном Гавриловичем Кругликовым. В молодости корнет лейб-гвардии гусарского полка, участник войны 1812 года, он мог быть знаком с Пушкиным еще в те годы, когда гусарский полк стоял в Царском Селе. В чине полковника в 1826 году Кругликов вышел в отставку, а в 1832 году женился на Софье Чернышевой. Как и гончаровское поместье, Ярополец Чернышевых был майоратом, то есть должен был передаваться по наследству старшему сыну. Но Захара Чернышева — участника декабристского восстания — лишили всех прав состояния и сослали. В семье остались одни дочери. Женившись на Софье Григорьевне, Кругликов получил графский титул, чернышевский майорат и фамилию Чернышев-Кругликов.

Елизавета Григорьевна Чернышева была замужем за Александром Дмитриевичем Чертковым. Председатель Московского общества истории и древностей российских, археолог и нумизмат, основатель известной в те времена Чертковской библиотеки, он был широко образованным человеком. В молодости много путешествовал по Австрии, Италии, Швейцарии, интересуясь археологией и историей этих стран. Странствуя по Сицилии, он делал записи в дневнике и на основании своих впечатлений написал книгу «Путешествие в Сицилию», которую и привез в подарок своему знаменитому родственнику.

В письмах к жене Пушкин дважды упоминает Черткова:

«Так как теперь к моим прочим достоинствам прибавилось и то, что я журналист, то для Москвы имею я новую прелесть. Недавно сказывают мне, что приехал ко мне Чертков. От роду мы друг к другу не езжали. Но при сей верной оказии вспомнил он, что жена его мне родня, и потому привез мне экземпляр своего *Путешествия в Си-*

цилию. Не побранить ли мне его en bon parent?»*
(11 мая 1836 г.)¹.

В следующем письме, 14—16 мая 1836 г., Пушкин сообщает Наталье Николаевне, что обедал у Черткова².

Интересно отметить, что дом Черткова, где бывал Пушкин, сохранился до наших дней, правда, перестроенный. Это дом № 7 по улице Кирова. Здесь в 1840-х годах жил у сестры Елизаветы Григорьевны и Захар Григорьевич Чернышев.

Вера Григорьевна Чернышева, в замужестве Пален, жила в Петербурге. С Федором Петровичем Паленом (русским посланником в Вашингтоне, Рио-де-Жанейро и Мюнхене в 1809—1822 гг.)** Пушкин был знаком еще в Одессе. Пален служил там одновременно с Пушкиным, и, конечно, они встречались. В 1827 году поэт и приятель Пушкина В. И. Туманский писал ему, что «граф Пален, невзирая на малое знание русского языка, берет у меня ваши книжки». Надо полагать, что впоследствии Пушкин поддерживал знакомство с Паленом и в Петербурге.

Но вернемся к сватовству Дмитрия Николаевича Гончарова. Из переписки с ним Натальи Николаевны и других сестер мы знаем, что Софья Кругликова, Вера Пален и Надежда Чернышева бывали в доме Пушкиных в Петербурге. Гончаровы и Наталья Николаевна делали ответные визиты. Встречались они также и в великосветском обществе, и в театрах. Все Гончаровы всячески старались повлиять на сестер Чернышевых, надеясь получить благоприятный ответ на предложение Дмитрия Николаевича, однако не очень верили в успех. Дмитрий Николаевич не блистал красотой, был глуховат и заикался.

«Спешу... утешить тебя,— читаем мы в письме Натальи Николаевны от 1 сентября 1833 года,— по поводу твоих обманутых надежд в отношении графини Чернышевой; что делать, дорогой друг, примиришься с этим. Я думаю, ты прав в твоих предположениях; мне кажется, это Муравьев (святой) вредит тебе в этом деле; я знаю, что в прошлом году он провел все лето в Ярополице, живя в постоянном общении со всей семьей, что ж ты хочешь, чтобы он, при его красоте, не произвел впечатления на молодую девушку. Что касается тебя, то зная твое благоразумие, я

* по-родственному (*фр.*).

** Ф. П. Пален — сын известного П. А. Палена (1745—1826), одного из организаторов убийства Павла I.

Header Page 7 of 194

надеюсь, что твоя страсть потухнет так же быстро, как и зажглась. Скажи мне только, узнав об отказе, ты не думал о самоубийстве?»¹

Однако Дмитрий Николаевич и не помышлял о «самоубийстве», а продолжал настойчиво добиваться через сестер и Наталью Ивановну изменения решения молодой красавицы.

«Твоя прекрасная графиня была вчера у меня, — пишет Наталья Николаевна брату в декабре 1834 года, — но я не могу сообщить тебе ничего интересного, так как о тебе речи не было совсем. Катя видела ее два раза во дворце, но, однако, нисколько не продвинула твои дела... В четверг мы должны поехать пить чай к графине Пален, что будет не знаю, вероятно ничего»².

«А прекрасная графиня, — пишет Александра Николаевна 28 января 1835 года, — ты продолжаешь совершать путешествия в Ярополиц? Это по привычке или в надежде послужить для нее магнитом... Мы ее видели не далее как вчера во французском театре. Они были все трое у нас, я подразумеваю Кругликова, Пален и Надина»³.

Какой-то легкий иронический оттенок чувствуется в письмах сестер к старшему брату в отношении его намерений заполучить в жены богатую, блиставшую красотой Надежду Чернышеву.

В нашем распоряжении нет писем Дмитрия Николаевича, в сохранившемся архиве Гончаровых — лишь письма к нему, поэтому судить о нем мы можем только по свидетельствам его родных: сестер, братьев и родителей. Складывается впечатление, что это был человек добрый, но с характером вспыльчивым и упрямым. Трудно сказать, насколько верна характеристика, данная сыну Натальей Ивановной в вышеприведенном письме к нему. Писалось оно, несомненно, в раздражении, но не исключено, что некоторая доля истины в ее словах есть. Что касается упрямства, то об этом достаточно красноречиво говорит его настойчивое стремление добиться руки Надежды Чернышевой. И в письмах Натальи Ивановны за 1833—1835 годы постоянно упоминается о ее переговорах по этому поводу с Кругликовой.

Пушкин пишет о сватовстве шурина в весьма иронических тонах. Очевидно, в семье Пушкина не смотрели на возможность этого брака серьезно. Дмитрий Николаевич не был, по понятиям того времени, подходящей партией для богатой и знатной Чернышевой. Гончаровские

Имена были заложены и перезаложены, на предприятиях лежали колоссальные долги, многочисленная семья едва сводила концы с концами. Возможно, и «роман» Натальи Ивановны с управляющим не способствовал желанию Чернышевых с нею породниться.

К 1833 году в семье Чернышевых оставались еще две дочери-невесты: Надежда и Наталья.

Надежда Чернышева, очевидно, была очень хороша собой. «Тип ее был чисто цыганский, при величавом росте... — говорит о ней родственник Чернышевых М. Д. Бутурлин. — Роста была мужского, смуглая как цыганка и с сильным киноварным румянцем во всю щеку до самых ушей, с выразительными темными глазами... Брови были густы и горизонтальны, а волосы темные»¹. Пушкин, вероятно, видел ее в 1833 году и, несомненно, в 1834 году, когда он вместе с Натальей Ивановной наносил визит Чернышевым. В Надежду Григорьевну были влюблены не только Дмитрий Николаевич, но и братья Андрей и Николай Муравьевы, поместье которых, Осташево, как мы говорили, находилось недалеко от Яропольца.

С Андреем Николаевичем Муравьевым Пушкин был хорошо знаком. Они встречались в литературных кругах и в Петербурге и в Москве. Вероятно, Муравьев бывал у Пушкиных и при жизни поэта. О том, что он иногда посещал Наталью Николаевну и ее семью в 40-е годы, известно из ее писем. В молодости А. Муравьев писал стихи, и Пушкин одобрительно относился к его поэтическим начинаниям. Однако не все было гладко в их отношениях. Еще в самом начале знакомства, в 1827 году, у них едва не произошла крупная ссора.

В Москве большой известностью пользовался салон княгини Зинаиды Волконской, в котором часто собирались литераторы, поэты, артисты. Здесь постоянно звучала музыка, поэты читали свои новые произведения. Бывали там и Пушкин, и Муравьев. По свидетельству А. О. Россет-Смирновой, некоторые дамы находили, что в профиль Андрей Николаевич похож на Аполлона, и это, конечно, было хорошо ему известно. И вот на одном из вечеров княгини Муравьев, читая свои стихи, встал нарочно возле большой статуи Аполлона, стоявшей в гостиной. Но уходя на свое место, он неловко споткнулся о пьедестал и сломал руку статуи, которая упала и сильно ушибла ему ногу. Тут же на пьедестале статуи он написал:

О, Аполлон! Поклонник твой
 Хотел померяться с тобой,
 Но оступился и упал.
 Ты горделивца наказал:
 Хотя пожертвовал рукой,
 За то остался он с ногой.

Пушкин написал очень едкую эпиграмму на претензии Муравьева соперничать с Аполлоном:

Лук звенит, стрела трепещет,
 И клубясь вздох Пифон;
 И твой лик победой блещет,
 Бельведерский Аполлон!
 Кто ж вступился за Пифона,
 Кто разбил твой истукан?
 Ты, соперник Аполлопа,
 Бельведерский Митрофан.

Эпиграмму эту Пушкин напечатал. Муравьев был очень обижен и, встретив Соболевского, спросил его, почему Пушкин написал на него такую злую эпиграмму. Соболевский ответил, что одна гадалка предсказала поэту, что он должен остерегаться высокого белокурого человека, от руки которого умрет (Муравьев был блондин и очень высокого роста). Возможно, это объяснение смягчило гнев Муравьева. Однако Пушкин опасался, что дело не кончится мирно, о чем говорил Погодину: «Муравьев может вызвать меня на дуэль, а он — не только белый человек, но и лошадь».

Муравьев Пушкина на дуэль не вызвал, но ответил эпиграммой, не менее язвительной:

Как не злиться Митрофану?
 Аполлон обидел нас:
 Посадил он обезьяну
 В первом месте на Парнас.

Вскоре Муравьев уехал в длительное путешествие за границу, а по возвращении, встретив Пушкина в архиве Министерства иностранных дел, примирился с ним. Видимо, и Пушкин хотел как-то загладить инцидент и пригласил Муравьева сотрудничать в «Современнике». Во втором томе он напечатал отрывки из его драмы в стихах «Битва при Тивериаде» с предисловием, а в четвертом — очерк «Вечер в Царском Селе». Одобрительно отозвался он и о его книге «Путешествие по святым местам». Однако надежд Пушкина Муравьев не оправдал; драма на сцене

успеха не имела, и вообще в дальнейшем он стал более известен как писатель по религиозным вопросам (почему и получил прозвище «святой») и занимал крупные должности в синоде. Религиозная настроенность Муравьева очень импонировала Наталье Ивановне, и в своих письмах она весьма благожелательно отзывается о нем, но братья Гончаровы, в особенности Иван Николаевич, к «святости» Муравьева относились скептически.

Андрей Муравьев был очень увлечен Надеждой Чернышевой. В Библиотеке им. В. И. Ленина хранится небезытересная его рукопись под названием «Ярополец» (1835 г.), эпиграфом к которой он взял слова: «Я пленен, я очарован! Словом, я огончарован»¹. Это — поэтическое, сентиментальное, в духе той эпохи, описание чернышевского парка в Яропольце, встречи там при закате солнца с Иваном Гончаровым и их длительной беседы. Описанию Яропольца предшествует стихотворение, посвященное Надежде Григорьевне Чернышевой и датированное автором 25 сентября 1832 года. Поэт вспоминает чернокудрую красавицу, скакавшую на белом коне по аллеям парка.

ЗАМОК НА ЛАМЕ

Я замок твой видел, он пуст и уныл
Без рыцарской девы, и тщетно
Склонившийся день его окна златил
Сквозь просеку рощи заветной.
И крест над подковой сиял на гербе,
Я грустно скитался в мечтах о тебе,
И белого вывесть велел я копя,
На коем ты часто скакала,
Как будто на битвы, для ратного дня
Ты юность свою обрекала,
Опасный готовя воителям бой,
Равняясь им духом, сражаясь красой,
Я гладил коня, он бился и ржал,
Тебя вызывая, как прежде,
И я, позабывшись, на замок взирал —
Не выйдешь ли в черной одежде,
И локопах черных, и с черным пером,
Царица осанкою, ангел лицом...
Во мрак погрузился я длинных аллей
Где часто, при лунном сиянии
Шел гул в даль от топота дружных коней
Уставших на дальнем ристаньи.
Но там одипоко осенний ветер выл
И листья со свистом в пришелица бил
Тоскуя о прошлом, о рыцарских днях

Один в фантастическом мире.
 Я думаю жил на Сионских холмах
 У вод Иордана, в Пальмире; —
 Ты, дивная дива, исторгла меня
 Из сладостных грез палестинского сна!
 Ты в виде Клоринды являлася мне,
 Твой образ не чуждым казался
 На башне Давида, на Акрской стене,
 И вновь очарованный взялся
 За арфу которую я схоронил
 В юдоли плачевной меж пальм и могил!

Не совсем ясно отношение самой Надежды Григорьевны к Андрею Муравьеву. Николай Муравьев в своих воспоминаниях говорит, что якобы ей нравится его брат Андрей. Наталья Николаевна, как мы уже знаем, писала Дмитрию, что, очевидно, с ним соперничает Муравьев-святой, предполагая, что его красота произведет впечатление на молодую девушку. Однако, по-видимому, ни красота Муравьева, ни его «святость» (можно предположить, что именно это не нравилось Надежде Григорьевне, воспитанной в семье с передовыми взглядами и вряд ли глубоко религиозной) не побудили ее остановить на нем свой выбор.

Пушкин был знаком также и со старшим братом Андрея Николаем Муравьевым и неоднократно с ним встречался. Генерал Николай Николаевич Муравьев-Карский — один из замечательных русских исторических деятелей, друг декабристов, участник Отечественной войны 1812 года. Он был видным полководцем своего времени. В войне с Турцией в 1854—1855 годах овладел почти неприступной крепостью Карс, за что получил право называться Муравьев-Карский.

В предисловии к книге Н. Задонского «Жизнь Муравьева» академик М. В. Нечкина пишет: «Как и декабристы, Н. Н. Муравьев входит в число тех, кто мог сказать о себе: «Мы были дети 1812 года». Вольнолюбец и вольнодумец, основатель преддекабристской «Священной артели», он стоит у самых истоков декабристского движения. Близкий друг людей 14 декабря, не оказавшийся непосредственно в их рядах лишь по особому стечению жизненных обстоятельств, Н. Н. Муравьев сохраняет на всю жизнь верность мировоззрению, независимость и последовательность своих позиций в самых сложных обстоятельствах. Удивительна цельность, монолитность его натуры. Он внес большой вклад в военную и дипломатическую историю

Header Page 82 of 194
России... а особенно как победитель Карса, обмен которого на Севастополь сыграл такую большую роль для завершения тяжелой для России войны и для Парижского мирного договора 1856 года».

«Неопубликованные части «Записок» Н. Н. Муравьева,— пишет его биограф Н. А. Задонский,— не оставляли сомнения, что он и в последние годы жизни, как и в молодости, оставался противником самодержавия, ненавидел венценосных монархов и окружавших их лиц, «коих личные страсти брали верх над чуждым для них теплым чувством любви к славе своего отечества».

Известно, что, будучи ярким противником крепостного права, в своем поместье Скорняково Воронежской губернии, полученном в приданое за женой, Муравьев постепенно освобождал своих крестьян.

Николай I относился к Муравьеву крайне неприязненно и подозрительно, неоднократно подвергал его опале, но всякий раз, когда возникала какая-либо трудная военная ситуация, вынужден был вновь призывать талантливого полководца. Известен эпизод, когда однажды на красносельских маневрах Муравьев окружил войска, которыми командовал сам Николай I, и загнал «высочайшего противника» в болото! Император долго, а вернее, никогда не мог ему этого простить...

У нас нет свидетельства, что Пушкин был знаком с Муравьевым еще в лицейские годы, когда его друзья Пушин, Дельвиг, Кюхельбекер и Вольховский посещали собрания «Священной артели», одним из основателей которой был Н. Н. Муравьев, однако это не исключено. Есть достоверные сведения об их встречах летом 1829 года во время поездки Пушкина на Кавказ. В палатке генерала Н. Н. Раевского, командира Нижегородского полка, с кем с давних пор был в дружеских отношениях Пушкин, часто бывали его адъютанты — штаб-ротмистр Юзефович, родственник Пушкина, и его брат Лев Сергеевич, а также разжалованные декабристы, которым Раевский всячески покровительствовал, в том числе и его ординарец Захар Чернышев. Здесь и встречались тогда Пушкин и Н. Н. Муравьев.

«И с того дня почти все свободное время Муравьев стал проводить в обществе Пушкина и окружавших его не скрывавших своего свободолюбия лиц, собиравшихся у Раевского»,— пишет Н. А. Задонский, посвятивший не-

Header Page 83 of 194.
сколько очень интересных работ Н. Н. Муравьеву-Карскому.

В один из вечеров все собрались у Раевского, на этот раз среди гостей были и Михаил Пущин, брат Ивана Пущина, лучшего лицейского друга Пушкина, в то время сосланного в каторгу, и полковник Вольховский, тоже лицейский товарищ поэта. Пушкин читал трагедию «Борис Годунов», которая произвела ошеломляющее впечатление на Муравьева.

Николай I не разрешил печатать «Бориса Годунова», так как нашел в нем намеки на 14 декабря, и Пушкин был предупрежден Бенкендорфом, что чтение трагедии категорически запрещается. Присутствие Муравьева на чтении рукописи в строго ограниченном кругу близких людей говорит нам о доверии к нему Пушкина.

Однажды, по свидетельству М. В. Юзефовича, все снова собрались у Раевского. Пушкин читал и переводил сцены из привезенной им книги Шекспира. Присутствовавший при этом Захар Чернышев нашел произношение поэта, изучавшего английский язык самоучкой, неправильным, но перевод — безукоризненным. Нет сомнения, что во время пребывания у Раевского Пушкин встречался с Чернышевым неоднократно. Однако он нигде и никогда не упоминал об этом.

Что касается Н. Н. Муравьева, то документальных данных о дальнейших встречах его с поэтом нет. Но они весьма вероятны, в частности, в 1833 году, когда Николай Николаевич, ожидая нового назначения, прожил в Петербурге несколько месяцев, бывал и на балах в Аничковом дворце, и у австрийского посланника Фикельмона, где часто проводил вечера Пушкин с женой. А в 1834 году Муравьев через свою жену Н. Г. Чернышеву и породнился с Пушкиным.

В своих «Записках» в 1834 году Муравьев подробно говорит об увлечении Надеждой Чернышевой и сватовстве к ней. В описываемое нами время Николай Николаевич был вдов. От первой жены у него осталась дочь, жившая у родственников. Новой жене он хотел доверить воспитание любимой дочери. «Записки» свидетельствуют также и о близких, дружеских отношениях этих семейств.

«Познакомившись в Москве в доме Чернышевых-Кругликовых, я находил удовольствие проводить время свое в сем доме, в коем простота в обхождении и искренняя дружба к семейству нашему меня привлекали. Квартира

Header Page 84 of 194

их была в соседстве с занимаемой мною, и я с удовольствием сживал у них по вечерам в свободные от занятий часы. Тут я имел случай видаться с одною из сестер их Натальею, еще не замужнею. Ей было 27 лет. Не будучи красавицей, она была не дурна собою, но в особенности привлекательна была своим умом, о коем свидетельствовали все знавшие ее коротко... Я не имел намерения жениться на ней, а обращался мысленно к младшей сестре ее Надежде, находившейся в то время в Петербурге, у сестры их графини Пален. Много превозносили красоту ея и достоинства души; а как она должна была в скором времени возвратиться в деревню*, то я и надеялся с нею там свидеться, познакомиться и избрать, если бы она мне понравилась»¹.

Далее следует подробное описание встречи с Надеждой, которая произвела на него огромное впечатление своей красотой. Зная, что брат Андрей также увлечен ею, Николай обратился к нему. Но тот вел себя как-то нерешительно. Сначала Андрей уговаривал его отказаться от мысли о женитьбе, так как сам питает к Надежде нежные чувства, потом — наоборот, говорил, чтобы женился, потому что собирается постричься в монахи. (Как мы видим из письма Пушкина, об этом своем намерении Андрей Муравьев сказал и Дмитрию Николаевичу.)

В конце концов Николай Николаевич сделал предложение, но получил отказ. Надежда Григорьевна, как пишет Муравьев в своих «Записках», нашла, что у них слишком большая разница в летах и, кроме того, она не желает посвятить себя воспитанию ребенка. Отвергнув притязания обоих братьев, она в 1838 году вышла замуж за князя Г. А. Долгорукова.

Софья Григорьевна Кругликова обратила внимание Муравьева на другую свою сестру, Наталью Чернышеву, о которой он сам отозвался очень хорошо. Муравьев познакомился с девушкой поближе и посватался; на этот раз предложение было принято.

Единственный и горячо любимый сын Григория Ивановича Чернышева Захар (1796—1862) получил хорошее домашнее образование. «По склонности моей я более занимался наукой иностранных языков», — говорил впослед-

* Ярополец.

Header Page 85 of 194

ствии Чернышев на Следственном комитете. Иностранные языки — французский, немецкий, английский, итальянский — он знал в совершенстве. Известно, что английскому языку он учил своих товарищей по Читинскому острогу, на итальянском читал «Божественную комедию» Данте. Он был также выпускником муравьевской Школы колонновожатых, о которой мы говорили.

Очень высоко ценил З. Г. Чернышева Н. Н. Муравьев-Карский. В письме к своей первой жене от 14 мая 1829 года он так писал о Захаре Григорьевиче, сосланном на Кавказ:

«Приятные минуты, которые я здесь провожу, это с Чернышевым, какой достойный и честный юноша, какой скромности, каких принципов, он из класса тех, кому я приношу мое полнейшее уважение... Он терпеливо переносит свое несчастье: насколько он выше всех сортов людей завистливых, наглых, неспособных ни к чему, жадных ко всему, с бесконечными претензиями и невыносимым чванством. Сколько находишь у себя недостатков, когда сравниваешь себя с таким уважаемым существом, как Чернышев»¹.

Согласно его послужному списку, хранящемуся в архиве², в 1815 году он был зачислен колонновожатым в свиту императора по квартирмейстерской части. Благодаря положению и связям отца ему была обеспечена блестящая карьера. Чернышев быстро продвигается по служебной лестнице, и в декабре 1824 года он уже ротмистр кавалергардского полка.

В этом полку начинали свою политическую деятельность М. Орлов, Пестель, Лунин, ставшие потом инициаторами создания Южного общества, целью которого было установление республики. Политическое брожение, глухое недовольство правительством — все это позволило Южному обществу, во главе которого стоял Пестель, организовать в кавалергардском полку свою ячейку.

В тайную организацию кавалергардского полка были приняты офицеры Федор Федорович Вадковский и Иван Юрьевич Поливанов*.

Ф. Ф. Вадковский был племянником Григория Ивано-

* И. Ю. Поливанов — брат сватавшегося в свое время к Александре Николаевне Гончаровой Александра Юрьевича, браку с которым так противилась Наталья Ивановна, как мы предполагаем, именно из-за принадлежности кавалергарда Поливанова к декабристской организации.

вича Чернышева, следовательно, приходился двоюродным братом Захару Григорьевичу. Энергичный, способный, прекрасный оратор, умевший влиять на окружающую его молодежь, Федор Вадковский приложил все усилия, чтобы распропагандировать своего брата, и в начале 1824 года Захар Чернышев вступил в организацию кавалергардского полка. В момент восстания на Сенатской площади Чернышева не было в Петербурге. С сентября 1825 года он находился в четырехмесячном отпуске в Орловской губернии, в имении родителей Тагино, очевидно, в связи с тяжелой болезнью матери. Осенью же в Тагино приезжали Никита Муравьев, его жена Александра Григорьевна и Вадковский.

О петербургских событиях Чернышевы узнали от орловского губернатора, приехавшего лично сообщить им об этом.

Чем объяснить такое внимание губернатора, в известной степени рисковавшего своим положением и, вероятно, постаравшегося сохранить эту поездку в тайне? До сих пор предполагалось, что он сделал это, учитывая высокое положение Григория Ивановича при дворе и, возможно, дружеские с ним отношения¹. Однако нам удалось выяснить и более глубокие причины этой любезности губернатора.

В одном из московских архивов хранятся письма Григория Ивановича Чернышева к сыну Захару, когда тот уже находился в ссылке. Вот из этих писем мы и узнаем, что губернатор был в родстве с Чернышевными, а возможно, и с Пушкиным!

В 1828 году Григорий Иванович пишет Захару, что у него в Тагине живет беременная дочь Елизавета Григорьевна, муж которой Александр Дмитриевич Чертков, уехав к месту службы, оставил ее на попечение отца и своей сестры, орловской губернаторши². Следовательно, губернаторша — урожденная Черткова? В «Московском некрополе» мы нашли тому подтверждение: на Новодевичьем кладбище похоронена Екатерина Дмитриевна Сонцова, урожденная Черткова (1793—1867). Таким образом, губернаторша приходилась золовкой Елизавете Григорьевне Чертковой.

Очевидно, именно в силу этих родственных связей губернатор и приехал в Тагино. Но это не все. Фамилия губернатора — Сонцов³. Это тоже интересно. За Матвеем Михайловичем Сонцовым была замужем сестра Сергея

Header Page: 8 of 194

Львовича Пушкина Елизавета Львовна — родная тетка Александра Сергеевича! Не в родстве ли был орловский губернатор Петр Александрович Сонцов и с дядюшкой Пушкина?

Постепенно выяснилась прикосновенность Захара Чернышева к заговору, и в Тагино за ним был послан фельдъегерь, доставивший его в Петербург. Начались допросы.

Чернышев вел себя на следствии независимо и гордо, без всякого намека на раскаяние, иногда даже был излишне откровенен.

Вот что говорит о нем Михаил Иванович Пущин, встретившийся с ним после ареста на гауптвахте.

«Привезли под вечер к нам же графа Захара Чернышева. Чернышев во все услышание начал критиковать действия заговорщиков 14-го числа и сказал по мнению его нужно было увериться в артиллерии и поставить ее против Зимнего Дворца, дать несколько залпов ядрами, гранатами или картечью, чем попало, и тогда, он уверен, что дело бы приняло совершенно иной образ и мы тут бы не сидели»¹.

Захар Чернышев недолго пробыл в декабристской организации и не успел еще сделать многого, но убеждения его, несомненно, говорят о том, что он мог бы сыграть значительную роль в этом движении.

«Ротмистр кавалергардского полка граф Захар Чернышев за то, что по собственному его признанию, знал об умысле на цареубийство и принадлежал к тайному обществу с знанием цели»² был приговорен по VII разряду, то есть к лишению чинов, дворянского и графского достоинств и к четырем годам каторги, а затем на поселение.

Необходимо отметить, что, хотя большинство судей Верховного уголовного суда высказалось за VII разряд, были поданы отдельные голоса за то, чтобы его расстрелять или заключить в крепость, осудить по более высокому разряду.

Видимо, отец использовал все свои связи, и в окончательном приговоре Захар Чернышев получил два года каторжных работ, а затем поселение. В начале февраля 1827 года он имел последнее свидание с отцом, закованный в кандалы, он был отправлен в Сибирь.

Семьи осужденных по-разному отнеслись к своим родным. Так, В. С. Шереметев и родители Пестеля отреклись от своих сыновей; всячески противилась отъезду в ссылку

к мужу семья Марии Николаевны Волконской, а мать Волконского продолжала бывать в царском дворце и «обедать за одним столом с Николаем I, отправившим ее сына на каторгу». Тем более разительным контрастом было отношение многочисленной семьи Чернышевых к Захару; к Никите и Александре Муравьевым. Мы увидим из нижеприводимых писем, что семья эта поддерживает с ними самую тесную связь и старается, насколько возможно, облегчить тяжелую их жизнь и на каторге, и на поселении.

Захару Григорьевичу шел 31-й год, когда он был привезен в Читинский острог. Пребывание в крепости, суд, каторжный каземат и цепи — все это произвело тяжелое впечатление на молодого человека, и, несмотря на то что его окружали близкие друзья и товарищи, он часто бывал в подавленном настроении.

Благодаря хлопотам отца, он в марте 1828 года был отправлен на поселение в Якутск. Вот к этому периоду и к более позднему, когда его перевели на Кавказ, и относятся письма его отца, которые, насколько нам известно, никогда до сих пор не публиковались.

О декабристе Захаре Чернышеве известно не так много, поэтому приводимые нами выдержки из писем его отца представляют значительный интерес. Трагическая судьба единственного сына произвела тяжелое впечатление на родителей. В феврале 1828 года скончалась мать, неутешное горе свело в могилу раньше времени и Григория Ивановича.

После ареста сына он большую часть времени проводил в орловском поместье Тагино. Старик ищет уединения, и даже общение с родными для него в тягость. Когда Захар Григорьевич вышел на поселение и получил право на переписку, он тотчас же написал отцу.

«Если моя уязвленная и помраченная душа,— пишет Григорий Иванович сыну,— силы которой истощаются скорбью, была еще способна испытать мгновение радости, то я ее почувствовал самым живейшим образом, получив твое письмо из Иркутска*. Уже более года я не видел твоего почерка, я прижимал твое письмо к сердцу, целовал, обливал слезами! Да сохранит тебя бог, дорогой, любимый Захар! Я увидел в твоём письме подлинную чувствитель-

* В письме упоминается не Якутск, куда был сослан Чернышев, а Иркутск. Вся переписка сосланных шла через иркутского губернатора.

ность, чистую, естественную, без восторженности и вместе с тем твердость духа и философскую покорность судьбе, как и подобает мужчине» (Тагино, 3 июня 1828 г.)¹.

«Что касается меня, то хотя я и не сослан, но живу почти так же уединенно, как и ты. Бывает, что в течение суток я и рта не раскрываю. И часы встречи за столом даже со своими для меня просто пытка. Не знаю, писали ли тебе, что я здесь построил себе склеп, где находятся только три предмета: скамейка для молитвы с большим крестом, саркофаг с бюстом твоей матери — напротив, а между ними, у боковой стены, моя могила. Но прежде чем меня туда опустят, я велел сделать там раму, покрытую войлоком, и этот диван или постель — единственное место, где я нахожу несколько минут покоя». (Тагино, 16 октября 1828 г.)²

Все помыслы Григория Ивановича обращены на то, чтобы облегчить судьбу сына. Он посылает ему деньги (в том числе 1000 рублей на покупку или наем дома), постоянно снабжает его газетами и книгами.

«Я надеюсь, ты получил книги, посланные Софи* три месяца тому назад. Остальные я закажу в Москве и Петербурге. Но дойдут они до тебя нескоро, только после того, как вскрыется Лена, потому что, я думаю, зимняя почта из Иркутска в Якутск вряд ли перевозит ящики. Помимо того, что ты просишь, ты получишь целое собрание французских классиков: Вольтера два тома, Расина, Корнейля, Буало, Мольера — по одному тому». (Тагино, 16 октября 1828 г.)³

«Одно мое желание теперь, одна мольба — видеть тебя женатым. Тебе нужна жена, чтобы помочь тебе легче перенести твое тягостное положение. И если она будет доброй и кроткой, если тебе удастся внушить ей любовь, она тоже будет счастлива. А такую женщину можно встретить во всех классах общества, даже среди диких народов! И если тебе посчастливится ее найти, кто бы она ни была, я обещаю тебе любить ее как дочь. Не теряй времени на то, чтобы испросить моего благословения, я тебе его даю заранее от всей души! ...И если небо осудит тебя на смерть в Сибири, по крайней мере ты будешь хоть какое-то время счастлив. А мы все примем твою жену с распростертыми объятиями, будь она хоть китаянка». (Тагино, 14 августа 1828 г.)⁴

* Софи — С. Г. Кругликова.

Header Page 90 of 194

В письмах конца 1828 года и начала 1829-го Григорий Иванович неоднократно намекает сыну, что, возможно, «судьба его скоро изменится». Он настойчиво хлопочет, используя свои петербургские связи, чтобы сына перевели в армию. В конце концов ему это удается: в апреле 1829 года Захар Чернышев переводится на Кавказ рядовым в Нижегородский драгунский полк. Теперь сюда летят письма и деньги обрадованного отца. Небезынтересно отметить, что деньги посылаются и с близким декабристским кругам известным генералом А. П. Ермоловым. «Получил ли ты 500, что Ермолов взялся тебе передать?» — пишет Григорий Иванович сыну 4 июня 1829 года.

Письма отца полны советов и наставлений, как ему себя вести. «Пусть провидение тебя защитит, пули и ядра для людей в твоём положении отмечены печатью милосердия и справедливости. Но что зависит от нас — это наше хорошее поведение. Я могу без усталости повторять тебе, мое дорогое дитя, мои наставления, что я тебе давал, когда ты уходил в армию,— строго исполняй свой долг настоящего Солдата» (24 февраля 1830 г.)¹.

Надеясь, что Захар скоро заслужит чин офицера, а значит, и свободу, Григорий Иванович страстно ждет этого свидания. «Да сохранит тебя бог, твоя рука должна еще закрыть мои глаза!» Но последние письма старика говорят о том, что он серьезно болен, и 2 января 1831 года он скончался, так и не дождавшись сына...

Среди писем Григория Ивановича сохранилось и несколько писем Софьи Григорьевны Кругликовой. В одном из них она жалуется, что брат давно им не писал, а вот Александрина* пишет регулярно. Очень хотела бы быть ему полезной, и если он в чем-нибудь нуждается, она с большим удовольствием ему пришлет.

«Император здесь уже пять или шесть дней,— пишет Софья Григорьевна из Москвы 11 марта 1830 года,— и весь город в волнении по случаю его приезда. Ты конечно понимаешь, что мы не бываем ни на одном празднестве или вечере, которые устраивают в его честь. Желание развлекаться и бывать в свете у нас пропало навсегда, мы достаточно пострадали за последнее время, чтобы получить полное отвращение к свету и ко всем его прелестям и иллюзиям... Скоро твой день рождения, мой дорогой мальчик, и никого не будет, чтобы тебе о том напомнить. Но по крайней мере

* А. Г. Муравьева.

Header Page 91 of 194

ты знаешь, что я тебя целую от всего сердца. Прощай, мой маленький дружок!»¹. Это письмо говорит само за себя.

Когда Захар Григорьевич был переведен на Кавказ, Софья Григорьевна писала императору о том, как храбро сражался ее брат, как тяжело был ранен. Просила о снижении к его судьбе.

Семья эта была связана необыкновенно тесными узами любви и дружбы, в горе, в несчастье они всегда были вместе. Вот что писал жене в феврале 1828 года Петр Андреевич Вяземский в связи со смертью матери семейства Елизаветы Петровны Чернышевой.

«У Чернышевых торжество дочерней любви, доведенной до высшей степени! Как заботливо ухаживали они несколько лет за больной матерью, также ухаживали и за умершею: сами ее вымыли, одели, положили в гроб, пока он стоял в доме читали день и ночь псалтырь над нею, ласкали, целовали ее с нежностью, любовью, как живую. Выше, чище, глубже чувства быть не может. Старик очень слаб. Вообще этот дом в эти дни казался святынею несчастья...»²

После ареста Никиты Муравьева, пока велось следствие, Александра Григорьевна поддерживала конспиративную связь с мужем и братом, всячески старалась им помочь, а по вынесении приговора вслед за ними выехала в Сибирь.

Так как и муж и брат были лишены права переписки, когда были в заключении, переписывалась с семьей Александра Григорьевна. Потом, когда Захар Григорьевич вышел на поселение, копии ее писем посылались ему сестрами.

Страстным желанием Александры Григорьевны было получить разрешение жить вместе с мужем. В хлопотах по этому делу принимает деятельное участие Григорий Иванович. Из неизвестного до сих пор письма от 16 декабря 1828 года мы узнаем, что он обратился к начальнику Главного штаба генералу И. И. Дибичу, который показывал его письмо императору, и тот велел дать распоряжение генералу Лепарскому, коменданту Читинского острога, разрешить мужьям навещать своих жен, поселившихся в деревенских избах вблизи острога.

Уезжая из Петербурга, Александра Григорьевна оставила своих троих детей свекрови, Екатерине Федоровне Муравьевой, так как жены осужденных не имели права

братъ с собой детей; родившихся до декабрьскаго вос-
Header Page 92 of 194.
стания.

Но судьба послала несчастным родителям утешение: в декабре 1829 года у них в читинской ссылке родилась дочь Софья, более известная под ласковым именем «Нонушка».

В том же архиве, где хранятся письма Г. И. Чернышева, есть тоненькая, ничем не примечательная папка «Письма не установленных лиц». В ней несколько писем на французском языке, чрезвычайно неразборчивых, без подписей. И вот в одном письме вдруг мелькнуло: Pahlen. Знакомая фамилия! Несколько дней потратили мы на расшифровку этого большого письма, автором которого оказалась Александра Григорьевна Муравьева!

Неизвестное письмо декабристки! По содержанию его безошибочно можно отнести к 1829 году. К сожалению, несколько фраз и слов расшифровать так и не удалось. Александра Григорьевна поздравляет свою сестру Веру (о Вере Григорьевне Чернышевой-Пален мы уже говорили). Приведем это письмо.

«Давно уже, мой милый друг Виринька* я хотела тебе написать, чтобы поздравить тебя с твоим замужеством, но я так тяжела, и писание писем меня утомляет до такой степени, что в день когда я ими занимаюсь, я не могу пошевелить ни рукой, ни ногой. Твое замужество доставило нам, мне и Никите, огромное удовольствие; как только я назвала Палена и он и я стали его расхваливать. Я помню, что встретила его у княгини, жены Сергея Голицына, и я, которая обычно не очень-то замечала тех, кого встречала в гостиных, была так поражена его изысканным, изящным видом, что спросила: кто это? Знала бы я тогда, что будет твой муж, познакомилась бы с ним и рекомендовала бы тебя ему как известную шутиху**.

Ты заставила нас смеяться, принося извинения за жениха за то, что он называет меня «мадам»... Почему тебе пришла в голову мысль, что твое замужество отдалит тебя от меня. Я никак не разделяю этого твоего опасения, и только прошу тебя писать мне также регулярно, как ты

* В письме дважды написано Virinca. По-видимому, так звали Веру Григорьевну в семье.

** Ш у т и х а — очевидно, в смысле шутница, веселая девушка.

всегда это делала в течение четырех лет, только словечко, чтобы я знала что ты подделываешь, в особенности если ты будешь жить отдельно от семьи. Ташинька* же пишет что ты и твой жених поднимаете такой шум в комнате, что нет никакой возможности... Тем лучше, дорогой друг, более всего я желала бы, чтобы вы были веселы и счастливы, иногда и здесь мне хорошо. Батюшку должно ободрять присутствие вокруг него счастливых и довольных лиц.

Я никому кроме тебя не пишу сегодня, Виринька, ты видишь, я думаю, по моему почерку, чего это мне стоит. Я должна родить самое позднее через десять дней, а повивальная бабка не едет, пропала. У меня нет никого: ни кормилицы, ни вообще женщины в доме, я просто нахожусь в отчаянном положении. Я не думаю о себе, но кто возьмет ребенка на руки в первый день, это меня мучает больше всего. Мое здоровье хорошо, я хожу с трудом, но это недолго продлится.

Поцелуй за меня Батюшку и всех сестер. Прощайте, Бог с вами. Никита нежно тебя целует и просит передать, что твое замужество доставило ему самое большое удовольствие. Мы хоть с ним вместе радуемся, а бедный Захар один.

Поцелуй своего Палена за меня и рекомендую меня хорошенько его дружбе.

А. М.

Сего 24 декабря¹.

Радуюсь счастью сестры, Александра Григорьевна пишет: «...иногда и здесь мне хорошо». Сколько чувств, горестных мыслей и вместе с тем счастливых мгновений скрыто в этих простых словах. Когда «хорошо»? Очевидно, когда она бывает с мужем, которого страстно и беззаветно любила...

В те времена Чита была маленьким бедным поселком, едва насчитывавшим триста жителей. Условия жизни здесь были тяжелыми. Выросшие в достатке, а то и в роскоши, жены декабристов сами кололи дрова, стирали, стряпали обед для своих мужей и их товарищей. В холодные ночи стены изб покрывались ииеем, и у них примерзали к стене волосы... Но мужественные женщины переносили все, посвятив свою жизнь облегчению судьбы своих близких, и не только близких.

* Наталья Чернышева.

Header Page 94 of 194

Об Александре Григорьевне написано очень много. Всем известна ее необыкновенная душевная щедрость. Она помогала чем могла и жителям поселка, а позднее — Петровского Завода, куда их перевели осенью 1830 года. «Довести до сведения Александры Григорьевны о каком-нибудь нуждающемся,— писал в своих воспоминаниях декабрист И. Д. Якушкин,— было всякий раз оказать ей услугу и можно было оставаться уверенным, что нуждающийся будет ею успокоен».

В конце концов она не вынесла горения своей души, заболела и скончалась в Петровском Заводе 22 ноября 1832 года в возрасте всего 28 лет. Перед смертью Александра Григорьевна просила похоронить ее на родине, в Тагине, рядом с могилами родителей. Ее свекровь Е. Ф. Муравьева возбудила ходатайство перед императором о разрешении перевезти тело невестки в Россию. Но Николай I, боявшийся неблагоприятных толков, отказал.

В 1835 году такую же попытку сделал и Н. Н. Муравьев, но также получил отказ. Мы читаем в его «Записках»:

«Октябрь 1835.

В сей день мне удалось предварить Бенкендорфа и просить его запискою о разрешении на вывоз из Сибири тела умершей Муравьевой, бывшей графини Чернышевой».

«Киев, 12 октября 1835.

Я получил официальный отказ от Бенкендорфа, по воле государя, в просимом дозволении перевезти тело Муравьевой из Сибири в Россию»¹.

Над могилой Александры Григорьевны декабристы, сельские жители и горнозаводские рабочие выстроили склеп. Он сохранился до наших дней, и, как 150 лет тому назад, к могиле этой героической русской женщины ведет протоптанная людьми тропинка...

Вернемся к 1833 году и пребыванию Пушкина в Яропольце. В его письме к жене обращает на себя внимание полное отсутствие какого-либо упоминания о Чернышевых. Описывая свою прогулку с Душиным, поэт ни слова не говорит о чернышевских «достопамятностях», находив-

Header Page 94 of 104

шихся в двух шагах от ярополецкого дворца. Пушкин впервые приехал в Ярополец, неужели он не посетил Чернышевых, не осмотрел их парк, значительно более богатый, чем гончаровский?

Сделаем небольшое отступление и скажем несколько слов об этой усадьбе.

Создателем дворцово-паркового ансамбля чернышевского Яропольца был один из фаворитов Екатерины II, генерал-фельдмаршал граф Захар Григорьевич Чернышев (1722—1784). Его великолепная загородная резиденция в те времена слыла «Русским Версалем».

Дворец усадьбы построен совсем в ином стиле, чем гончаровский. Это большое двухэтажное здание строгой, но изысканной архитектуры, с прекрасно отделанными деталями фасада. Роскошные интерьеры дворца были богато отделаны лепниной. Особенно красив «голубой зал», стены которого декорированы большими овальными лепными венками с рельефными портретами (в виде медальонов) представителей чернышевского рода.

Напротив въезда в парадный двор, на довольно большой площади, стояла церковь необычной архитектуры (возможно, автором ее был Казаков: среди чертежей альбома Казакова есть и проект этой церкви). Она состояла как бы из двух зданий, соединенных посередине большим поперечным вестибюлем: левая часть — это собственно церковь, а в правой находилась усыпальница фельдмаршала З. Г. Чернышева с очень интересным монументальным надгробием и его барельефным портретом. В полу усыпальницы, под каменной плитой, был спуск в склеп, где стоял гроб. В Италии известному скульптору Триппелю были заказаны две аллегорические скульптуры «Печаль» и «Слава». Однако вследствие ярковыраженного светского характера эти статуи не решились установить в усыпальнице, и они стояли в вестибюле дворца. Церковь сохранилась до наших дней. Не там ли увидел Дмитрий Николаевич Надежду Чернышеву, так поразившую его своей красотой?..

Не менее роскошен, чем дворец, был и огромный «регулярный» парк. Он спускался террасами к большому пруду с неизменным романтическим островком посредине и далее — к Ламе. Аллеи парка, обсаженные липами, подстригавшимися в виде шаров, были необыкновенно декоративны. На пересечении главной и одной из поперечных аллей стоял гранитный обелиск в честь посещения

чернышевской усадьбы Екатериной II в сентябре 1775 года. В саду тут и там были разбросаны различные павильоны. Обращали на себя внимание турецкая мечеть с минаретами (построенная по случаю заключения мира с Турцией в 1774 году) и неподалеку от нее мраморный обелиск в честь знаменитого генерал-фельдмаршала Г. А. Потемкина. Интересны были и овальный павильон с шестнадцатью колоннами, и небольшой дорический храм в честь Екатерины II с ее скульптурным изображением внутри, и оранжереи, в стены которых вделаны мраморные барельефы. Их, как и мраморные надгробия с восточными надписями, тоже находившиеся в парке, подарил фельдмаршалу Чернышеву его друг князь Долгоруков, вывезший из покоренного Крыма «целое турецкое кладбище».

Это краткое описание чернышевской усадьбы и фотографии, которые помещены в книге, мы полагаем, дают в общих чертах представление о том, что видел Пушкин в 1833 и 1834 годах.

Умолчание же о посещении усадьбы Чернышевых в письмах к жене было намеренным. Летом семейство Чернышевых обычно жило в Яропольце. В марте 1833 года декабрист Захар Чернышев был произведен в офицеры и получил право на отпуск. Академик Н. М. Дружинин пишет, что в 1833 году он «посетил своих родных». Таким образом, можно предположить, что Чернышев был в Яропольце в августе этого года.

Если это так, то Пушкин, конечно, виделся с ним. Разговор с декабристом должен был быть для него чрезвычайно интересным. Не рассчитывал ли он на эту встречу, когда поехал в Ярополец? Осторожности ради Пушкин умолчал об этом в письме к жене. Не потому ли так много внимания он уделяет сватовству Дмитрия Николаевича, книгам, вареньям и наливкам, стараясь показать, что «набег» его на поместье тещи носил чисто родственный характер и что, помимо желания навестить Наталью Ивановну, у него никаких иных целей не было...

Пушкин ничего не пишет жене и о тех вопросах, которые были им подняты в письме к Дмитрию Николаевичу, хотя, несомненно, об этом шла речь в разговорах с тещей. Полагаем, что он не закончил переговоров, так как собирался заехать в Ярополец на обратном пути. Однако свидание их не состоялось: Наталья Ивановна предупредила его намерение и послала Пушкину следующее письмо,

«4 ноября 1833 г. Ярополец.

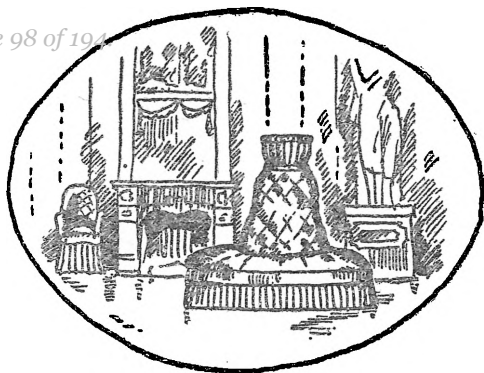
Дорогой Александр Сергеевич, при вашем проезде через Ярополец, мне помнится, вы сказали, что надеетесь на возвратном пути застать меня здесь; но Дмитрий, как хороший сын, настойчиво просит меня вернуться в Завод; не зная в точности времени вашего возвращения и опасаясь плохих дорог, я сегодня покидаю Ярополец. На случай, если вы намеревались заехать сюда лишь с целью застать меня, я считаю необходимым предупредить вас о своем отъезде. Но если вы предпочитаете следовать этой дорогой, то в этом случае я буду очень рада, если Ярополец послужит для вас удобной станцией. Письма ко мне Натали свидетельствуют о нетерпении, с каким она ждет вас; кажется она готова даже рассердиться на ваше отсутствие; она сообщает мне успокоительные вести о детях. Желая вам скорого и благополучного возвращения к семье и присоединяя к этому самые искренние пожелания вам счастья, я никогда не перестану быть вашим другом.

Н.Г.

Р. S. Ваши книги, так же как и другие вещи, будут к вам высланы по первому санному пути при первой же okazji»¹.

Наталья Ивановна всячески оправдывается, что уехала, не дождавшись зятя: и хороший сын требует ее возвращения, и жена с нетерпением ждет Пушкина, а потому лучше всего ему вернуться в лоно семьи, не тратя времени на поездку в Ярополец! Видимо, поразмыслив после отъезда Пушкина, она решила уклониться от встречи с зятем и, возможно, принятия каких-либо обязательств. Письмо это Наталья Ивановна, надо полагать, послала в Москву. Пушкин 6 ноября писал жене из Болдина, что скоро выезжает домой, но на некоторое время остановится в Москве по делам. 10 ноября он был уже в Москве и пробыл там около недели. Получив письмо тещи, Пушкин, естественно, к ней не поехал.

ВТОРОЙ ПРИЕЗД ПУШКИНА В ЯРОПОЛЕЦ

До недавнего времени не было известно, что Пушкин еще раз посетил Ярополец в октябре 1834 года. Обнаруженные нами письма Гончаровых позволили установить этот интересный факт в биографии поэта, а сопоставив имеющиеся материалы и письма, высказать предположение о целях этой поездки.

Еще весной 1833 года Наталья Николаевна собиралась повидаться с родными: она ни разу с тех пор, как вышла замуж, не бывала в Москве. «Вот как располагаю я моим будущим,— писал Пушкин Нащокину в феврале 1833 года.— Летом после родов жены, отправляю ее в калужскую деревню к сестрам, а сам съезжу в Нижний, да может быть в Астрахань»¹.

«Нежно целую сестер, я так перед ними виновата, что уж не знаю как просить у них прощения,— писала Наталья Николаевна брату Дмитрию в марте 1833 года,— скажи им, что я их по-прежнему очень люблю и жду не дождусь их обнять»².

Однако поездка эта в 1833 году по неизвестным нам причинам не состоялась и была отложена до будущего года. Она чуть было не расстроилась и в 1834 году.

«Вообрази,— пишет Пушкин все тому же Нащокину в середине марта,— что жена моя на днях чуть не умерла. ...Жена во дворце. Вдруг, смотрю — с нею делается дурно — я увожу ее, и она, приехав домой — выкидывает. Теперь она (чтоб не сглазить) слава богу здорова и едет на днях в калужскую деревню к сестрам, которые ужасно страдают от капризов моей тещи»¹.

Пушкинское «на днях», видимо, очень приблизительно. Полагаем, что выкидыш у Натальи Николаевны был в начале марта, и выехала она из Петербурга, видимо, не раньше 14—15 апреля. А Пушкин остался на все лето в городе один: ему предстояла большая работа по подготовке к изданию «Истории Пугачева».

Уже 17 апреля он шлет жене вдогонку письмо.

«Что женка, каково ты едешь? Что-то Сашка и Машка? Христос с Вами! Будьте живы и здоровы, и доезжайте скорее до Москвы. Жду от тебя письма из Ново-города; а покаместь, вот тебе отчет о моем холостом житье-бытье...»² Далее следует подробное описание, как он провел эти несколько дней. Письмо адресовано: «Ее благородию м. г. Натальи Николаевне Пушкиной. В Москве на Никитской в доме Гончарова».

Получив от жены первые вести с дороги, Пушкин немедленно шлет ей большое письмо, полное заботы о ней и детях.

«20 и 22 апреля 1834 г.
Петербург. Пятница.

Ангел мой женка! Сей час получил я твое письмо из Бронниц — и сердечно тебя благодарю. С нетерпением буду ждать известия из Торжка. Надеюсь, что твоя усталость дорожная пройдет благополучно, и что ты в Москве будешь здорова, весела и прекрасна. Письмо твое послал я тетке, а сам к ней не отнес, потому что репортуюсь больным и боюсь царя встретить. Все эти праздники* просижу дома ... Пожалуйста побереги себя, особенно с начала; не люблю я святой недели в Москве; не слушайся сестер, не таскайся по гуляниям с утра до ночи, не пляши на бале до заутрени. Гуляй умеренно, ложись рано. Отца не пускай к детям, он может их испугать и мало ли что еще.

* Пасхальная неделя.

Пуще береги себя во время рекул — в деревне не читай скверных книг дединой библиотеки, не марай себе воображения, женка. Кокетничать позволяю сколько душе угодно. Верхом ездите не на бешеных лошадях (о чем всепокорно прошу Дмитрия Николаевича). Сверх того прошу не баловать ни Машку, ни Сашку и, если ты не будешь довольна своей немкой или кормилицей, прошу тотчас прогнать, не совестясь и не церемонясь.

Воскресение.

Христос воскрес, моя милая женка, грустно, мой ангел, грустно без тебя. Письмо твое мне из головы нейдет. Ты, мне кажется, слишком устала. Приедешь в Москву, обрадуешься сестрам; нервы твои будут напряжены, ты подумаешь, что ты здорова совершенно, целую ночь простоишь у всеночной и теперь лежишь в растяжку в истерике и в лихорадке. Вот что меня тревожит, мой ангел. Так что голова кругом идет и что ничто другое в ум не лезет. Дождусь ли я, чтоб ты в деревню удрала!.. Тетка* подарила мне шоколадный бильярд — прелесть. Она тебя очень цалует и по тебе хандрит. Прощайте все мои. Христос воскрес, Христос с Вами»¹.

Безграничной любовью и нежностью проникнуты все письма Пушкина к жене. Его беспокоит ее здоровье, он опасается, как бы сестры не «таскали» Наталью Николаевну по гуляньям с утра до ночи. А Машка и Сашка! Сына Пушкин любил безмерно. «Рыжим Сашей Александр очарован, — писали Пушкины-родители дочери Ольге Сергеевне, — всегда присутствует, как маленького одевают, кладут в кроватку, убаюкивают, прислушивается к его дыханию; уходя, три раза его перекрестит, поделует в лобик и долго стоит в детской, им любясь». «Цалую Машу, — пишет Пушкин жене, — и заочно смеюсь ее затеям. Она умная девчонка, но я от нее покамест ума не требую, а требую здоровья». «Что ты про Машу ничего не пишешь? Ведь я, хоть Сашка и любимец мой, а все люблю ее затеи». «Цалую Машу и прошу меня помнить»².

Впоследствии характер у Маши Пушкиной был, видимо, нелегкий (не пошла ли она в бабушку, Наталью Ивановну?) — намеки на это мы видим и в беглых упоминаниях в приводимых ниже письмах Александра Сергеевича и Натальи Ивановны. Маша поздно вышла замуж,

* Екатерина Ивановна.

и брак ее, вероятно, был не вполне счастливым. Муж ее погиб трагически. Обо всем этом мы расскажем далее.

Наталья Николаевна приехала в Москву числа 19 апреля. Ее ждали Дмитрий Николаевич и Александра Николаевна с Екатериной Николаевной, они хотели встретить сестру и кстати провести здесь праздники. Мы не знаем, был ли там в это время Сергей Николаевич и встрети-лась ли Наталья Николаевна с отцом. Нам кажется, что опасения Пушкина в отношении встречи деда с внуками были напрасными. По многочисленным письмам Николая Афанасьевича, с которыми мы ознакомились, он рисуется нам очень добрым и глубоко несчастным человеком, со-знающим свое одиночество и свою болезнь... Возможно, у него бывали периоды ухудшения его состояния, но, ви-димо, редко, так как письма его к сыну Дмитрию вполне нормальны, читая их, проникаешься глубокой жалостью к бедному старику. Нам кажется, единственным человеком, тепло к нему относящимся, была жена Дмитрия Николае-вича Елизавета Егоровна, частые упоминания о ней Ни-колая Афанасьевича свидетельствуют о том, как заботи-лась она о нем.

И еще один человек с запоздалой уже любовью вспоми-нал о нем. Мы имеем в виду Екатерину Дантес, жившую за границей после изгнания ее мужа из России и рано там умершую. Настойчиво добивается она от Дмитрия Николаевича, чтобы он прислал ей портрет отца. Получив его, поставила у себя на столе и внушала своим детям, что это их дед... Но переписки между отцом и дочерью не было: она, как говорит сама Екатерина Николаевна, не решается ему написать, а он упоминает о ней впервые только после ее смерти, прося у бога простить ее пре-грешения...

Пушкин пишет жене 28 апреля: «Ну, женка! Насилу дождались мы от тебя письма. По моему расчету ты долж-на была приехать в Москву в великий четверг (так и вышло), и целые девять дней не было от тебя известия. Тетка перепугалась. Я был спокойнее, зная уже, что ты до Торжка дотащилась благополучно, и полагая, что хлопоты приезда и радость свидания помешают тебе в первые дни думать о письмах. Однако уж и мне становилось плохо. Слава богу! Ты приехала, ты и Маша здоровы, Сашке лучше, вероятно он и совсем выздоровел. Не от кормилицы ли он болен? Вели ее осмотреть, да отыми его от груди, пора. Кланяйся сестрам. Попроси их от меня Машку не ба-

ловать, т. е. не слушаться ее слез и крику, а то мне не будет от нее покоя. Береги себя, и сделай милость, не простудись. Что делать с матерью? Коли она сама к тебе приехать не хочет, поезжай к ней на неделю, на две, хоть это лишние расходы и лишние хлопоты. Боюсь ужасно для тебя семейственных сцен. Помяни господи царя Давида и всю кротость его! ...Тетка третьего дня заезжала ко мне узнать о твоём здоровьи и пококетничала со мною из кареты. Сегодня отправляюсь к ней с твоим письмом. Прощай мой ангел; цалую тебя и всех вас благословляю. Кланяюсь сестрам»¹.

Очевидно, Наталья Николаевна полагала, что мать придет повидаться с ней и детьми в Москву, но Наталья Ивановна была в ссоре со старшими дочерьми и не хотела с ними встречаться. Пришлось ехать в Ярополец.

Пушкин 30 апреля писал жене, что он послал письмо Наталье Ивановне. Полагаем, что, учитывая тяжелый характер тещи, он, опасаясь «семейственных сцен», сообщал ей о недавней болезни Натальи Николаевны, тем самым давая понять, что ее следует поберечь. Однако опасения его были напрасны. Радость свидания с дочерью после трехлетней разлуки и с внуками необыкновенно тепло выражена Натальей Ивановной в ее письме к Пушкину, которое мы приведем ниже.

К письму матери Наталья Николаевна сделала приписку. Это единственные строки, адресованные ею мужу, известные нам.

«С трудом я решилась написать тебе, так как мне нечего сказать тебе и все свои новости я сообщила тебе с оказией, бывшей на этих днях. Маминька сама едва не отложила свое письмо до следующей почты, однако, побоялась, что ты будешь несколько беспокоиться, оставаясь некоторое время без вестей от нас. Это заставило ее побороть сон и усталость, которые одолевают ее, а так же и меня, так как мы целый день были на воздухе.

Из письма Маминьки ты увидишь, что мы все чувствуем себя очень хорошо, оттого я ничего не пишу тебе на этот счет; кончаю письмо, нежно тебя целуя, я намереваюсь написать тебе побольше при первой же оказии.

Итак, прощай, будь здоров и не забывай нас.
Понедельник 14 мая 1834. Ярополец»².

Эти несколько строк Натальи Николаевны не дают нам возможности судить о ее письмах к мужу вообще. Несом-

Headset Page 103 of 194

ненно, некоторая сдержанность тона объясняется тем, что это была приписка к письму матери, очевидно, сделанная по ее настоянию, и Наталья Николаевна, зная, что эти строки будут прочитаны матерью, не была полностью свободна в выражении своих чувств.

Обратим внимание на желание Натальи Ивановны отправить письмо побыстрее, чтобы не дать повод Пушкину беспокоиться о семье. Это, несомненно, сделано под влиянием его письма, которое, к сожалению, до нас не дошло.

Мы уже неоднократно говорили о натянутых, порою даже враждебных отношениях Натальи Ивановны и Пушкина и до свадьбы и первое время — после. Нет слов, характер у нее был тяжелый. Сугубо отрицательное мнение о теще Пушкина установилось давно. Не привлекательны такие ее черты, как эгоизм, скупость, граничащая с ханжеством религиозность. Все это так. Об этом неоднократно писалось в ряде работ, есть и специально посвященная этому вопросу статья известного пушкиниста М. А. Цявловского «Пушкин и Наталья Ивановна Гончарова»¹. Имевшиеся в распоряжении исследователей документы по большей части свидетельствовали только о дурных сторонах ее характера, но рисовать Наталью Ивановну лишь черными красками вряд ли было бы справедливо.

Мы познакомились с никогда не публиковавшимися ее письмами (всего более двухсот) за разные годы, вплоть до 1848, года ее смерти, в основном к старшему сыну Дмитрию Николаевичу. По ним можно судить о Наталье Ивановне несколько иначе. Сделаем небольшое отступление и расскажем хотя бы кратко о том, что говорят эти письма. Может быть, они помогут нам лучше понять, почему в последние годы жизни поэта их отношения изменились.

Нет сомнения, что Наталья Ивановна любила всех своих детей, а их было шестеро: три сына, три дочери. Однако со старшими дочерьми Александрой и Екатериной у нее, очевидно, произошла крупная ссора, и они некоторое время не встречались. Даже когда сестры переезжали на жительство в Петербург, они не простились с матерью. В 1834—1836 годах девушки из Петербурга не выезжали, а в самом начале 1837-го произошли трагические события и в марте Екатерина Николаевна навсегда покинула родину.

Вероятно, мать тяжело переживала отъезд дочери за границу, возможно навсегда, и она поспешила наладить

Header Page 104 of 194

с ней отношения. Конечно, Наталья Ивановна знала всю подноготную этого брака, знала о тяжелом положении дочери в семье не любившего ее мужа и старалась поддерживать ее морально. По переписке Натальи Ивановны с Дмитрием Николаевичем можно сделать вывод, что письма ее к Екатерине Николаевне были дружескими и теплыми. Всячески соблюдая декорум, она никогда не затрагивала никаких вопросов, касающихся ее отношений с мужем. Однако в денежных делах она всегда принимала сторону Дмитрия Николаевича, хотя и старалась как-то сгладить внешне натянутые, а по существу, враждебные отношения Дмитрия Николаевича с Дантесом. В свое время, перед свадьбой, Дмитрий Николаевич в силу многих обстоятельств неосторожно пообещал выплачивать сестре пять тысяч рублей пенсионна. Но Гончаровы были почти разорены, и он не мог выполнить свое обещание, а кроме того, знал, что и Дантес-отец, и Геккеры — богатые люди, и не было никакой необходимости добиваться этих денег от Гончаровых. Но Дантес упорно требует «причитающиеся» ему пять тысяч.

Вот что пишет Наталья Ивановна сыну 18 июля 1843 года.

«Дорогой Дмитрий!

Я только что получила письмо от Кати, а в нем вложено письмо ее мужа в ответ на отчет*, что ты поручил мне им переслать. Он там очень много говорит об их положении, и в то же время дает тебе советы какие меры следует принять, чтобы расплатиться и удовлетворить их требования. Продать земли легко; я понимаю, что для Кати было бы хорошо иметь какой-нибудь свой капитал, но, в конце концов, надо учитывать благосостояние всех, а в этом случае, я полагаю, другие члены семьи от этого пострадали бы». Далее Наталья Ивановна говорит, что и братья Иван и Сергей могли бы поселиться в своих имениях и заняться хозяйством, чтобы получать большие доходы, а не требовать все с Дмитрия Николаевича. «Каждый считает себя вправе жаловаться и не желает разделить с тобой тяжесть ведения дел, каждый старается иметь верный доход, вещь очень приятная, но, к несчастью, провидению не было угодно нам ее даровать, следст-

* Отчет-записка о состоянии дел семьи Гончаровых, которую подготовил Дмитрий Николаевич для Дантеса, чтобы показать, что он не имеет возможности выплачивать требуемую им сумму Екатерине.

венно надо покориться и трудиться сообща, чтобы не запутывать дела все больше и больше, требуя невозможного»¹.

Письмо Дантеса, о котором говорит Наталья Иванова, было нами опубликовано в книге «После смерти Пушкина». Это наглое письмо со всеми его «советами», как вести дела, чтобы преуспеть, конечно, должно было взбесить Дмитрия Николаевича, и Наталья Ивановна, предвидя реакцию сына, старается смягчить его гнев, говоря, что Дантес писал ему «с родственным расположением». Но о каком родственном расположении можно говорить, когда Дантес даже к теще не стесняется писать в таких выражениях:

«Что меня больше всего поражает в вашей переписке со мною, любезная Матушка, это ваше постоянное стремление объяснить и оправдать поведение моих шуринов в отношении меня... Совершенно возмутительно под разными вздорными предлогами не выполнять взятых священных обязательств перед сиротами»². Копию этого письма она посылает Дмитрию Николаевичу, поэтому мы и имели возможность с ним ознакомиться.

Наталья Ивановна, конечно, ясно представляла себе, что за человек Дантес, но ради Екатерины Николаевны и своей семьи старалась поддержать хотя бы какое-то подобие «родственных» отношений.

Неожиданная смерть дочери* потрясла Наталью Ивановну. И вот тут мы встречаемся с поступком, который, казалось бы, никак нельзя было ожидать от нее: она предложила Дантесу взять всех четверых детей Екатерины Николаевны к себе и воспитать их! Это, несомненно, говорит в пользу Натальи Ивановны и еще раз свидетельствует о том, что она знала о положении дочери в семье мужа и не надеялась, что ее детей будут там любить и о них заботиться... После смерти Екатерины Николаевны Наталья Ивановна писала своим внукам Матильде и Берте отдельные письма, видимо, стараясь не обрывать и последней ниточки, связывавшей ее с покойной дочерью.

Дантес детей, как мы знаем, не отдал, но в течение многих лет (это мы видим из вышеприведенного письма 1847 года) продолжал требовать пресловутые

* Екатерина Николаевна умерла в 1843 году в Сульце (Франция), где жила семья Дантесов.

пять тысяч, за прошедшие годы уже превратившиеся в десятки тысяч.

Сначала он поручил это французскому атташе Мюллеру, которому дал полномочия действовать против Дмитрия Николаевича, а впоследствии дело дошло и до суда, но это было после смерти Натальи Ивановны, когда уже некому было сдерживать накал страстей ненавидевших друг друга шуринов... Дмитрий Николаевич опасался, что Мюллер во вред семье Гончаровых предъявит на суде их письма к Дантесу, в том числе и Натальи Ивановны. Но она писала эти письма «очень осторожно», и они никак не могли повредить ни Дмитрию Николаевичу, ни ей. Умная женщина, она все предвидела!

Обращает на себя внимание постоянное стремление Натальи Ивановны поддерживать мир в семье. «Мир между своими — первейшее благо, — пишет она сыну Дмитрию в 1845 году, — милость божия почит на семьях, живущих в добром согласии, дай бог чтобы мы все ее удостоились»¹.

В последние годы жизни Натальи Ивановны какие-то денежные недоразумения и даже ссоры возникали иногда между братьями. Создается впечатление, что Иван Николаевич и Сергей Николаевич стремились отделить поместья, не входившие в майорат, от управления Дмитрием Николаевичем, чтобы взять их в свои руки и не зависеть от старшего брата. Наталья Ивановна старается примирить братьев, организует их встречи, иногда у нее в Яропольце. «Самое горячее желание моего сердца — видеть всех моих троих сыновей соединенными искренней дружбой, чтобы никакие дурные поступки ни одного из вас не охладили братские чувства, которые до сих пор вас соединяли. Это естественное желание Матери, и если вы все трое его исполните, благословение божие будет с вами»².

Что касается Яропольца, то она упорно отвергает всякие притязания на него, стремясь сохранить свое поместье. «Вам же все перейдет», — говорит она. Мы полагаем, что в данном случае в известной степени она была права: даже пожертвовав многим, она могла бы только всыпать горсть в бездонную пропасть долгов, лежащих на гончаровских предприятиях, никак не спасла бы семью и сама осталась бы без всяких средств. Наталья Ивановна старается повлиять на сыновей своим

Header: Page 107 of 194
материнским авторитетом, и, надо сказать, что они с ней считались. «Я полагаю,— пишет она в том же 1845 году,— никто из вас не может взять под сомнение мои материнские чувства. Я посвятила вам всю свою жизнь, неустанно следя за вашей нравственностью, прошлое, если оно свежо в вашей памяти, должно вас в том убедить»¹. «Я всегда старалась быть хорошей матерью и с этим умру»².

Очень тепло относится она к жене Дмитрия Николаевича Елизавете Егоровне. В 1836 году Дмитрий Николаевич женился на княжне Назаровой. Он познакомился с ней в Туле, и там же состоялась их свадьба. Княжна происходила из обедневшего армянского рода, но была, видимо, молодая и красивая, без особых претензий и согласилась жить с Дмитрием Николаевичем в калужской глуши, в Полотняном Заводе. Судя по письмам Николая Афанасьевича, это была добрая женщина, пожалуй, единственная, кто заботился о нем. С ней Наталья Ивановна вела деятельную переписку на русском языке: наверно, княжна французского не знала. Обе женщины обмениваются саженцами фруктовых и садовых деревьев, Елизавета Егоровна сама вяжет для свекрови теплые шерстяные сапожки, посылает ей из полотнянозаводских оранжерей ананасы и персики. Письма Натальи Ивановны, очень теплые, почти неизменно заканчиваются: «По жизнь пребуду тебя любящая и преданная Н. Г.» «Любите друг друга настоящей любовью,— пишет она сыну,— и милость божия дарует спокойствие вашему семейству, этого я желаю прежде всего»³. Эти слова так близко перекликаются с пожеланием нерушимого счастья Пушкину и Натали!

Мы должны также отметить ее большую любовь к детям Дмитрия Николаевича и Елизаветы Егоровны. Их трое: Митя, Евгеша и Катя. Старший, Митя,— предмет ее особых забот и внимания. «Митя часто в сердце моем»,— говорит она. По ее поручению Душин выписывает для Мити журнал «Звездочка» и отправляет ему из Москвы «еполеты», а бабушка спрашивает, остался ли он ими доволен. Она всегда беспокоится, когда дети болеют, посылает им лекарства, дает советы, как лечить. Мы неоднократно встречаем в письмах упоминание о том, что сыновья Иван и Сергей привозили в Ярополец своих детей, и свидание с ними доставляло боль-

шую радость бабушке. Об отношении Натальи Ивановны к детям Пушкиным мы скажем далее.

В 1845 году, видимо, снова возник вопрос об опеке над больным Николаем Афанасьевичем и над лично ему принадлежащим состоянием, перешедшим по наследству от покойной матери. Приведем письмо Натальи Ивановны от 11 февраля 1845 года.

«Ты мне пишешь, что вы хотите, чтобы вы, все братья, собрались у меня в Яропольце для обсуждения дел в отношении состояния отца. На это должна сказать тебе, Дмитрий, что я не могу согласиться, и по причинам весьма для меня тягостным. Ты знаешь, что между Ваней и Сережей не всегда бывает доброе согласие; я тоже не могу ручаться за себя: моя истерзанная столькими жестокими событиями душа может не выдерживать, и у меня также могут вырваться ранящие слова. Я могу отвечать за свои действия, которые, разумеется, должны основываться, конечно беспристрастно, на чувствах и долге Матери, но я также не смогу скрыть глубину ран моего сердца, от которых я всегда страдаю, и обнажать их вновь значило бы иметь новый повод для страданий в будущем. Избавь меня от этого, пожалуйста, я уже более чем достаточно их имела в прошлом и имею в настоящем. Я знаю снисходительность твоего характера и не сомневаюсь, что ты ни в коем случае не будешь настаивать на том, на что я не могу и не должна соглашаться»¹.

Наталья Ивановна предлагает братьям собраться у Дмитрия и там обсудить все дела. Она советует предоставить опеку над состоянием отца Ивану и Сергею, а Дмитрию оставить в неприкосновенности все, что принадлежит майорату. Наталья Ивановна выражает надежду, что интересы всех братьев и сестер будут соблюдены, и от души желает, чтобы это произошло мирно.

Нет сомнения, что в молодые годы, в начале их семейной жизни, Наталья Ивановна и Николай Афанасьевич любили друг друга. Ласковые обращения к жене говорят нам о чувствах Николая Афанасьевича: «Мой друг и божественная Таша», «Друг мой Ташок», — читаем мы в его письмах 1814 года. Болезнь мужа разединила супругов. Кто больше виноват — Николай ли Афанасьевич, изменивший свое отношение к жене в годы болезни (а тому есть свидетельства), или Наталья Ивановна, оставившая его, мы не знаем. Но в этом

письме мы впервые встречаемся с ее признанием, что болезнь мужа для нее незаживающая рана и она не хочет лишней раз ее беречь...

Наталья Ивановна уклоняется от какого-либо обсуждения и тем более вмешательства в дела Николая Афанасьевича: ей это слишком тяжело.

У нас нет стремления целиком оправдывать Наталью Ивановну, мы далеки от этого. Но создается впечатление, что это была очень несчастная женщина, озлобившаяся от трудной своей жизни. По свидетельству близкой знакомой семьи Гончаровых кн. Екатерины Алексеевны Долгоруковой, в Москве она жила почти бедно, дочери иногда приезжали на балы в рваных башмаках и старых перчатках. Однако Наталья Ивановна стремилась дать хорошее образование детям, она писала свекру, постоянно урезывавшему ей содержание, что их воспитание и образование стоит не менее 15 тысяч в год.

В Государственной библиотеке имени В. И. Ленина хранятся несколько альбомов Гончаровых, очевидно, поступившие туда из Яропольца. Есть среди них и принадлежавший Наталье Ивановне¹. Это небольшой альбом темно-красного цвета с золотым тиснением и металлической застежкой. В него Наталья Ивановна записывала то, что ее интересовало и волновало — стихи, отрывки из прозаических произведений, изречения и т. д., но также и свои мысли и чувства. В числе авторов фигурируют Шатобриан, мадам Жанлис, Сократ, Экклезиаст и другие. Альбом свидетельствует о том, что Наталья Ивановна много читала и была, вероятно, хорошо знакома с литературой. Долгие годы, проведенные ею в Яропольце, где имелась большая библиотека, не прошли даром.

Лейтмотив личных записей Натальи Ивановны — тяжелые переживания, чувство одиночества, тоски. Вот одна из них.

«Так жестоко, когда приходится не доверять своей собственной семье и видеть врагов в своих близких. Довериться богу — наш долг, полагаться на людей — это безрассудство. Я предпочитаю, чтобы маски были сорваны. Бывают периоды в жизни, которые лучше стереть из своей памяти, чем стараться о них вспоминать. В жизни бывают жестокие минуты».

Нам кажется, что здесь отражены и ссора с сестрами, и болезнь мужа, видимо, глубоко переживаемые ею.

Header Page 170 of 194

Очень интересна для нас запись пушкинского стихотворения «Молитва», которое мы хотели бы напомнить читателю.

МОЛИТВА

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольных бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! Дух праздности унылой,
Любоначалия, змея сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Не дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

А. Пушкин.

22 июля 1836 г.»¹

При жизни Пушкина это стихотворение не было известно, видимо, Наталья Ивановна списала его из «Современника», опубликовавшего его после смерти поэта, а может быть, оно было прислано ей кем-либо из дочерей еще до публикации.

К сожалению, мы не имеем возможности более подробно остановиться на многих интересных письмах Натальи Ивановны, но, полагаем, что и те выдержки, которые мы привели, дают возможность сделать несколько иные выводы в отношении этой женщины, обычно рисуемой только с отрицательной стороны.

Но вернемся к письму Натальи Ивановны к Пушкину, о котором мы уже упоминали.

«14 мая 1834 г. Ярополец.

Прежде чем ответить на ваше письмо, мой дорогой Александр Сергеевич, я начну с того, что поблагодарю вас от всего сердца за ту радость, которую вы мне доставили, отпустив ко мне вашу жену с детьми; из-за тех чувств, которые она ко мне питает, встреча со мной, после трех лет разлуки, не могла не взволновать ее. Однако она не испытала никакого недомогания; по-видимому, она вполне здорова, и я твердо надеюсь, что во время ее пребывания у меня я не дам ей никакого

повода к огорчению; единственно, о чем я жалею в настоящую минуту, — это о том, что она предполагает так недолго погостить у меня. Впрочем, раз вы так уговорились между собой, я конечно, не могу этому противиться.

Я тронута доверием, которое вы мне высказываете в вашем письме и, принимая во внимание любовь, которую я питаю к Натали, и которую вы к ней питаете, вы оказываете мне это доверие не напрасно, я надеюсь, оправдывать его до конца моих дней.

Дети ваши прелестны и начинают привыкать ко мне, хотя вначале Маша прикрикивала на бабушку. Вы пишете, что рассчитываете осенью ко мне приехать; мне будет чрезвычайно приятно соединить всех вас в домашнем кругу. Хотя Натали, по-видимому, чувствует себя хорошо у меня, однако легко заметить ту пустоту, которую ваше отсутствие в ней вызывает.

До свиданья, от глубины души желаю вам ненарушимого счастья. Верьте, я навсегда ваш друг¹.

До сих пор это письмо почему-то не привлекало должного внимания пушкиноведения. А между тем оно очень важно как для характеристики отношения Натальи Николаевны к мужу, так и самой Натальи Ивановны к зятю.

Судя по письму, Наталья Николаевна рассказывала матери о своей семейной жизни, о безграничной любви к ней мужа, о том, что она с ним счастлива. «От глубины души желаю вам ненарушимого счастья. Верьте, я навсегда ваш друг». Вряд ли можно переоценить эти слова в устах Натальи Ивановны, в искренности которых у нас нет оснований сомневаться.

Прошло три года, как дочь вышла замуж, много воды утекло за это время и многое изменилось... Изменились и взаимоотношения тещи с зятем. Не могла Наталья Ивановна не оценить благородство натуры поэта, его необыкновенную сердечность. И Пушкин, отзывчивый на все доброе, не замедлил откликнуться. «Натальи Ивановне я уже писал; поцалуй за меня у нее ручки и скажи много нежного», «Кланяюсь сердечно Нат. Ив.», — пишет поэт жене в Ярополец 30 апреля и 12 мая 1834 года. Княгиня Е. А. Долгорукова свидетельствует, что Наталья Ивановна «полюбила Пушкина».

Header Page 112 of 194

Нет сомнения также, что Наталье Ивановне импонировали и слава великого поэта, и близость его и дочери ко двору. Мы полагаем, что немалую роль в перемене их отношений сыграли дети. Мы знаем, как тепло относилась она к детям Екатерины Николаевны, как любила детей старшего сына. До 1834 года Наталья Ивановна не видела внуков Пушкиных, но заботу о них проявляла постоянно. Известно, что после рождения старшего Александра она послала дочери в подарок тысячу рублей. Возможно, делала это и при рождении других детей. В письмах неоднократно упоминается о том, что по первому санному пути в Петербург для внуков отправлялись запасы варенья, фруктов и т. п. В Яропольце вязались для них шерстяные чулочки, ткалось полотно для белья.

Приезд маленьких Пушкиных был большой радостью для бабушки, это чувствуется по письму. Она очень огорчилась, когда Наталья Николаевна, заехав к ней на обратном пути в Петербург, не взяла с собой Сашу, и даже приписала это вмешательству сестер. Каждый раз, когда Дмитрий Николаевич бывал в Петербурге и на обратном пути заезжал к ней, Наталья Ивановна расспрашивала о детях Пушкиных.

Маленькая Маша, видимо, была любимицей Ивана Николаевича. В 1838 году, когда Пушкина уже не было на свете, Наталья Ивановна писала по поводу женитьбы сына Наталье Николаевне:

«Дорогая Таша, скажи моей милой Маше, что ее Уван женится, но всё ее очень любит, равно и Баба ее об ней всякой день думает. Целую всех детей и поздравляю вас с будущей невесткой».

Наталья Николаевна прожила у матери в 1834 году, по-видимому, недели две. Несомненно, она была рада снова увидеть места, где не раз бывала и в детстве, и в юности. Пушкин послал жене в Ярополец четыре письма. Они полны нежной заботы и беспокойства о ней. «Без тебя так мне скучно,— пишет он 18 мая,— что поминутно думаю к тебе поехать, хоть на неделю. Вот уж месяц живу без тебя; дотяну до августа; а ты себя береги; боюсь твоих гуляний верьхом. Я еще не знаю, как ты едешь; вероятно, смело; да крепко ли на седле сидишь? вот запрос. Дай бог тебя мне увидеть здоровою, детей целых и живых!»¹

Header Page 113 of 194

Упоминание в письме Пушкина о «гуляньях верхом» дает основание предположить, что в Яропольце Наталья Николаевна вместе с Надеждой Григорьевной Чернышевой, которая увлекалась верховой ездой и была всегда окружена молодежью окрестных поместий, совершали прогулки в парках и рощах. Возможно, что тогда же был в Яропольце и Захар Чернышев и познакомился с Натальей Николаевной.

Из Яропольца Наталья Николаевна поехала на все лето к брату в Полотняный Завод, куда в августе, к именинам жены, как и обещал, приехал Пушкин. Теще он послал поздравление.

«Милостивая государыня матушка Наталья Ивановна. Как я жалею, что на пути моем из Петербурга не заехал в Ярополец; я бы имел и счастье с Вами свидеться и сократил бы несколько верстами дорогу, и миновал бы Москву, которую не очень люблю и в которой провел несколько лишних часов. Теперь я в Заводах, где нашел всех моих, кроме Саши, здоровых, — я оставляю их еще на несколько недель и еду по делам отца в его нижегородскую деревню, а жену отправляю к Вам, куда и сам явлюсь как можно скорее. Жена хандрит, что не с Вами проведет день Ваших общих именин; как быть! И мне жаль, да делать нечего. Покаместь, поздравляю вас со днем 26 августа; и сердечно благодарю за 27-ое*. Жена моя прелесть, и чем доле я с ней живу, тем более люблю это милое, чистое, доброе создание, которого я ничем не заслужил перед богом. В Петербурге видался я часто с братом Ив. Ник. а Серг. Ник. и жил у меня почти до моего отъезда. Он теперь в хлопотах обзаведения**. Оба, слава богу, здоровы.

Цалую ручки Ваши и поручаю себя и всю семью мою Вашему благорасположению.

А. Пушкин»

(Около 25 августа 1834 г. Полотняный Завод.)¹

Пробыв в Полотняном Заводе две недели, Пушкин уехал в Болдино, в надежде там поработать и кстати по делам отцовского имения. Но эта болдинская осень не принесла поэту вдохновения.

* 27 августа — день рождения Натальи Николаевны (1812 г.).

** В 1834 году Сергей Николаевич был произведен в офицеры.

Header Page 214 of 194

«Мне здесь хорошо, да скучно,— пишет Пушкин жене в сентябре,— а когда мне скучно, меня так и тянет к тебе... Писать я еще не принимался». «Погожу еще немножко, не распишусь ли; коли нет — так с богом и в путь. В Москве останусь дня три, у Нат. Ив. сутки — и приеду к тебе. Да и в самом деле: не уж то близ тебя не распишусь? Пустое». «Кроме тебя в жизни моей утешения нет»¹.

Если болдинская осень 1830 года, когда поэт на пороге новой жизни был безгранично счастлив любовью своей молодой невесты, принесла ему, можно сказать, сверхчеловеческий взлет вдохновения, то теперь осенью 1834 года он скучает без жены и не может работать. «Не уж то близ тебя не распишусь...»

В конце сентября Пушкин писал жене из Болдина, что предполагает заехать к теще на сутки. Но осуществилось ли это намерение, до сих пор не было известно. Опубликованные нами письма Екатерины Николаевны и Натальи Ивановны впервые установили, что Пушкин на обратном пути из Болдина в Петербург в Ярополец заезжал. В письме к старшему брату от 16 октября 1834 года Екатерина Николаевна сообщает:

«Пушкин приехал позавчера в 10 часов утра, он нам сообщил все новости о вас. Он был у матери, она ему наговорила бог знает что о нас и вдобавок утверждает, что это мы подговорили Ташу, чтобы она не возила к ней своего сына, когда Таша последний раз заезжала к матери. Мы так и знали, что это будет еще одна вина, которую она нам припишет»².

Это письмо еще раз подтверждает, что и в этот период отношения матери со старшими дочерьми (а может быть, дочерей с матерью, если судить по тону их писем) были плохими. Что послужило к тому причиной — мы не знаем, в письмах Натальи Ивановны и сестер ничего об этом не говорится. Упоминается лишь, что на обратном пути из Полотняного Завода Наталья Николаевна с маленькой Машей заезжала в Ярополец, но без сестер. Мы видим, что Наталья Ивановна была очень огорчена тем, что еще раз не повидала внука. Полагаем, что и нежелание дочерей проститься с ней перед отъездом в столицу, возможно надолго, она также в глубине души переживала.

Наталья Ивановна ждала Пушкина. В письме от 7 октября она пишет Дмитрию Николаевичу: «...Я на-

Header Page 115 of 194
деюсь, что скоро тебя увижу. Я также жду Пушкина: может быть он уже уехал в Петербург, не знаю»¹. Учитывая, что Пушкин вернулся в Петербург 14 октября утром, а на дорогу из Яропольца должен был затратить дня три, по-видимому, он был там 9 или 10 октября.

«Я еще тебе не писала о приезде Пушкина ко мне, — сообщала Наталья Ивановна сыну 23 октября 1834 года, — потому что он приехал после моего последнего тебе письма; он пробыл один день, я ему очень признательна за внимание»².

Пушкин спешил домой и тем не менее решил ехать к Наталье Ивановне. У нас нет документальных свидетельств о причине его приезда в Ярополец, но думаем, что они были вызваны не только (вернее, не столько) желанием навестить тещу, но и какими-то деловыми соображениями. Мы полагаем, что его интересовали два вопроса: переезд сестер Гончаровых в Петербург и возможность покупки Никулина.

Пушкин неохотно согласился на то, чтобы сестры жены поселились с ними, считая, что это осложнит его семейную жизнь и, как оказалось впоследствии, был прав. Но дав согласие, он, надо полагать, как глава семьи взял на себя определенные обязательства перед тещей. Вероятно, обсуждалась и финансовая сторона: сестры будут жить в их квартире и получать от Дмитрия Николаевича определенное содержание. Известно, что они вносили свою долю за стол и квартиру. Кстати, судя по опубликованным нами письмам сестер, предполагалось, что Екатерина Николаевна получит звание фрейлины — об этом хлопотала тетюшка Загряжская — и будет жить во фрейлинском флигеле дворца. Так что речь шла, видимо, только об Александре Николаевне. Но в силу ряда причин Екатерина осталась у Пушкиных, хотя и была пожалована во фрейлины.

О желании Пушкина иметь свой уголок, где бы он мог спокойно жить и работать, мы уже говорили. В письмах к жене в Полотняный Завод в 1834 году Пушкин неоднократно писал об этом. «Ты разве думаешь, что свинский Петербург не гадок мне? Что мне весело в нем жить между пасквилями и доносами?». «Ух, кабы мне удрать на чистый воздух». «Боже мой!

Header Page 116 of 194

Кабы Заводы были мои, так меня бы в Петербург не заманили и московским калачем. Жил бы себе барин». «Туда бы от жизни удрал, улизнул!». «Я сплю и вижу чтоб к тебе приехать, да кабы мог остаться в одной из Ваших деревень под Москвою, так бы богу свечку поставил. Дай сделаю деньги, не для себя, для тебя. Я деньги мало люблю — но уважаю в них единственный способ благопристойной независимости»¹.

Попытка Натальи Николаевны получить обещанные матерью 200 душ, как мы знаем, не увенчалась успехом. В 1834 году Гончаровы собирались продать поместье Никулино, недалеко от Полотняного Завода. Очевидно, Наталья Николаевна говорила с братом о том, чтобы они продали его им.

По возвращении из Бсддина в октябре 1834 года Пушкин выдал С. Г. Квасникову* доверенность на покупку для него имения Гончаровых в Медынском уезде Калужской губернии, состоявшего из трех деревень: Никулино, Образцово и Сыцевицыно. О продаже поместья была публикация в «Московских ведомостях» от 28 июля, 1 августа и 4 августа 1834 года, то есть до приезда Пушкина в Полотняный Завод. Это небольшое имение продавалось за долги Гончаровых. Приведем письмо Пушкина Квасникову.

«8 октября 1834 г. Москва.

Милостивый государь Сергей Гаврилович.

Известился я из Московских Ведомостей, что имение покойного надворного советника Афанасия Николаевича Гончарова, состоящее Калужской губернии Медынского уезда в деревнях Никулине-Абрасцове и Сычевицыной, около 80 душ, продается за неплатеж долга Калужскому приказу общественного призрения, то по сему случаю прошу вас явиться к торгам, быть при оных и купить те души собственно для меня, есть ли признаете выгодным, и, буде торг состоится за мною, то и деньги внеся, просите о выдаче на мое имя данной и о вводе меня тем покупным имением во владение; если потребно будет по сему делу — подавать какие-либо прошения, объявления и всякого рода бумаги, то и оные от имени моего за вашим рукоприкладством подавайте и действуйте как бы я сам лично, ибо я во

* С. Г. Квасников одно время был управляющим у Гончаровых и, видимо, пользовался их доверием.

Header Page 117 of 194

всем том вам верю, и что вы по сему законно учините, впредь спорить и прикословить не буду.

Двора его императорского величества камер юнкер Александр Сергеев сын Пушкин из дворян титулярный советник»*¹.

Это письмо и послужило доверенностью. На обороте его значится: «Сия доверенность принадлежит чиновнику 14-го класса Сергею Гавриловичу Квасникову».

В конторских книгах московского дома Гончаровых («Приход-расход денег за 1834 год») нами обнаружены следующие записи: «Октября 7-го Гербовой бумаги куплено лист для Александра Сергеевича Пушкина на доверенность — 3 р. 75 к.», «Заплачено за расписание в гражданской Палате доверенности — 5 р. 70 к.»².

Пушкин в это время печатал «Историю Пугачева» и рассчитывал получить крупную сумму³. Можно предположить, что он соглашался внести определенную часть стоимости этих деревень, а остальная сумма шла в покрытие долга Гончаровых (пресловутых 12 тысяч) и в приданое Наталье Николаевне.

По списку населенных мест Калужской губернии за 1859 год⁴ Никулино значится владельческим селцом, следовательно, там были церковь и господский дом. Оно расположено примерно в 150 км от Москвы и в представлении Пушкина вполне могло считаться подмосковным, в отличие от Михайловского, которое тяготело к Петербургу.

Вблизи существующего и теперь Никулина, недалеко от живописной реки Шаня сохранились следы построек, несомненно, напоминающих о бывшей когда-то здесь барской усадьбе**. Усадьба эта существовала еще в 1859 году, отмечена она и в Списке 1863 года, и в архиве Гончаровых⁵.

Сейчас там можно видеть остатки старинных фундаментов нескольких зданий, обнесенных каменной оградой, следы которой также сохранились. Все это теперь заросло кустарником и деревьями. К усадьбе вела липовая аллея. Недалеко оттуда, в лесу, вдруг обнаруживаются ряды вековых лип — остатки парка — и «Зеленый зал», подобный Тригорскому. Липами обсажены и большие поляны, вероятно, они окаймляли плодовые

* Письмо написано писарской рукой, за исключением подписи.

** Теперь это место называется Липки.

сады, как это имел место в Петровском. Среди лип есть прекрасные экземпляры, почва под ними покрыта одичавшей клубникой. Местные жители помнят в парке и заросли сирени, и множество цветов, в особенности нарциссов.

Никулино находилось всего в 55 верстах от Полотняного Завода. Пушкин гостил у шурина в течение двух недель и именно там, несомненно, шли переговоры о покупке им этого поместья у Гончаровых. Трудно себе представить, чтобы, будучи так близко от Никулина, он не поехал его посмотреть, и, возможно, с Натальей Николаевной.

И вот, хотя прямых документальных данных у нас пока нет, вполне правомерно считать, что Пушкин там был. Окрестности Никулина, расположенного на берегу Шани у слияния ее с речкой Трубенкой, чрезвычайно живописны, и Пушкину должны были понравиться. Вот еще одно место в России, мы полагаем, связанное с именем Пушкина.

Однако покупка этого поместья не состоялась¹. Возможно, на торги был наложен запрет, так как Никулино входило в майорат и не подлежало продаже. В 1843 году Наталья Ивановна писала Дмитрию Николаевичу, что по этой причине им не удастся получить разрешение продать это поместье. Вероятно, Дмитрий Николаевич долго хлопотал, и в 1846 году купчая на продажу, наконец, была сделана. Но имение пошло за долги все тому же «злому гению» Натальи Ивановны — Ртищеву. Она пишет сыну, что в руках Ртищева еще остается ее какой-то документ, подлежащий оплате, и это ее очень тревожит.

Второй приезд Пушкина в Ярополец не ограничился только разговором о переезде сестер Гончаровых и о Никулине. У Натальи Ивановны были свои особые причины желать встречи с зятем.

Вернемся снова к ярополецким соседям Чернышевым. За истекшее с 1833 года время в семье произошли большие события. Совсем незадолго до приезда Пушкина, в августе 1834 года, там были отпразднованы две свадьбы: Захара Григорьевича Чернышева и сестры его Натальи Григорьевны.

22 марта 1834 года З. Г. Чернышев был произведен

Header Page 110 of 194

в подпоручики и вышел в отставку. В его послужном списке обращает на себя внимание следующая запись: «По высочайшему приказу уволен от службы по расстроенному здоровью* тем же чином, с обязательством жить безвыездно в Яропольческом имении родной сестры его графини Чернышевой-Кругликовой состоящем Московской губернии в Волоколамском уезде»¹.

Это фактически была ссылка под надзор местного начальства.

Очевидно, в Яропольце Захар Григорьевич познакомился с Екатериной Алексеевной Тепловой и очень скоро сделал предложение.

Наталья Ивановна бывала у Чернышевых летом этого года, встречалась с Захаром Григорьевичем, познакомилась с его невестой и, надо полагать, была на свадьбе. Мы уже говорили о тяжелом душевном состоянии, в котором находился Чернышев. Это подтверждается и письмом Натальи Ивановны к сыну 29 июля 1834 года.

«...Недавно состоялась помолвка Захара Григорьевича Чернышева с мадемуазель Тепловой, племянницей графа Кругликова, очень молодой особой довольно приятной внешности. Вот все, что я могу сказать о ней, так как я всего три раза видела ее. Особливо дай бог, чтобы он был счастлив; его настроение духа, по-видимому, очень пострадало и нуждается в спокойной обеспеченной жизни, чтобы оправиться от угнетенного состояния, в котором, как видно, он находится»².

Женившись, Чернышев вновь возвращается на военную службу и в конце августа уезжает с молодой женой на Кавказ. Таким образом, в 1834 году Пушкин с ним не встречался.

Дальнейшая судьба Захара Григорьевича сложилась так. Прослужив несколько лет, он выходит в отставку в чине армейского подпоручика и поселяется с разрешения властей в Яропольце, несомненно, под надзором. Чернышев потерял право на майорат, но семья подарила ему орловское поместье Тагино, нам уже известное, очевидно, не входившее в майорат. Впоследствии Захар Григорьевич поступает на гражданскую службу, сначала в Орле, а потом в канцелярию московского губернатора.

* З. Г. Чернышев участвовал во многих сражениях, а в 1830 году при атаке селения Закатанлы был ранен навывлет в грудь.

Header Page 120 of 194

В 1856 году декабристам была дана всеобщая амнистия, и Чернышеву были возвращены дворянство и графский титул. Будучи теперь материально независимым, Захар Григорьевич уезжает за границу. Он умер в Риме в мае 1862 года и там же похоронен.

Вернемся к 1834 году.

Через несколько дней после бракосочетания Захара Григорьевича и Екатерины Алексеевны состоялась вторая свадьба. Наталья Григорьевна вышла замуж за Николая Николаевича Муравьева-Карского. Об этом событии он пишет так.

«...15-го августа поехал в Ярополец, 26-го я венчался и в тот же день поехал с женою к отцу в сопровождении всего семейства Чернышевых и гостей их. Они провожали уезжавшего в Моздок к месту своему брата Захара, который женился за несколько дней до меня на племяннице Кругликова, Тепловой. От батюшки к вечеру все разъехались и мы с женою поехали в Ботово, деревню брата Александра, там и прожили до 4-го сентября, а тогда отправились в Москву, где и остановились в доме Черткова»¹.

Забегая вперед, скажем, что союз Н. Н. Муравьева и Н. Г. Чернышевой, по-видимому, был счастливым. Об общности их взглядов свидетельствует, например, и такая запись в его дневнике: «Жена моя по вольнодумному образу мыслей своих всегда готова проговориться и отпустить колкое рассуждение, для дочерей же я всячески буду стараться удаления от двора, где обычай и обхождения вообще пошлы и грубы»².

К торжественным событиям в Ярополец съехалась вся семья. Так, из писем Натальи Ивановны мы узнаем, что из Петербурга приезжали супруги Пален. Несомненно, были на свадьбах и Чертковы.

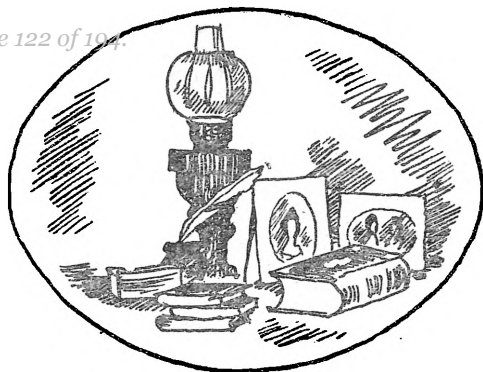
Таким образом, в доме Чернышевых осталась только одна невеста — красавица Надежда Григорьевна. Она, как мы знаем, отказала братьям Муравьевым, и Наталья Ивановна, по-видимому, нашла, что обстановка складывается благоприятно для Дмитрия Николаевича, и решила сделать еще одну попытку с помощью Пушкина. Она надеялась, вероятно, что ее близкое родство с прославленным поэтом может повлиять на Кругликову, и та уговорит сестру согласиться на этот брак. С этой целью и повезла зятя к соседям.

Header Page 1 of 194
«При проезде Пушкина через Ярополец, мы с ним вместе были у Чернышевых,— пишет Наталья Ивановна сыну 23 октября,— все с тем же добрым намерением продвинуть твое дело, но не решились ничего сказать по этому поводу»¹.

Отношение Пушкина к сватовству шурина нам известно, и, надо полагать, он уклонился от миссии быть «сватом», а Наталья Ивановна, чтобы не огорчать сына, представила дело так, будто обстановка была не подходящей, и они «не решились» начать разговор о matrimониальных намерениях Дмитрия Николаевича.

В письме от 23 октября Наталья Ивановна сообщает сыну, что Пушкин пробыл у нее один день. Возможно, он приехал рано утром и выехал в Петербург поздно вечером, а может быть, только на следующее утро. Слова «один день» не исключают такого предположения. Второй приезд Пушкина в Ярополец оказался последним. Не бывала там до 1837 года и Наталья Николаевна.

ЯРОПОЛЕЦ ПОСЛЕ СМЕРТИ ПУШКИНА

Государственные архивы сохранили для нас письма и воспоминания многих лиц, рассказывающих о Яропольце после смерти Пушкина. На основании этих документов, в большей своей части новых, в меньшей — давно не публиковавшихся и неизвестных широкому читателю, мы и хотим обрисовать роль Яропольца как связующего звена между потомками Пушкиных и Гончаровых, а главное — показать, что память о Пушкине жила в Яропольце многие десятилетия и продолжает жить и в наши дни.

Немалую роль в этом отношении во второй половине прошлого века сыграл Иван Николаевич Гончаров и его семья.

После смерти Натальи Ивановны в 1848 году (скопчалась она скоропостижно во время поездки на богомолье в Иосифо-Волоколамском монастыре и там же похоронена) по договоренности с братьями и сестрами

Ярополец «взял на себя» Иван Николаевич, обязавшись выплатить им их долю наследства. Таким образом, вся дальнейшая жизнь Яропольца связана с Иваном Николаевичем, бережно хранившим память о поэте.

При жизни Пушкина Иван Николаевич служил в лейб-гвардейских (позднее — гусарских) частях, квартированных под Петербургом, и, конечно, часто приезжал в дом Пушкиных, а иногда и жил у них. Он был в курсе семейных дел сестры и зятя. Так, в 1833 году Иван Николаевич писал брату Дмитрию о том, что Пушкин хлопочет для него о займе крупной суммы у князя Голицына и при этом рассчитывает занять у шурина и для себя лично шесть тысяч рублей. Иногда, очевидно, и Пушкин ссужал деньгами Ивана Николаевича. В архиве Гончаровых хранится запись его долгов, а в ней среди заимодавцев значится Пушкин, которому он был должен 650 рублей¹.

Самые теплые отношения с братом были и у Натальи Николаевны. В октябре 1833 года Иван Николаевич пишет Дмитрию о том, что Наталья Николаевна пробыла у него целый день в Царском Селе. Она поехала навестить своих приятельниц г-жу Полуектову и княгиню Долгорукову* и, конечно, Ивана Николаевича. Но Полуектова уже переехала в город, а Долгорукова только сутки тому назад родила, так что Наталья Николаевна смогла побыть у нее только несколько минут и поехала к Ивану Николаевичу.

«Несколько дней тому назад,— пишет он Дмитрию,— я имел совершенно неожиданный визит: моя сестра провела почти целый день у меня... Мадам оказала мне честь разделить со мной мой скромный обед, который она по доброте своей нашла вкусным (я полагаю благодаря тому, что она была голодна, совершив такое непривычное для нее далекое путешествие, а я по опыту знаю, что голод лучше всего способствует тому, чтобы найти всякие кушанья хорошими). Однако я это пишу тебе не для того, чтобы ты плохо подумал о моей кухне, и я падеюсь, если ты решишь приехать в Петербург, что я буду иметь удовольствие предложить тебе отведать моего супа»².

* Долгорукова Е. А. (урожд. Малиновская) — подруга юности Натальи Николаевны; Полуектова Л. Ф. (урожд. кн. Гагарина) — сестра В. Ф. Вяземской.

Header Page 124 of 194

Письма Ивана Николаевича к родным всегда написаны живо, порою с легким оттенком дружественной иронии, это мы увидим и в дальнейшем.

В письмах Пушкина к жене неоднократно упоминается Иван Николаевич. В ее отсутствие он часто встречался с шурином. Так, в августе 1834 года Пушкин сообщал теще в Ярополец: «...в Петербурге виделся я часто с братом Иваном Николаевичем».

Связи семей Пушкиных и Гончаровых стали более тесными с 1834 года, когда в Петербург переехали сестры Екатерина и Александра, поселившиеся у Пушкиных. В этот период переписка трех сестер с Полотняным Заводом становится особенно интенсивной. Иван Николаевич — постоянный гость семейства Пушкиных. «Господин Жан уверяет, что у него лежит начатое к тебе письмо, и что он отошлет его с первой почтой, — пишет Екатерина Николаевна Дмитрию в октябре 1834 года, — но между нами говоря я думаю, что он врет; сейчас он занят тем, что бренчит на фортепиано. Он почти все время у нас и ездит в Царское только когда за ним присылают, и тотчас же возвращается, как освобождается»¹.

В тревожные ноябрьские дни 1836 года, когда назревала дуэль Пушкина с Дантесом, Иван Николаевич принял самое деятельное участие в ее предотвращении. Это он ездил в Царское Село к Жуковскому с просьбой немедленно вмешаться и остановить развитие событий. Нет сомнения, что он всячески помогал тогда сестрам и тетушке Загряжской, и благодаря усилиям родных и Жуковского дуэль на этот раз не состоялась.

Трагические январские события в семье Пушкиных потрясли Гончаровых. Братья Дмитрий и Сергей немедленно выехали в Петербург, как только узнали о дуэли. Таким образом, оба Гончарова разделяли горе сестры в тяжелые дни после смерти Пушкина. Иван Николаевич тогда был в отпуске по болезни в Полотняном Заводе. В середине февраля братья увезли туда всю семью: Наталья Николаевна пожелала именно там провести те два года, которые муж завещал ей носить по нему траур. Вместе с ней поехала и Александра Николаевна. Сестры миновали Москву, там не останавливаясь. Состояние, и моральное и физическое, Натальи Николаевны было настолько тяжелым, что петербургские врачи предписали ей ехать прямо на место назна-

Header Page 125 of 194
чения. В Заводе их ожидал Иван Николаевич. Через день-два он выехал за матерью в Ярополец. Наталья Ивановна поспешила приехать и оставалась с дочерью и внуками около трех месяцев.

Наталья Николаевна прожила в Заводе почти два года. За это время она дважды приезжала к матери в Ярополец. В августе 1837 года вместе с детьми и Александрой Николаевной ездила на именины Натальи Ивановны и, видимо, пробыла там два месяца. На именины обеих Наталий съехалась вся семья. Но Иван Николаевич не смог быть, ему пришлось вернуться в Петербург к месту службы. Однако он не забыл об этом дне и 14 августа послал Дмитрию Николаевичу письмо и посылку:

«...Обращаюсь к твоей любезности: я посылаю подарок дорогой Натали ко дню ее именин на твой адрес, а также письмо, и прошу тебя передать ей когда она вернется, потому что я не смог послать его в Ярополец. Я буду тебе за то очень признателен. Надеюсь, что мы скоро увидимся. Я буду у вас в первой половине октября. Береги сестру, дорогой добрый Дмитрий, бог тебя вознаградит»¹.

И действительно, в начале октября Иван Николаевич снова в родных местах. Возможно, его приезд связан с закупкой лошадей для полка. Мы полагаем, были у него и личные мотивы побывать в Яропольце. По дороге он заехал в Осташево к своему другу Андрею Муравьеву.

«8 октября 1837. Царское село.

...Начну свой рассказ о моей персоне с тех пор, как мы с тобой расстались,— пишет он Дмитрию Николаевичу уже из Петербурга.— Написав тебе из Тиманова, я выехал довольно поздно, так как лошади не были готовы, хотя ночь была довольно темная и я рисковал разбить себе голову. В коляске я принялся размышлять о тех неприятных минутах, что ожидали меня впереди, и о ярме, которое мы часто добровольно сами на себя надеваем. Все эти прекрасные мысли так настойчиво роились в моей голове, что в момент, когда я меньше всего ожидал, около полуночи, меня высадили в Можайске. Там я начал высчитывать сколько мне понадобится часов, чтобы приехать под благословение иерусалимского Патриарха, и решив, что было бы несправедливо будить его людей в три часа утра по той простой

причине, что мне самому не хотелось спать, я мудро решил, что лучше подождать рассвета там, где я находился, то есть на постоялом дворе. Я велел принести немного соломы и лег, укрывшись шубой, с трубкой в зубах.

На следующий день рано утром я отправился в Осташево, куда и прибыл к обеду. Я имел намерение после этого ехать прямо к матери, но увидев, что Архимандрит-Камергер* пришел в негодование от того, что я, по его словам, сделал из Осташева почтовую станцию, я провел остаток дня с ним, а утром мы вместе поехали в Ярополец. Это был день именин Сергея. Я нашел мать в окружении дочерей, невестки и приемной дочери¹ и прибыл следственно весьма кстати, чтобы дополнить красивую семейную группу, с Уллисом** в составе моего войска.

Не буду тебе описывать те четыре дня, что я пробыл у матери, потому что вероятно сестры тебе уже об этом рассказали, и ты мог видеть, что все способствовало тому, чтобы она все время была в кротком расположении духа: прогулки, кавалькады, поездки в Осипов монастырь, и в заключение на четвертый день сцена трогательного, даже патетического прощания².

Письмо это прежде всего характеризует самого Ивана Николаевича как человека тактичного. Нельзя не отметить также его ироническое отношение к «архимандриту-патриарху». Подтверждается оно и еще одним его письмом из Царского Села от 26 октября того же года.

«...Святой Патриарх, которого я вижу всякий раз, когда бываю в городе, рыскает по своим перенумерованным друзьям-офицерам, раздавая им свое благословение, а также высокопоставленным дамам общества»³. Сам Андрей Николаевич писал о Гончарове как о лейб-гусарском офицере «весьма блистательном в то время; светское его образование, как и вообще всех людей нашего круга, было чуждо всему церковному»⁴.

Семейные даты — именины, дни рождений всегда торжественно отмечались у Гончаровых: ездили в монастырь служить молебен, устраивались праздничные обеды с шампанским и т. д. Иван Николаевич пишет, что по дороге размышлял о неприятных минутах, кото-

* В 1836 г. А. Муравьев получил звание камергера.

** Уллис-Одиссей — герой «Илиады» и «Одиссеи» Гомера. Обычные эпитеты Уллиса: «многоопытный», «хитроумный».

Header Page 127 of 194

рые его ожидали. Мы не знаем, что он имел в виду, но полагаем, что он ехал в Ярополец для разговора с матерью. Служба в гусарском полку требовала больших расходов, ему не хватало присылаемых Дмитрием Николаевичем денег и он иногда делал долги, очень неохотно оплачиваемые старшим братом. В 1833 году Иван Николаевич даже писал Душину, умоляя его быть «адвокатом» перед Дмитрием. Душин ездил с его письмом в Полотняный Завод и уладил дело.

Легкая ирония в отношении Натальи Ивановны, которая чувствуется в этом письме, возможно, отголосок ее отказа дать ему денег. Не помог и хитроумный Уллис-Муравьев, которого за его религиозные убеждения Наталья Ивановна очень и очень жаловала.

Второй раз Наталья Николаевна посетила Ярополец весной 1838 года: она приезжала на свадьбу Ивана Николаевича. Невестой его стала ярополецкая соседка — княжна Мария Ивановна Мещерская. Еще в 1835 году письма Ивана Николаевича, проводившего летом отпуск у матери, полны восторженными описаниями его поездок в Осташево к Муравьеву и с ним вместе к другим соседям. «Ваня и я здоровы,— пишет Наталья Ивановна Дмитрию.— Первый благодаря г-ну Андрею Муравьеву не имеет времени, чтобы ему наскучило мое августейшее присутствие, г-н Муравьев всюду возит его с собой. Как было договорено еще при тебе, Ваня был у него. Потом отец и сын приехали за ним, чтобы представить его кн. Мещерской, где он был принят превосходно. Сегодня они были в Иосифом монастыре, чтобы присутствовать на крестном ходе по случаю сегодняшнего праздника. Г-н Андрей кажется оказывает большое внимание Ване, за что я ему очень признательна».

«Хотя у меня ровно столько времени, чтобы сказать тебе пару слов,— приписывает Иван Николаевич,— я с удовольствием могу сказать тебе, что единственное, о чем я сожалею, это что тебя нет здесь, потому что мы очень веселимся: кавалькады, прогулки без конца. С тех пор как ты уехал, я все время разъезжаю, от чего уже порядочно времени как отвык. Эклипс*

* Лошадь Ивана Николаевича. Названа в честь знаменитого английского жеребца Эклипса, в течение 23 лет побеждавшего на всех скачках (конец XVIII в.).

привел в восхищение князя, старую княгиню и молодых Мещерских»¹⁴.

Имение Мещерских Лотошино, как мы упоминали, находилось недалеко от Яропольца, и семьи были давно знакомы. Очевидно, уже в 1835 году Иван Николаевич начал ухаживать за молодой девушкой. Но предложение сделал только в начале 1838 года.

Племянник Марии Ивановны А. В. Мещерский так пишет о ней в своих воспоминаниях: «Тетушка моя Мария Ивановна была с молодости очень красива и соединяла блестящие дарования и остроумие с подкупающей добротой и необыкновенной пылкостью и отзывчивостью сердца»².

О своей помолвке Иван Николаевич написал в Запад брату Дмитрию и Наталье Николаевне с Александрой Николаевной.

«Ярополец 26 февраля 1838 г.

Дорогие друзья брат и сестры!

Пишу вам всем вместе, так как буду говорить с вами на одну тему...*. Извещаю вас о моей женитьбе на княжне Марии Мещерской. Не буду писать вам ни избитых фраз, ни изысканных выражений, которые многие употребляют в подобных случаях, скажу только, что вот уже три дня как будущее мое решено.

Будучи в Москве около месяца, я встречался с Марию каждый день, и 23 сего месяца я попросил быть моим ходатаем перед старой княгиней и Марию г-жу Трубецкую-Четвертинскую, которую вы знаете, дорогие Таша и Сашинька. Она согласилась с радостью ходатайствовать за меня, и через нее я получил позволение Марию просить ее руки у родителей.

Вот в нескольких словах история моего романа. Перечисление физических и моральных достоинств моей будущей супруги заняло бы так много места, что мне не хватило бы этих страниц, и все же не могу удержаться, чтобы не сказать, что она добра, проста в обращении, а характер у нее мягкий и веселый и сердце нежное. Это баловень всей семьи и обожаемое дитя всех, кто ее знает. Вот все, что я сейчас могу сказать о ней. Вы ее узнаете и, я уверен, полюбите.

Я надеюсь, дорогие друзья, что вы пожелаете присутствовать при том моменте, когда Мария и я будем со-

* Многоточие в подлиннике.

Header Page 139 of 194

единяться узами брака, а потому не замедлю сообщить вам все подробности о дне и месте венчания как только это будет решено. Я надеюсь, что свадьба будет в Лотошине, и я тем более этого желаю, потому что вы, мои милые сестры, не смогли бы приехать в Москву.

Я поехал к Маминьке через несколько часов после того, как был у княгини, чтобы просить у нее руки моей славной Мари, и моя добрая Маминька дала мне свое благословение. Сегодня я возвращаюсь в Москву с письмом от нее к княгине-матери, и завтра в этот час я уже буду у нее»¹.

Одновременно с сыном написала детям и Наталья Ивановна. Приведем это письмо.

«28 февраля 1838 г. Ярополец

И я также обращаюсь в своем письме ко всем вам, мои дорогие друзья, и присоединяюсь к Ване, чтобы сообщить вам счастливую новость о его женитьбе на княжне Мари Мещерской. Видя, как он счастлив своей судьбой, я также очень довольна и благодарю бога за то, что он даровал ему это счастье. Но меня особенно радует, что все семейство Мещерских оказывает Ване настоящее родственное внимание, все относятся к нему как нельзя более приветливо и благосклонно, что очень трогает Ваню. Я надеюсь, мои дорогие друзья, что мы отпразднуем свадьбу в узком семейном кругу с той и другой стороны.

Дорогая Таша, скажи моей милой Маше, что ее Уван женится, но всё ее очень любит, равно и Баба ее об ней всякой день думает. Целую всех детей и поздравляю вас с будущей невесткой. Я надеюсь и желаю от глубины души, чтобы между всеми вами было полное согласие и взаимная дружба. При таком случае всех по имени вас целую, начиная с Дмитрия и семьи его, Сашу, большую Ташу, всех ее детей и Нину. Дай бог всем вам милости божией и счастья.

Всем вам верный друг на жизнь»².

Иван Николаевич был образованным офицером, он много читает и делится своими впечатлениями с братом Дмитрием. Известно также, что он хорошо играл на рояле. По поводу нот Иван Николаевич переписывался с сестрой Александрой Николаевной, тоже прекрасной музыкантшей. Она не раз говорит, что музыка имеет большое значение в ее жизни.

Header Page 130 of 194

Когда Иван Николаевич женился, ему было 28 лет. Он был очень красив. Из всех братьев он больше всего был похож на Наталью Николаевну. Андрей Муравьев так описывает своего приятеля, которого он встретил как-то на прогулке в чернышевском парке.

«Отрадно остановился взор мой на прекрасном юношеском лице, которое было в совершенной гармонии с простотою природы, как малый мир, отражающий в себе большой. На правильном облике сего лица могло отдохнуть усталое воображение и перейти от созерцания природы к человеку, который казалось нашел в чертах своих отпечаток ее благоволения. Задумчиво сидел он в своем блестящем наряде...»¹

В книге мы впервые публикуем портрет (акварель) Ивана Николаевича Гончарова, некогда находившийся у его сестры Александры Николаевны Фризенгоф в Бродзяхах. Фотокопия с портрета была нам любезно прислана Словацким национальным музеем в Братиславе.

Интересно, что благодаря браку Ивана Николаевича с Марией Ивановной Мещерской Гончаровы породнились с Карамзиными: ее брат Петр Иванович Мещерский был женат на дочери историографа Н. М. Карамзина Екатерине Николаевне. Таким образом, через Ивана Николаевича и Пушкины состояли в родстве с Карамзиными. Иван Николаевич бывал у Карамзиных и при жизни Пушкина, и после его смерти.

Карамзины не раз гостили в Лотошине у Мещерских и бывали у Гончаровых в Яропольце. Владимир Карамзин писал в 1836 году: «Во время пребывания в Лотошине, я безумно влюбился в Мари Мещерскую. Правда, редко можно видеть, чтоб в одном существе соединилось вместе столько красоты, грации, ума, своеобразия и сердечности»².

Упоминание об А. Н. Карамзине мы встречаем у Натальи Ивановны Гончаровой — младшей дочери Ивана Николаевича — в письме к сестре Екатерине в более поздние годы.

«Сегодня мы проводили Карамзиных и кн. Н. П. Мещерского. Александр Николаевич гораздо добрее и веселее, чем был в прошлом. Вчера нас весь вечер занимал рассказами из своего детства и анекдотами про великого князя Михаила Павловича»³.

Александр Карамзин не раз бывал в Лотошине и Яропольце и был хорошо знаком с Гончаровыми. Вместе

с ним, как видно из письма, был и еще кто-то из Карамзиных. Упоминаемый Н. П. Мещерский — сын Е. Н. Карамзиной-Мещерской и кн. П. И. Мещерского.

Наталья Ивановна, несомненно, радовалась счастью сына, была довольна и его выбором: невеста ей нравилась. Немаловажное для нее значение имело и то, что девушка была из богатой семьи.

Ивану Николаевичу Гончаровы выделили Ильицыно — поместье в Зарайском уезде*, о котором мы уже писали. Но, по-видимому, половина этого имения была заложена; выкупленная Мещерскими, она составила приданое невесты: купчую оформили на Марию Ивановну.

Свадьбе предшествовала деятельная переписка между Яропольцем и Полотняным Заводом. Дмитрий Николаевич должен был быть посаженным отцом. Наталья Ивановна просила его срочно прислать для свадебного обеда фамильное серебро и сервизы.

К свадьбе, которая состоялась 27 апреля 1838 года, по-видимому, не в Лотошине, как писал Иван Николаевич, а в Яропольце, собралась вся семья. После венчания молодые уехали в Москву, а потом в Полотняный Завод. Наталья Николаевна с детьми и Александра Николаевна остались в Яропольце. Сколько времени они там пробыли, точно неизвестно, но не меньше месяца. 5 мая Наталья Ивановна писала сыну Дмитрию: «Поздравляю тебя с днем рождения. Твои сестры и я пили сегодня шампанское, чтобы пожелать тебе всего самого хорошего». В письме от 10 мая читаем: «Сестры благодарят тебя за все, что ты им прислал. Они целуют тебя и жену и я также»¹. 24 мая Наталья Николаевна и Александра Николаевна еще были в Яропольце: мать передает от них привет Дмитрию Николаевичу.

Забегая вперед, скажем здесь, что брак Ивана Николаевича, по-видимому, не был счастливым. Письма не дают нам возможности установить причины разлада между супругами. В 1856 году Иван Николаевич с женой жили под Петербургом на даче у Натальи Николаевны. «Бедный мальчик, — пишет она Ланскому, — у него столько забот и страданий. Он и его жена — оба превосходные люди, каждый имеет большие достоинства и самые лучшие намерения, но, увы, Ване надо было бы другую жену, а ей другого мужа. Это две половинки

* Ныне Зарайский район Московской области.

яблока, которые не подходят друг другу. Жаль их бедных, а чем поможешь. Да сжалился над ними бог»¹.

Супруги прожили вместе более 20 лет. Мария Ивановна была чем-то долго и серьезно больна, муж не раз возил ее лечиться за границу, но, видимо, безрезультатно, лечение не помогало. В 1859 году Мария Ивановна умерла. От этого брака было четверо детей: Мария, Александр, Владимир и Софья.

После того как Наталья Николаевна в 1844 году вышла замуж за Петра Петровича Ланского, самые тесные связи установились между членами семей Пушкиных, Гончаровых и Ланских. В 1858 году старший сын Пушкина, Александр Александрович, женился на племяннице отчима Софье Александровне Ланской. А через два года вторым браком породнился с Ланскими и Иван Николаевич Гончаров. Его женой стала Екатерина Николаевна Васильчикова, дочь Марии Петровны Васильчиковой, урожденной Ланской, родной сестры П. П. Ланского.

Недавно в архиве Гончаровых нами было обнаружено неизвестное большое письмо Н. Н. Пушкиной-Ланской к невесте Ивана Николаевича. Оно лежало среди писем Васильчиковых, не имело подписи и потому не привлекало внимания исследователей. На конверте значится: «Ее превосходительству Катерине Николаевне Васильчиковой в Москве в Дегтярном переулке на Тверской, дом Васильчиковой». Штамп: «Петербург, май 1860 г.» Вот это письмо.

«6 мая 1860 г.

Дорогая Катрин, я очень смущена вашими извинениями, скорее мне надо взывать о прощении, потому что я предоставила мужу заверить вас в том, как мы были счастливы, получив известие о вашей предстоящей свадьбе. Но вот уже более недели мои утра были заняты писанием одного из моих длинных посланий сестре Александрине. Она предчувствовала изменение в будущей судьбе брата, спрашивала меня об этом, и так как это уже не было тайной, я сообщила ей новость, со всеми подробностями, которые она желала знать.— Я рассчитывала на снисходительность вашего семейства, прекрасно зная, что никто из вас не упрекнет меня в равнодушии, и предполагала искупить мое опоздание сегодня, когда муж утром принес мне ваше письмо, дорогая Катрин.

Нужны ли вам были заверения моего деверя Павла*, чтобы поверить в мою любовь к вам. Она давно уже вам принадлежала, мне достаточно было узнать вас, чтобы вас оценить, и я могу только поздравить брата с таким выбором. Выходя за него замуж, вы берете на себя миссию достойную вас — вернуть спокойствие и исцелить сердце, которое так много страдало; с вашей добротой, открытым характером, вашим умом и тактом, вы легко преуспеете в этом. Что касается Софи**, то я уверена, что вы будете превосходной матерью, и она сумеет заслужить вашу привязанность, так как это прелестный ребенок. А оба мальчика*** настолько замечательные существа, что я не сомневаюсь — они примут Вас с радостью. Словом, я не могла бы желать моему брату более превосходной жены; я была счастлива, когда вы были моей племянницей, и буду гордиться, имея вас своей сестрой.

Да благословит вас бог за счастье, что вы ему даруете. Он так нуждается в любви женщины, которая бы его понимала. Я так признательна вашей дорогой матушке и нашей славной Наталье Петровне****, всем вашим сестрам за любовь и заботы, которыми они окружают Ваню.

Семейная жизнь должна ему нравиться, она вполне отвечает его склонностям, а столько времени он уже был ее лишен. В течение многих лет я привыкла думать о нем только с горестным чувством, а теперь все совсем по-иному, и этим я обязана Вам, как же не любить вас еще больше, если только это вообще возможно. Кажется, у брата и сестры общая судьба: укрыться в одном пристанище после беспокойной жизни и найти в одной и той же семье спокойствие и счастье.

Маша***** была очень мила, послав вам сердечное письмо; должна отдать ей справедливость — она очень изменилась к лучшему. Дай бог ей счастливой семейной жизни. Жизнь при дворе, при всем ее блеске, в конце концов надоедает, а скромный семейный очаг принимается этими молодыми девушками с благодарностью, потому что в нем есть очарование своего домашнего очага

* Павел Петрович Ланской, брат П. П. Ланского.

** Софи — младшая дочь Ивана Николаевича Гончарова от первого брака.

*** Сыновья Ивана Николаевича — Александр и Владимир.

**** Наталья Петровна — сестра П. П. Ланского.

***** М. А. Пушкина-Гартунг, дочь поэта, фрейлина двора.

и независимости, чего они совершенно лишены при дворе.

Я еще никого не видела из Мещерских. Но Софи Кристинова, моя приятельница, а еще больше Вани, так как она была в него влюблена и до сих пор еще сохраняет нежную привязанность, прибежала сегодня утром ко мне, услышав о свадьбе, чтобы узнать все подробности. Она мне рассказала, что была свидетельницей того, как Лиза Карамзина, вернувшись из гостей, сообщила эту новость Пьеру Мещерскому, и что она была принята без возражений, скорее благосклонно. Словом, дай бог, чтобы все прошло благополучно. А теперь скажите мне, когда и где будет свадьба. Муж и я рассчитываем быть непременно. Александр и Соня* тоже хотят присутствовать. Дубельты** также. Маша выразила желание быть на свадьбе, но я сомневаюсь, что ее муж сможет отлучиться до возвращения полка из Стрельны, так как он казначей полка, я не знаю отпустит ли он ее одну. Итак, до свидания, дорогая Катрин, примите тысячу нежных поцелуев и столько же раз поцелуйте Марию Петровну, Наталью Петровну и всех племянниц. Как здоровье тетюшки? Прошу Вас, скажите Ване, чтобы он мне о ней написал. Я также целую и его. М-ль Констанция***, ваша искренняя поклонница, в восторге от выбора Вани и просит меня передать вам свое самое искреннее поздравление. Дядя**** Вас целует и требует от вас доказательств любви, которые вы ему предлагаете. Он просит очень нежного письма к вашему дяде Павлу, не худо было бы вам вспомнить, что он женат¹.

Из этого письма мы еще раз видим, что первый брак Ивана Николаевича не был счастливым. Наталья Николаевна говорит, что Катрин должна «исцелить сердце, которое так много страдало». По-видимому, она имеет в виду и длительную, в течение многих лет, болезнь Марии Ивановны, и какой-то разлад между супругами.

Судя по письму, Наталья Николаевна действительно испытывает горестное чувство при мысли о прошлой семейной жизни брата и его одиноком положении и опасается, что Мещерские отнесутся неодобрительно к же-

* А. А. Пушкин и его жена Софья Александровна.

** Младшая дочь поэта Н. А. Пушкина-Дубельт и ее муж М. Л. Дубельт.

*** Гувернантка детей Натальи Николаевны.

**** Петр Петрович Ланской.

нитьбе Ивана Николаевича всего через год после смерти Марии Ивановны.

Интересно мимолетное замечание Натальи Николаевны о Маше Пушкиной, которая только что, в апреле 1860 года, вышла замуж за офицера лейб-гвардии конного полка Леонида Николаевича Гартунга. Во-первых, в нем опять намек на трудный характер дочери и, во-вторых, отрицательное отношение Натальи Николаевны к придворной жизни, о чем мы не раз читали в ее письмах к Ланскому, опубликованных нами в книге «После смерти Пушкина».

И наконец: «Кажется, у брата и сестры общая судьба: укрыться в одном пристанище после беспокойной жизни и найти в одной и той же семье спокойствие и счастье». Это, конечно, отголоски ее безрадостного семилетнего вдовства. Пережив смерть любимого мужа, преследуемая злоязычной «великосветской чернью», распространявшей всевозможные сплетни о ее жизни с Пушкиным, она искала покоя, хотела опереться на дружескую руку. И в браке с Ланским нашла то, к чему стремилась. Петр Петрович был очень добрым, благородным человеком, прекрасно относился к детям Пушкиным, и признательность за это была основой чувства Натальи Николаевны ко второму мужу.

Как мы видим, все Пушкины приняли горячее родственное участие в предстоящем семейном торжестве.

У семьи Васильчиковых было имение в Лопасне*. Судя по метрической справке о бракосочетании И. Н. Гончарова и Е. Н. Васильчиковой, обнаруженной нами в архиве, венчание состоялось в старинной церкви лопасненской усадьбы. По преданию, в этой церкви венчался некогда сам царь Иван Васильевич Грозный, когда женился на Анне Васильчиковой, которую впоследствии упрятал в Покровский женский монастырь, где она и похоронена. И церковь, и усадебный дом Васильчиковых сохранились до наших дней.

Судьбы детей и внуков Пушкиных и Гончаровых во многих случаях будут связаны с Лопасней, а в ограде Зачатьевской церкви и сейчас находятся могилы потомков Пушкина. Так, старший сын поэта, Александр Александрович, хотел, чтобы его похоронили в Лопасне, ря-

* Теперь город Чехов Серпуховского района Московской области.

дом с могилами первой жены, С. А. Ланской, и детей Софьи и Сергея. Но его волю не могли исполнить из-за начавшейся тогда войны (он умер в 1914 году), и он был погребен в селе Марыгино бывшего Веневского уезда. Там в церкви, в семейном склепе Павловых*, гроб с телом А. А. Пушкина и находился почти столетия. Только в июне 1963 года по ходатайству потомков Пушкина Московский и Тульский облисполкомы вынесли решение о перенесении останков старшего сына поэта в Лопасню. В церемонии нового захоронения Александра Александровича Пушкина, который, по словам Н. О. Лернера, «умел ценить превыше всяких званий и титулов завещанное ему славное имя», участвовали представители Союза писателей¹.

На этом же кладбище находится и могила Софьи Павловны Воронцовой-Вельяминовой, правнучки Пушкина, а также владельца лопасненской усадьбы, последнего из рода Васильчиковых Н. И. Васильчикова.

Особенно близко сошлись семьи Пушкиных и Гончаровых в 60-е годы. А. А. Пушкин с детьми жил в Москве. Там же по зимам жил и Иван Николаевич, старшие дети которого тогда здесь учились. В Москве же в Дегтярном переулке имели собственный дом и Васильчиковы.

ЦГАДА хранит большую переписку молодого поколения Пушкиных, Гончаровых, Васильчиковых, Мещерских и Ланских, часто гостивших друг у друга в Яропольце, Лопасне, Лотошине и Ильицыне.

Когда у Ивана Николаевича родился сын Николай, восприемниками его были А. А. Пушкин и М. П. Васильчикова (урожд. Ланская). Впоследствии Александр Александрович взял крестника к себе в полк и заботился о нем. В одном из писем Васильчиковых мы читаем: «Расстались мы с Колей — он три недели уже в Козлове в полку у Пушкина. Пока Пушкин командует полком мы покойны, а переведут его, и Колю он пристроит ближе к себе»².

В 70-х годах в Москве жила и старшая дочь Александра Сергеевича Мария Александровна Пушкина-Гартунг, которая была тесно связана с семьей брата Александра Александровича и другими родственниками, в том числе с ярополецкими Гончаровыми, очень тепло относившимися к ней.

* Павловы — семья его второй жены М. А. Павловой.

Header Page 37 of 194

Много лет спустя после гибели отца в семье Пушкиных в 1877 году произошла еще одна трагедия: застрелился муж Марии Александровны, генерал-майор Леонид Николаевич Гартунг. Он был оклеветан родственниками умершего процентщика Занфтлебена, обязанности душеприказчика которого неосторожно взял на себя. На судебном заседании прокурор Муравьев обвинил Гартунга, наряду с другими лицами, в присвоении денежных документов покойного. Об этом взволновавшем всю Москву процессе писал в своем «Дневнике» и Ф. М. Достоевский. Речь прокурора, как все считали, послужила основанием для обвинительного заключения присяжных. После объявления перерыва, когда суд удалился для составления приговора, Л. Н. Гартунг, как пишет Достоевский, «выйдя в другую комнату... сел к столу и схватил обеими руками свою бедную голову; затем вдруг раздался выстрел: он умертвил себя принесенным с собою и заряженным заранее револьвером, ударом в сердце»^{*1}.

Газета «Московские ведомости» подробно освещала этот процесс. «При покойном, — пишет корреспондент, — нашли записку следующего содержания: «Клянусь всемогущим богом, я ничего не похитил по настоящему делу. Прощаю своих врагов». Впоследствии выяснилось, что Гартунг был невиновен. Об этом же свидетельствует приводимое ниже письмо его жены Марии Александровны.

Хорошо знавший Гартунга князь Д. Д. Оболенский вспоминал позднее: «Последствия оправдали всеобщую уверенность в невинности Гартунга. Один из родственников Занфтлебена был вскоре объявлен несостоятельным должником, да еще злостным, и он-то и оказался виновником гибели невинного Гартунга».

Московская общественность была возмущена этим процессом, в котором больше всего обвиняли прокурора Муравьева. Когда он появился после суда в театре, «ему была враждебная манифестация». Владелец дома, где жил Муравьев, потребовал, чтобы он немедленно выехал из его дома, не желая, как он выразился, иметь у себя убийц.

* В драме «Живой труп» Л. Н. Толстой воспроизвел гибель генерала Гартунга в описании смерти в здании окружного суда Федора Протасова. Тот также отказывается от последнего слова в суде и, не выдержав позора, кончает жизнь самоубийством.

Header Page: 128 of 124

«Похороны генерала Гартунга состоялись при громадном стечении публики, — пишет газета «Московские ведомости». — Ему были оказаны большие воинские почести. Тело покойного было перенесено из здания Коннозаводства на Поварской в церковь. На панихиде присутствовали вдова Гартунга, его старушка-мать, родные и близкие, высшие военные и гражданские чины во главе с московским губернатором, и многие другие. Из церкви гроб несли на руках через всю Москву. За ним следовали погребальная колесница, его конь, покрытый траурной попоной, далее большая процессия экипажей и батальон местных войск с оркестром. Похороны состоялись на кладбище Симонова монастыря».

Мы напомнили читателю всю эту печальную историю потому, что нами обнаружено в архиве неизвестное до сих пор письмо с траурной каймой Марии Александровны Гартунг в Ярополец к дяде Ивану Николаевичу Гончарову и его жене, связанное со смертью ее мужа. В силу каких-то обстоятельств супруги Гончаровы не были на похоронах. Может быть, весть об этом событии не так скоро дошла до Яропольца. Но, узнав о несчастье, они тотчас же послали племяннице приглашение поселиться у них, так как у четы Гартунг не было детей.

Мария Александровна откликнулась письмом, в котором говорит о своих чувствах по поводу гибели мужа и благодарит за теплое родственное к ней отношение.

«Москва 24 октября 1877.

Дорогой Дядюшка, моя славная Катрин. Я получила ваше письмо, оно меня глубоко тронуло. Спасибо за выраженное мне сочувствие и ваше предложение оказать мне гостеприимство, я бы воспользовалась им с благодарностью, если бы уже не приняла предложение Васильчиковых, которые мне предлагают угол в Лопасне. Сестры* приехали на похороны моего бедного мужа и хотели увезти меня с собою, но я отказалась, потому что сейчас жизнь в Петербурге казалась бы мне ужасной. Аннета**, которая тоже приезжала, предложила мне Лопасню как временное пристанище и я приняла его с благодарностью, тем более что было решено, что я буду

* Дочери Натальи Николаевны от второго брака.

** Сестра Екатерины Николаевны Васильчиковой-Гончаровой.

жизнь у Александра, и я хотела бы до его возвращения быть там, где его дети.

Ужасная смерть моего мужа была страшным ударом для меня. Когда я приехала в Окружной суд, надеясь еще увидеть его живым, и когда я увидела только бездыханное тело, я забыла все наши ссоры. Я помнила только хорошие дни, потому что они у нас были, как и у всех других, и в тот момент я отдала бы все, чтобы его снова воскресить, хотя бы на одно мгновение. Вся эта печальная история была только отвратительными подлыми кознями; Моносеинов* и Муравьев дадут отчет богу в несчастье, которые они причинили. Я была с самого начала процесса убеждена в невинности в тех ужасах, в которых обвиняли моего мужа. Я прожила с ним более 17 лет и знала все его недостатки; у него их было много, но он всегда был безупречной честности и с добрейшим сердцем. Умирая он простил своих врагов, но я, я им не прощаю.

Прощайте мои дорогие Дядюшка и Катрин. Я уезжаю в Лопасню через несколько дней. Нежно целую вас, а также детей, и надеюсь зимой мы увидимся.

Преданная вам М. Гартунг¹.

Мария Александровна тяжело переживала трагическую кончину мужа. О том свидетельствует и письмо в Ярополец к Екатерине Ивановне** от дочери А. А. Пушкина, тоже Марии Александровны, названной, видимо, в честь М. А. Гартунг.

«26 октября 1877 года.

...Тетя Анна с Ташей*** были в Москве на похоронах дяди. Таша вернулась очень расстроенная и говорит, что тетя Маша чрезвычайно огорчена смертью дяди, и наверное, если бы ты была здесь, и Таша рассказывала бы тебе все, что мне рассказала, то ты бы не могла удержаться от слез. Тетя до того трогательно огорчена, что я не могла себе вообразить... Ты не можешь себе представить, как мне жалко дядю. В субботу будет девятый день, как дядя скончался, после этого тетя Маша придет жить в Лопасню»².

* Установить, кто такой Моносеинов, пока не удалось, возможно, это следователь.

** Екатерина Ивановна — дочь Ивана Николаевича от второго брака.

*** Таша (Наталья) — дочь А. А. Пушкина. Тетя Анна — Анна Николаевна Васильчикова.

Header Page 140 of 194

В Лопасне в это время жила Анна Николаевна Васильчикова (Аннета), двоюродная сестра Софьи Александровны — покойной жены Александра Александровича, сына поэта (она умерла в 1875 г.). Связанный службой Александр Александрович оставил детей Анне Николаевне. Он, как мы видим, предложил Марии Александровне поселиться в его семье, заняться воспитанием его детей.

«Не знаю, знаешь ли ты, — писал брату Григорию Александр Александрович Пушкин, — что у меня с осени гостит сестра Маша. Для меня это такая благодать, что ты и вообразить себе не можешь. Есть с кем душу отвести, и для девочек это большое счастье, что она у меня»¹.

Впоследствии Мария Александровна не раз жила в Лопасне. Несомненно, бывала она неоднократно и в Яропольце.

От второй жены у Ивана Николаевича было тоже четверо детей: сын Николай и дочери Екатерина, Наталья и Надежда. Шли годы. Жизнь этой семьи всегда была тесно связана с Яропольцем. Пока дети были маленькими, они, очевидно, большую часть года жили там, во всяком случае Екатерина Николаевна.

Мы знаем, что когда в 1860 году умер Дмитрий Николаевич, во главе гончаровского дома встал Иван Николаевич. Он постоянно поддерживал родственные связи с Петербургом, с Натальей Николаевной и племянниками.

Осенью 1863 года у Александра Александровича, жившего тогда в Москве, родился сын, которого решили в честь деда и отца тоже назвать Александром. Наталья Николаевна по настоятельной просьбе сына приехала в Москву крестить внука. Здесь она простудилась, на обратном пути в холодном вагоне простуда усугубилась, перешла в воспаление легких, и 26 ноября 1863 года она скончалась.

Екатерина Николаевна пишет Ивану Николаевичу в Москву:

«Jean, друг мой, сейчас получила печальную телеграмму из Петербурга. Для тебя это большое горе. Мне страшно подумать о бедном дяде*, и Александр тоже горячо любил свою мать. Едешь ли ты или не едешь в Петербург? Если ты решил ехать, то вероятно тебя уже

* Дядя — П. П. Ланской.

Header Page 141 of 194
нет в Москве»¹. О том, что Иван Николаевич ездил на похороны любимой сестры, есть свидетельство дочери Натальи Николаевны от второго брака А. П. Араповой, которая пишет, что вся семья собралась в Петербурге проводить в последний путь мать и сестру.

Сохранились и письма к Ивану Николаевичу от другой сестры, Александры Николаевны Фризенгоф, жившей в поместье Бродзяны в Венгрии*. Они говорят об их дружеских отношениях, о стремлении Александры Николаевны не порывать с родными и быть в курсе всех семейных дел Гончаровых.

Иван Николаевич умер в 1881 году и похоронен в Иосифо-Волоколамском монастыре, вместе с женой Екатериной Николаевной. Могилы их не сохранились, но части надгробий можно видеть в Народном музее монастыря.

После смерти Ивана Николаевича Ярополец перешел к его сыну от второго брака, Николаю Ивановичу Гончарову. И во втором поколении снова породнились семьи лотошинского и гончаровского поместий: в 1890 году Николай Ивапович женился на Елене Борисовне Мещерской². Она была очень дружна с детьми Ивана Николаевича от второго брака.

И это поколение ярополецких Гончаровых было в самых тесных родственных отношениях с Пушкиными, о чем свидетельствуют письма из Яропольца Елены Борисовны к сестре мужа Екатерине Ивановне. Приведем несколько выдержек из них за разные годы³.

«За шерстью мы велели Колгашкину зайти к Пушкиным» (1898).

«Мы предлагаем тебе взять у Маши Пушкиной 10 или 15 рублей, которые мы немедленно ей перешлем с Колгашкиным... Поклонись от нас всем Пушкиным и бедной тете Гартунг, очень жалею ее» (1895).

«Мы же сами думаем, если бог даст выехать из Яропольца 2 мая после обедни, ночевать в Новом Иерусалиме и 3-го, значит, приехать в Москву, я думаю прямо к дяде Пушкину, может быть и тебя еще застаю» (1896).

«У нас гостят Пушкины и все очень весело и оживленнс кругом — начались уже «летние маневры» и мно-

* В то время Бродзяны входили в состав Венгрии, теперь — Чехословакии.

где дни уже распределены и для сборища у соседей. Пушкины согласились остаться на именины Лелички Раевской, то есть на 11 июля и на другой день уехать, так как они собираются на свадьбу к Ланским и должны еще заехать в Лопасню, где у них шьются платья. Мы с Дунечкой варим варенье — ягод довольно порядочный урожай... Мы приготовили к приезду Пушкиных, т. е. реставрировали старую большую коляску и можно сесть туда вшестером» (1896).

Мы не знаем, кто именно из Пушкиных гостил тогда, но, несомненно, это были внуки Пушкина, дети Александра Александровича.

В архиве сохранилось письмо Ивана Николаевича к неизвестному лицу, в котором он упоминает о внучке поэта, Маше Пушкиной: «У нас гостит сестра жены — Анна Николаевна Васильчикова — она привезла с собою подругу нашим девочкам — Машу Пушкину и ликованию нет конца»¹.

Летом у Елены Борисовны бывала ее племянница Мария Петровна Карцова, оставившая воспоминания о Яропольце, некоторые выдержки из которых мы уже приводили. Продолжим эти воспоминания, рисующие нам ряд подробностей, связанных с пребыванием там Пушкина.

Карцова рассказывает: в одной из комнат дворца «на столике у низкого дивана портрет Наталии Николаевны в профиль — где она уже лет 50 — с грустным задумчивым лицом. Других ее портретов в Яропольце не было. На большом круглом столе лежали альбомы, — об одном из них я уже упоминала; в другом был рисунок Пушкина, стихи Муравьева «Замок на Ламе» с описанием чернышевского дома и парка. Я их списала, но, увы! они у меня не сохранились. Там же были стихи Вяземского, писанные его рукой, и многие другие»*.

«Когда я жила в Яропольце — до моего замужества (1894, 1895, 1896 гг.) и после с моими детьми, я постоянно видала старую Дуняшу — экономку и горничную молодой владелицы, моей родной тети Елены Борисовны Гончаровой. Дуняша была горбата, не высокая, с некрасивым, но веселым лицом — всегда веселая, с прибаутками и присказками на устах. Мне говорили, что в молодости она была высока и стройна, мастерица пля-

* Альбом этот до нас не дошел.

Header Page 143 of 194
сать и петь. Мы ее ценили за ее доброту и веселый нрав; никогда она плохого слова ни про кого не сказала. Любила выпить и частенько попивала.

Она мне рассказывала, что Пушкин прослышав про ее пляску, приходил не раз в девичью, прося ее поплясать; она не заставляла себя упрашивать, он в такт бил в ладоши, приговаривая «Ах славно, славно!» Хор сенных девушек пел плясовую хором. «А ногти-то у него были длинные на белых рученьках и перстень на указательном! А сам смеется, зубы — что белый жемчуг! А кончу я плясать, он подойдет, да поцелует. «Ну спасибо Дуняша, потешила!» Раз серебряный рубль подарил, он и по сей час у меня хранится». И раз она достала сундучек из-под кровати и мне его показала. «Плакали мы все тут, как его убили и наша касаточка осталась молодой вдовушкой...» У Дуняши были две дочери — рослые, стройные девушки, какой и их мать в молодости была; одна из них была учительницей в церковно-приходской, а другая — в земской школе, скромные были, работающие девушки. Дуняша рассказывала мне, что Пушкин ходил на село к часовенке, в которой находится гробница Дорошенки»¹.

Это, по-видимому, та самая Дунечка, о которой упоминает по поводу варки варенья Елена Борисовна. Сведения Дуняши о посещении Пушкиным Яропольца чрезвычайно интересны. Сообщение о том, что Пушкин «не раз» приходил в девичью, вряд ли соответствует действительности. Все же остальное, несомненно, было; и рубль он Дуняше подарил за пляску и песни — широко известно, как Пушкин любил народные песни и танцы.

О своем пребывании в Яропольце в начале нашего века оставил воспоминания (опубликованные в 1914 г.) известный писатель и журналист Владимир Алексеевич Гиляровский:

«В числе старых людей нашлась интересная 70-летняя старушка Авдотья Кузьминична, служившая в доме Гончаровых, бывшая крепостная. Она воспитанница Н. И. Гончаровой и служила Наталье Николаевне... Она припоминает факт, памятный в то время в семье Гончаровых: когда Наталия Ивановна вернулась со свадьбы А. С. Пушкина и дочери и вошла в свою спальню, со стены сорвалось ее зеркало-трюмо и разбилось вдребезги: «Не пройдет это даром», сказала она, и всю жизнь вспоминала об этом. А когда впоследствии А. С. Пушкин

Header Page 144 of 184
был убит, она припомнила этот случай, надела на себя все черное и не снимала траур до самой смерти, окончательно замкнулась в Яропольце»¹.

История с заркалом, вероятно, имела место; что касается того, что Наталья Ивановна не снимала траура до конца жизни, то трудно сказать, было ли это на самом деле. Но не исключено, что, потрясенная трагической кончиной зятя и чувствуя свою вину перед ним, религиозная Наталья Ивановна таким образом выразила свое запоздалое раскаяние в том, что плохо к нему относилась в начале замужества дочери, никак ее не обеспечила. И после смерти Пушкина она помогала Наталье Николаевне: в течение нескольких лет посылала по 3 тысячи рублей в год.

И Гиляровский, и Карцова в своих воспоминаниях говорят о кучере Смолине, который возил самого Пушкина и Наталью Николаевну. Из переписки Гончаровых мы узнали, что впоследствии он возил и Ланских.

В своей статье Владимир Алексеевич Гиляровский так описывает встречу со Смолиным:

«Старожил Смолин, — пишет он, — ему уже девятый десяток, но он до сих пор работает и не прочь выпить. С малых лет он был ямщиком, держал почтовую станцию и часто возил Наталию Николаевну Пушкину из Яропольца в Клин. «А Пушкина ты знал? — спросил я его. — Да, видел здесь, когда он женился на Наталии Николаевне, приезжал сюда, так все говорили «Пушкин, Пушкин приехал». А кто такой Пушкин, тогда мы и не знали. Уже потом узнали, что это знаменитый писатель. Мне тогда было около двадцати лет. Как сейчас помню — идут наши господа, а с ними и Пушкин, к памятнику*. А памятник, плита эта самая, лежала на земле, вокруг него были сделаны 4 столба на навесах, и кругом стояли амбары, камни навалены были. Пушкин долго разбирал надпись, а потом говорит нашему барину: «Иван Николаевич, следовало бы почистить кругом, да часовенку сделать». А барин, как сейчас помню, отвечает: «Да, следовало бы сделать». Вскоре после того Иван Николаевич эту самую часовню сделал»².

А вот что пишет о кучере Смолине в своих воспоминаниях Карцова:

«Я видела в церкви кучера, возившего Пушкина, ку-

* Речь идет о надгробии на могиле Дорошенко.

да он приходил в длинном черном скюртуке с цилиндром на голове; держась очень прямо и важно, он становился всегда в один и тот же угол против правого придела; ни с кем не разговаривал, после обедни немедленно уходил домой на село, где у него была своя изба и семья».

Что касается Ивана Николаевича, то тут память, очевидно, изменила Смолину: на могилу Дорошенко, как известно, ходил с Пушкиным Душин. Часовня над могилой была поставлена, но Иваном Николаевичем или Натальей Ивановной, сказать трудно.

Кучер Смолин возил не только Наталью Николаевну, но и ее детей и П. П. Ланского, все они неоднократно бывали в Яропольце. Ланской был в очень хороших отношениях со второй женой Ивана Николаевича Екатериной Николаевной, своей племянницей. В ЦГАДА сохранилась его переписка с нею, характеризующая и его постоянную связь с детьми Пушкина, о которых он неоднократно упоминает. Приезжал Ланской в Ярополец и после смерти Натальи Николаевны.

Ныне здравствующие дочери Кандаурова, управляющего именем Гончаровых, рассказывали нам со слов родителей, что, когда Наталья Николаевна приходила в церковь к обедне, никто уже не мог молиться: все любовались ее необыкновенной красотой.

В архиве Гончаровых сохранились шуточные экспромты Гиляровского, относящиеся, вероятно, к его пребыванию в Яропольце в 1903 году, когда хозяйкой там была Елена Борисовна Гончарова. Мы полагаем, что они будут интересны для читателя как до сих пор неизвестные.

По-видимому, Гиляровский вставал рано, первым приходил к завтраку и, уходя гулять, оставлял свои экспромты на столе в виде приветствия хозяйке дома:

Написать корреспонденцию
Готов я для Москвы
Только жаль, что инфлюэнцию
Получили Вы!
Рифма благородная
Мне на ум идет
А болезнь-то модная
К завтраку пройдет...
Завтра Вы спокойно взглянете
— Я не лгу — я стар
И совсем здоровой станете
И пройдет Ваш жар.

Дядя Гиляй

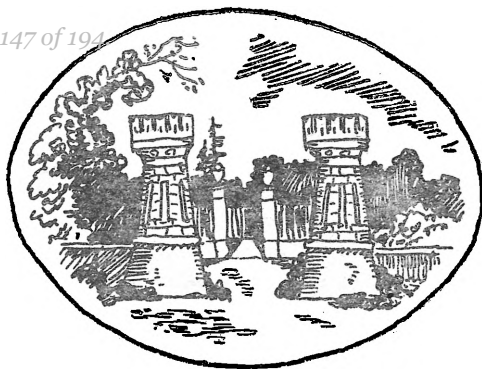
Header Page 14
Я все мог встретить, ожидать:
Француза, турка, итальянца,
Но в первой пришлось мне увидеть
Собаку-вегетарианца!

Гиляй!

Гиляровский, очевидно, был знаком и с потомками Пушкиных и Ланских. В архиве А. П. Араповой-Ланской хранится посвященное им Александре Петровне большое стихотворение.

В 20-е годы в Ярополец приезжал историк-литературовед М. А. Цявловский. Сохранились фотоснимки, запечатлевшие его пребывание там. Статья «Пушкин и Наталья Ивановна Гончарова» в сборнике «Ярополец» (1930 г.), вероятно, и является откликом на его посещение Яропольца.

ЯРОПОЛЕЦ В НАШИ ДНИ

Читателю, конечно, будет интересно знать, что сохранилось в Яропольце с пушкинских времен, в каком состоянии сейчас усадьбы Гончаровых и Чернышевых.

В мае 1918 года в Наркомпросе был создан Музейный отдел, а в нем так называемый Пятый подотдел, которому вменено было в обязанность заниматься охраной памятников искусства и старины в провинции. Было взято на учет 520 дворянских усадеб с картинными галереями, редкими собраниями изделий прикладного искусства и мебели. И вот 5 ноября того же года коллегия этого подотдела постановила принять необходимые меры по сохранности дворца Гончаровых в Яропольце.

Вплоть до Великой Отечественной войны в гончаровском дворце была местная школа, но несколько комнат, в том числе и та, в которой жил Пушкин, отвели под музей. В них снесли наиболее ценные вещи — мебель, картины и т. д. По-видимому, пушкинскую комнату сохра-

нили в том виде, какой она была при Пушкине. Фотографии в книге дают представление о ней и о гостиной.

Этот музейный уголок являлся филиалом Волоколамского музея, который помещался в Иосифо-Волоколамском монастыре, находившемся в ведении Главмузея. Но во время войны обе усадьбы — и гончаровская, и чернышевская — были разрушены фашистами; особенно пострадал дворец Чернышевых, гончаровский был поврежден меньше. В 1959 году приступили к их восстановлению. Обе усадьбы были переданы Московскому авиационному институту для организации там дома отдыха.

МАИ очистил от следов войны парки, капитально отремонтировал фасады гончаровского дворца и всех зданий, обрамляющих парадный двор. Им придали тот же вид, что и в пушкинские времена. К сожалению, внутри дворец в период пребывания там школы был частично переделан. Восстановлена и церковь.

Оба эти великолепных ансамбля русского зодчества, связанных с именем великого Пушкина, несомненно, имеют огромное всесоюзное значение как историко-литературные памятники.

Восстановление парков, посадка утраченных деревьев придаст им ту неповторимую красоту, которая восхищала взоры всех видевших эти усадьбы в те далекие от нас годы.

Места эти, мы полагаем, должны быть объявлены заповедником.

Комната Пушкина в настоящее время полностью отреставрирована, восстановлена стенная живопись, но, к сожалению, пока пуста. Между тем по сохранившейся фотографии не так трудно было бы при участии квалифицированных научных работников из запасников музеев подобрать соответствующую обстановку и другие предметы. Было бы очень желательно выделить в здании еще 2—3 комнаты и создать там филиал московского Государственного музея А. С. Пушкина или Государственного литературного музея.

В Волоколамске на общественных началах создан интересный Народный краеведческий музей, организатором которого и бессменным руководителем является местный краевед Иван Михайлович Онуфриев. Один из его отделов посвящен Пушкину, гончаровской и чернышевской усадьбам и их обитателям.

Филиал этого музея есть и в Яропольце. Народный

дом, в котором в 1920 году после открытия первой Кашинской электростанции были на собрании яропольских крестьян В. И. Ленин и Н. К. Крупская, теперь восстановлен и отдан под библиотеку и музей. И в этом Народном музее, отображающем историю села и биографию его замечательных людей, есть экспозиция, посвященная Пушкину, Гончаровым и Чернышевым. Заведует музеем заслуженный деятель культуры Антонина Павловна Кожемяко.

До 1977 года мало кто знал о Яропольце, и число туристов было незначительным. Но после появления в журнале «Москва» (№ 3, 1977) нашей статьи «Пушкин в Яропольце» целые потоки экскурсий и туристов хлынули в Ярополец. Сейчас Московская туристская организация включила Ярополец в свои плановые маршруты, и количество экскурсантов в летний период достигает уже 15—20 тысяч.

С 1980 года Ярополец стал одним из центров Пушкинского праздника. В июне в Пушкинские дни сюда приезжают московские писатели и поэты, на большой литературный вечер стекается много людей.

Мы полагаем, с каждым годом поток экскурсий и туристов будет расти, и настоятельная необходимость в создании Пушкинского музея становится совершенно очевидной. Народная память, память сердца дорожит каждым уголком, где бывал великий поэт и писатель Александр Сергеевич Пушкин, и Ярополец — одно из таких мест.

...Мы приехали в Ярополец уже к вечеру. Еще издали, подъезжая, увидели массивные темно-красные с белым въездные башни усадьбы. Они очень оригинальны и красивы. Вошли в первый двор, за кирпичной оградой. Налево — церковь, направо довольно большой двухэтажный дом, бывший дом управляющего. Еще несколько шагов, и мы — на парадном дворе. Долго стоим около внутренних ворот. Много раз до этого мы видели фотоснимки дворца и других построек, но теперь весь этот необыкновенный ансамбль, представший перед нашим взором, вызывает чувство особого восхищения и, мы бы сказали, благоговения: здесь был Пушкин, это видел Пушкин... Поднимаемся по тем самым ступеням, по которым ходили Александр Сергеевич и Наталья Николаевна.

Header Page 59 of 104

Нам отвели комнату направо, вход из вестибюля. Что здесь было тогда? Кажется, гостиная. Устраиваемся. После ужина, уже в сумерках, идем в парк, в пушкинскую аллею, она недалеко от дома. Огромные старые липы сохранились не все, но легко можно представить, какую была эта аллея в те времена. С непередаваемым чувством мы шли по той земле, по которой ступала нога поэта...

Утром мы прежде всего попросили открыть комнату, где жил Пушкин во время своих приездов в Ярополец. Как мы уже говорили, в ней восстановлена стенная живопись, изображающая различные парковые ландшафты, отремонтированы пол, потолок, камин, колонны. Но она пока еще пуста. Вид из окон не такой, как был при Пушкине: парк разросся и перспектива на Ламу исчезла, нет и большой цветочной клумбы у выхода из дворца. И все же не оставляет ощущение встречи с Пушкиным: он здесь был, по этому полу ходил, в эти окна смотрел...

На втором этаже, в большой комнате, бывшей бильярдной в пушкинские времена, сохранились карниз с амурчиками и очень красивая дверь, отделанная бронзой. С двух сторон дворца над галереями — длинные балконы, выходящие и на парадный двор, и в сад, с большими вазами для цветов. Здесь, полагаем, тоже был Пушкин, сидел и беседовал с Натальей Ивановной, любовался открывающимся видом. Здесь же проводили время с каким-нибудь рукодельем или книгой и девушки Гончаровы, когда летом жили тут у матери.

Мы пробыли в Яропольце неделю. Много раз гуляли по очаровательному гончаровскому парку, по аллеям вдоль живописной Ламы. Однажды, идя по направлению к чернышевской усадьбе, справа от тропинки заметили среди густого лиственно-хвойного леса какие-то странные деревья. Вошли в лес и что же увидели? Одичавшие фруктовые деревья! Значит, здесь был у Натальи Ивановны фруктовый сад, о котором она неоднократно упоминает в письмах к сыну и невестке.

Чернышевская усадьба... Много раз мы были и там. Величественный дворец совсем в другом стиле: у Гончаровых — необыкновенное изящество сравнительно небольших зданий, здесь — все более монументально и, как нам кажется, более холодно. Дворец ремонтируется, фасад его сильно поврежден.

А парк! Парк великолепен, несмотря на свою запу-

Header Page 151 of 184

ценность. Некогда на многих аллеях деревья подстригались в виде шаров и кубов — дань французскому Версалию. По рассказам старожил, Чернышевы тратили на подстрижку 20 тысяч в год! Видимо, ветви молодых деревьев для этого каким-то образом специально формировались. Сейчас они разрослись, но причудливо оттянутые ветви огромных лип придают этим аллеям какой-то сказочный вид, мы никогда и нигде не встречали ничего подобного.

Широкая аллея от дворца спускается вниз, к большому пруду. В пушкинские времена в парке были разбросаны различные павильоны, мы о них писали, но они не сохранились.

Въезд в усадьбу обрамляют также две небольшие башни, но они далеко не так интересны, как гончаровские. Живо представляешь себе, как в парадный двор въезжала коляска с Натальей Ивановной и Пушкиным, огибала клумбу в центре и останавливалась у подъезда...

На площади перед дворцом, вне усадьбы, стоит большая церковь, она же усыпальница Чернышевых. Ее тоже видел Пушкин.

Сколько интересных людей посещали это имение, жили в нем и многие из них так или иначе были связаны с Пушкиным, с Гончаровыми. Все это приходит на память, пока спускаешься по тенистой аллее к пруду и боковой дорожкой возвращаешься в гончаровскую усадьбу.

Мы уезжали из Яропольца полные незабываемых впечатлений. Нам казалось, что мы впервые побывали в совершенно неизвестном, новом мире, наполненном Пушкиным, и эта новизна впечатления необыкновенно притягивала, проникала в душу, наполняла каким-то ощущением, что мы встречались с Александром Сергеевичем Пушкиным.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЯРОПОЛЕЦ

Стр. 19. ¹ Телетова Н. К. Забытые родственные связи А. С. Пушкина. Л., Наука, 1981. Ленингр. отд-ние. В дальнейшем сокращенно: Телетова.

² Телетова, с. 61.

Стр. 23. ¹ Арапова Александра Петровна (1845—1919) — старшая дочь Натальи Николаевны Пушкиной от брака с П. П. Ланским. В 1866 г. вышла замуж за офицера, впоследствии генерала Арапова. Она автор статей «Н. Н. Пушкина-Ланская. К семейной хронике жены А. С. Пушкина», опубликованных в приложении к «Новому времени» за декабрь 1907 г. и январь 1908 г. В дальнейшем сокращенно: Арапова.

² Карцова-Огарева Мария Петровна — племянница Е. Б. Гончаровой (урожд. Мещерской), жены Н. И. Гончарова. Карцова неоднократно приезжала в Ярополец в конце XIX и начале XX века и оставила свои воспоминания о пребывании в Ярополеце (ИРЛИ, Рукописный отдел, ф. 244, оп. 17, № 141, машинопись). В дальнейшем сокращенно: Карцова.

Стр. 25. ¹ Парменов К. Я. Докладная записка об обследовании Ярополецкой школы в 1935 году. Центральный государственный архив народного хозяйства (ЦГАНХ), ф. 160, оп. 1, № 445, машинопись. В дальнейшем сокращенно: Парменов.

² Карцова здесь ошибается. В 1833 году это стихотворение («Молитва») еще не было написано Пушкиным. Очевидно, она видела другой альбом Натальи Ивановны, о котором мы будем говорить далее.

³ В конце XIX в. Осташево было продано вел. кн. К. К. Романову, сын которого Олег, очевидно, бывал в Ярополеце.

Стр. 26. ¹ Ярополец. Сб. статей. М., изд. О-ва изучения Московской области, 1930, с. 12. В дальнейшем сокращенно: Ярополец.

² Мещерская Екатерина Александровна (1904), двоюродная сестра Е. Б. Гончаровой (урожд. Мещерской), жены Н. И. Гончарова, последнего владельца Ярополецкой усадьбы. Мещерская Е. А. Прошлое всегда с нами.— Отчизна, 1976.

Она упоминает о двух пушкинских комнатах. О том же мы читаем и у К. Я. Парменова: «В главном здании в первом этаже находятся две комнаты, где жил А. С. Пушкин во время приездов в Ярополец. В одной из комнат сохранилась на стенах роспись XVIII в., а в другой стены и потолок побелены и вряд ли уже можно реставрировать живопись отмывкой...» По-видимому, Пуш-

кин занимал две комнаты, но вторая — спальня — не реставрировалась. Page 153 of 194.

Стр. 27. ¹ Седов А. П. Ярополец. М., Стройиздат, 1980, с. 68.

ЗАГРЯЖСКИЕ И ГОНЧАРОВЫ

Стр. 28. ¹ Руммель В. и Голубцов В. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. 1. Спб., изд. Суворина, 1886. В дальнейшем сокращенно: Родословный сборник.

Стр. 30. ¹ Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина. 2-е изд. М., Сов. Россия, 1978, с. 261. В дальнейшем сокращенно: Вокруг Пушкина.

² Жихарев С. П. Записки современника, т. 1. М., Academia, 1934, с. 211—212.

³ Центральный государственный исторический архив Эстонской ССР. Генеалогические таблицы архивного фонда эстляндского дворянства, ф. 854, оп. 2, д. С. 1190, л. 4 и Тартуского немецкого общества родословных исследований, ф. 850, оп. 1, д. 136, л. 3. «Карл Липхарт, сын Фридриха-Вильгельма, род 10 января 1719 г., умер 11 августа 1792 г., владелец имений Роела, Раади и Вастселина в Лифляндии, русский ротмистр, женился на Маргарете фон Витингофф 19 июня 1746 г. в г. Риге. Их седьмой ребенок Эуфрозина Ульрика, крещена 20 февраля 1761 г., умерла в 1791 г.; вышла замуж за барона фон Морис Поссе, владельца имения Выйду в Лифляндии, 10 мая 1778 г. в г. Тарту; развелись 28 января 1782 г. Он умер в 1804 г.

Фридрих Левис оф Менар, род. в 1767 г., умер в 1824 г., генерал-лейтенант, его супруга Жаннет Поссе, баронесса, род. в 1779 г., умерла в 1831 г.». Публикуется впервые.

Стр. 32. ¹ Рассказы о Пушкине, записанные Бартеневым. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1925, с. 137.

Стр. 34. ¹ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 3, № 2482. Публикуется впервые.

² Там же, оп. 1, № 3783, лл. 86 об. и 87. Публикуется впервые.

Стр. 35. ¹ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 1, № 3782, л. 224.

ПУШКИН И ГОНЧАРОВЫ

Стр. 36. ¹ Пушкин. Летописи Гос. лит. музея, кн. 1. М., Журн.-газ. объединение, 1936, с. 246. В дальнейшем сокращенно: Летописи.

Стр. 38. ¹ Родословный сборник, т. 1.

² ЦГАДА, ф. 1265, оп. 1, № 3782, л. 59. Публикуется впервые.

Стр. 39. ¹ Пушкин. Полн. собр. соч. в 16-ти т. Т. XIV. Л., Изд-во АН СССР, 1937—1949, с. 404. В дальнейшем сокращенно: Пушкин.

² Пушкин, с. 394.

³ Там же, с. 404.

Стр. 40. ¹ Русский архив, 1881, II, с. 497. В дальнейшем сокращенно: РА.

² Пушкин и его современники, вып. XXXVII. Л., Изд-во АН СССР, 1928, с. 153.

Стр. 41. ¹ Ободовская И., Дементьев М. После смер-

ти Пушкина. М., Сов. Россия, 1980, с. 153. В дальнейшем сокращенно: После смерти Пушкина.

² Пушкин, т. XIV, с. 405.

Стр. 42. ¹ Пушкин, т. XIV, с. 408.

Стр. 43. ¹ Пушкин, т. XIV, с. 405.

Стр. 44. ¹ Пушкин, т. XIV, с. 407.

Стр. 45. ¹ Вокруг Пушкина, с. 74.

Стр. 46. ¹ Пушкин, т. XIV, с. 160.

² Летописи, с. 413.

Стр. 47. ¹ Пушкин, т. XIV, с. 163.

Стр. 48. ¹ Пушкин, т. XIV, с. 178.

² Там же, с. 237.

Стр. 49. ¹ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 1, № 3782, лл. 50 и 50 об. Публикуется впервые.

Стр. 50. ¹ Пушкин, т. XIV, с. 104.

² Там же, с. 109.

³ Там же, с. 415.

⁴ Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., «Прибой», 1929, с. 252.

Стр. 51. ¹ Пушкин, т. XIV, с. 416.

² Там же, т. XIII, с. 562.

Стр. 52. ¹ Пушкин, т. XIV, с. 116.

² Там же, с. 133.

Стр. 53. ¹ Пушкин, т. XIV, с. 152.

² Там же, с. 154.

³ Там же.

Стр. 54. ¹ Пушкин, т. XIV, с. 158.

² Там же, с. 150.

Стр. 56. ¹ Пушкин, т. XIV, с. 256.

Стр. 57. ¹ Пушкин, т. XIV, с. 430, 432.

² Там же, с. 432.

³ Там же, т. III, с. 330.

⁴ Там же, с. 941.

Стр. 58. ¹ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 1, № 2418.

Стр. 59. ¹ Пушкин, т. XV, с. 34.

² ЦГАДА, ф. 1265, оп. 1, № 3782, лл. 66—67. Публикуется впервые.

ПЕРВЫЙ ПРИЕЗД ПУШКИНА В ЯРОПОЛЕЦ

Стр. 61. ¹ Письмо не имеет даты, но при сопоставлении его с письмами И. Н. Гончарова от марта — июля 1833 г., в которых говорится о займе у Голицына и участии в этом деле Пушкина, можно датировать это письмо маем — июнем 1833 г. (см.: Вокруг Пушкина, с. 269).

Стр. 63. ¹ Вокруг Пушкина, с. 84.

Стр. 64. ¹ Вокруг Пушкина, с. 86

Стр. 65. ¹ Пушкин, т. XV, с. 72.

Стр. 66. ¹ Пушкин, т. XV, с. 73.

² ЦГАДА, ф. 1265, оп. 1, № 3252, л. 359.

Стр. 67. ¹ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 1, № 3252, л. 360.

² Пушкин, т. XIV, с. 237.

Стр. 68. ¹ Вокруг Пушкина, с. 190.

Стр. 69. ¹ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 1, № 3252, лл. 208—209. Публикуется впервые.

² Публикуется впервые.

Стр. 70. ¹ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 1, № 3615, л. 15. Публикуется впервые.

² Рукописный отдел Государственной ордена Ленина библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 178.

Стр. 72. ¹ Телетова, с. 47.

² Там же, с. 47.

³ Там же, с. 51.

Стр. 73. ¹ Ярополец, с. 36.

² Записки гр. М. Д. Бутурлина.— РА, 1897, № 5.

Стр. 75. ¹ Пушкин, т. XVI, с. 114.

² Там же, с. 116.

Стр. 76. ¹ Вокруг Пушкина, с. 120.

² Там же, с. 125.

³ Там же, с. 205.

Стр. 77. ¹ Телетова, с. 55.

Стр. 79. ¹ Эти строки одними литературоведами приписываются Пушкину, другими — его брату Льву Сергеевичу.

Стр. 80. ¹ Муравьев А. Н. Ярополец.— Рукописный отдел Государственной ордена Ленина библиотеки имени В. И. Ленина, ф. 188, № 5152. Публикуется впервые.

Стр. 83. ¹ Записки Н. Н. Муравьева (Карского).— РА, 1894, № 6.

Стр. 84. ¹ Телетова, с. 51.

² ЦГАОР, ф. 1713, оп. 1. Формулярный список о военной и гражданской службе Чернышева Захара Григорьевича. Публикуется впервые.

Стр. 85. ¹ Ярополец, с. 34.

² ЦГАОР, ф. 1713, оп. 1, № 2, л. 5. Сведения публикуются впервые.

³ П. А. Сонцов — гражданский губернатор Орловской губернии, действительный статский советник.— Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Р.Х. 1827, ч. II. Акад. наук, с. 151.

Стр. 86. ¹ РА, 1908, № 11, с. 441.

² Восстание декабристов. Документы. Дела Верховного уголовного суда и следственной комиссии, т. XVII. М., Наука, 1980, с. 211.

Стр. 88. ¹ ЦГАОР, ф. 1713, оп. 1, № 2, л. 1. Публикуется впервые.

² Там же, л. 7. Публикуется впервые.

³ Там же, л. 8. Публикуется впервые.

⁴ Там же, л. 3 об. Публикуется впервые.

Стр. 89. ¹ ЦГАОР, ф. 1713, оп. 1, № 2, л. 22. Публикуется впервые.

Стр. 90. ¹ ЦГАОР, ф. 1713, оп. 1, № 23, л. 23 и 24 об. Публикуется впервые.

² Павлюченко Э. А. В добровольном изгнании. М., Наука, 1976, с. 38.

Стр. 92. ¹ ЦГАОР, ф. 1713, оп. 1, № 35, лл. 5—6. Публикуется впервые.

Стр. 93. ¹ Записки Н. Н. Муравьева (Карского).— РА, 1894, № 6.

Стр. 96. ¹ Пушкин, т. XVI, с. 90.

ВТОРОЙ ПРИЕЗД ПУШКИНА В ЯРОПОЛЕЦ

Header Page 156 of 194.

- Стр. 97. ¹ Пушкин, т. XV, с. 51.
² Вокруг Пушкина, с. 119.
- Стр. 98. ¹ Пушкин, т. XV, с. 117.
² Там же, с. 127.
- Стр. 99. ¹ Пушкин, т. XV, с. 130.
² Там же, т. XIV, с. 89; т. XVI, с. 53.
- Стр. 101. ¹ Пушкин, т. XV, с. 134.
² Там же, с. 148. Перевод уточнен И. М. Ободовской.
- Стр. 102. ¹ Ярополец, с. 5.
- Стр. 104. ¹ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 1, № 3783, лл. 66—67. Публикуется впервые.
² Там же, № 4297, л. 1 об. Публикуется впервые.
- Стр. 105. ¹ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 3, № 2646, ч. II, л. 35. Публикуется впервые.
² Там же, л. 7. Публикуется впервые.
- Стр. 106. ¹ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 3, № 2646, ч. II, л. 15. Публикуется впервые.
² Там же, оп. 1, № 3783, л. 21. Публикуется впервые.
³ Там же, № 3426, л. 36. Публикуется впервые.
- Стр. 107. ¹ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 3, № 2646, ч. II, лл. 16—17. Публикуется впервые.
- Стр. 108. ¹ Рукописный отдел Государственной ордена Ленина библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 178, альбом Н. И. Гончаровой, с. 21.
- Стр. 109. ¹ Пушкин, т. III, кн. 1, с. 421. В этом стихотворении в альбоме Н. И. Гончаровой в 9-й строке вместо слова «крепит» (по Пушкину) написано слово «свежит».
- Стр. 110. ¹ Пушкин, т. XV, с. 147.
- Стр. 111. ¹ Пушкин, т. XV, с. 150.
- Стр. 112. ¹ Пушкин, т. XV, с. 188.
- Стр. 113. ¹ Пушкин, т. XV, с. 170, 192, 193.
² Вокруг Пушкина, с. 197.
- Стр. 114. ¹ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 1, № 3252, л. 378.
² Там же, лл. 380, 381.
- Стр. 115. ¹ Пушкин, т. XV, с. 159, 167.
- Стр. 116. ¹ Пушкин, т. XV, с. 210.
² ЦГАДА, ф. 1265, оп. 1, № 4765. Публикуется впервые.
³ Пушкин ожидал от издания книги о Пугачеве не менее 40 000 руб. (См.: Цявловский М. А. и др. Рукож. Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1956, с. 376—381).
⁴ См.: Список населенных мест Российской империи. Изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. СПб., 1859 и 1863.
⁵ В архиве Гончаровых хранятся данные, в которых по Никулинскому поместью числятся: господский дом двухэтажный, деревянный, на каменном фундаменте, 4 каменных флигеля двухэтажных, конный и скотный дворы. ЦГАДА, ф. 1265, оп. 2, № 529, л. 4. Никулино (ныне Липки) находится в двух километрах от села Шанский Завод, по дороге Медынь — Гжатск.
- Стр. 117. ¹ В материалах «Архив опеки Пушкина», опубликованных в Летописях Государственного литературного музея (кн. 5. М., 1939, с. 312) значится документ «Продажная запись от мая 1842 года», в котором сказано следующее: «...а для меня Наталии

Пушкиной, отпущенного на волю Ивана Калашникова, которого для платежа за него податей и повинностей обязуюсь перечислить к собственному населенному недвижимому имению, состоящему Калужской губернии Медынского уезда в селе Никулино». Из этого следует, что Опека намеревалась все же купить гончаровское Никулино, как и хотел сделать Пушкин в 1834 г.

Стр. 118. ¹ ЦГАОР, ф. 1713, оп. 1, № 1. Публикуется впервые.

² ЦГАДА, ф. 1265, оп. 1, № 3252, л. 382 об. и 383. Публикуется впервые.

Стр. 119. ¹ Записки Н. Н. Муравьева (Карского).

² Там же.

Стр. 120. ¹ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 1, № 3252, л. 381 об. Публикуется впервые.

ЯРОПОЛЕЦ ПОСЛЕ СМЕРТИ ПУШКИНА

Стр. 122. ¹ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 1, № 3782, л. 85.

² Там же, № 3252, л. 348.

Стр. 123. ¹ Вокруг Пушкина, с. 197.

Стр. 124. ¹ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 1, № 3136, л. 7—8.

Стр. 125. ¹ По-видимому, речь идет о Нине Доля (см.: Вокруг Пушкина, с. 278).

² ЦГАДА, ф. 1265, оп. 1, № 3136, л. 7—10. Публикуется впервые.

³ Там же, л. 5 об. Публикуется впервые.

⁴ Летописи, с. 395.

Стр. 127. ¹ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 3, № 2648, лл. 41—42. Публикуется впервые.

² РА, 1900, № 11, с. 261.

Стр. 128. ¹ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 1, № 3139, лл. 58—59. Публикуется впервые.

² Там же, лл. 11—12. Публикуется впервые.

Стр. 129. ¹ Отдел рукописей Государственной ордена Ленина библиотеки имени В. И. Ленина, ф. 188, № 5152.

² Пушкин в письмах Карамзинных. 1836—1837 гг. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, с. 125. (Ин-т рус. лит.).

³ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 3, № 2679, л. 3. Публикуется впервые. Год написания письма неизвестен. Дата — 3 сентября. Хранится в пачке писем за 1887—1890 гг. А. Н. Карамзин умер в 1888 г.

Стр. 130. ¹ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 1, № 3139, лл. 6, 6 об, 7. Публикуется впервые.

Стр. 131. ¹ ИРЛИ, архив Араповой, 25565, СЛ XXXIV, л. 377.

Стр. 133. ¹ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 3, № 2750, лл. 55—56. Публикуется впервые.

Стр. 135. ¹ Русаков В. М. Потомки Пушкина. Л., Лениздат, 1978, с. 42. В дальнейшем сокращенно: Русаков.

² ЦГАДА, ф. 1265, оп. 3, № 2750. Публикуется впервые.

Стр. 136. ¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч., т. XII. Дневник писателя за 1877 г., с. 307—308. Спб., изд. бр. Пантелеевых, 1883.

Стр. 138. ¹ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 3, № 2760, лл. 1—2. Публикуется впервые.

² Там же, № 2711, л. 25.

Стр. 139. ¹ Русаков, с. 18.

Стр. 140. ¹ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 3, № 3037, л. 44.

² Мещерская Елена Борисовна (1864—1922) — дочь Бориса Васильевича Мещерского, племянника М. И. Гончаровой (урожд. Мещерской). В 1890 году Елена Борисовна вышла замуж за Николая Ивановича Гончарова (1861—1902), племянника Н. Н. Пушкиной-Ланской.

³ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 3, № 2675, лл. 69, 73, 76. Письма написаны по-русски. Публикуется впервые.

Стр. 141. ¹ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 3, № 3403, л. 51.

Стр. 142. ¹ Карцова, с. 4, 5.

Стр. 143. ¹ Гиляровский В. А. Ярополец. — Журн. «Столица и усадьба», 1914, 1 марта, № 5, с. 2. В дальнейшем сокращенно: Гиляровский.

² Гиляровский, с. 3.

Стр. 145. ¹ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 3, № 2602, лл. 41, 42, 43. Публикуется впервые.

ЛИТЕРАТУРА

Арапова А. П. К семейной хронике жены А. С. Пушкина. Н. Н. Пушкина-Ланская.— Приложение к «Новому времени», декабрь 1907 г. и январь 1908 г.

Архив опеки Пушкина.— Летописи Гос. лит. музея. Кн. 5. М., изд. Гос. лит. музея, 1939.

Бартенев П. И. Рассказы о Пушкине. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1925.

Бутурлин М. Д. Записки.— Русский архив, 1897, № 5.

Восстание декабристов. Документы. Том XVII. Дела Верховного уголовного суда и следственной комиссии. Под ред. акад. М. В. Нечкиной. М., Наука, 1980.

Гиляровский В. А. Ярополец.— Журн. «Столица и усадьба», 1914, 1 марта, № 5.

Десятников В. А. Иосифо-Волоколамский монастырь. М., Сов. Россия, 1973.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Дневник писателя за 1877 г., том XII. Спб., изд. бр. Пантелеевых.

Дружинин Н. М. Семейство Чернышевых и декабристское движение.— Ярополец. Сборник статей. М., изд. О-ва изучения Московской области, 1930.

Жихарев С. П. Записки современника. Дневник студента. Дневник чиновника. М., Академия, 1934.

Жуйкова Р. Г. Два малоизвестных рисунка Пушкина:

1. Портрет Шарля-Луи Дидло. 2. Портрет Натальи Ивановны Гончаровой.— Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., Наука, 1974, с. 122.

Задонский Н. А. Тайны времен минувших. Воронеж. Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1964.

Задонский Н. А. Донские вечера. М., Сов. Россия, 1969.

Задонский Н. А. Жизнь Муравьева. Воронеж, Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1970.

Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI вв.). М., Наука, 1977.

Карцова М. П. Воспоминания. 1956 г.— Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 244, оп. 17, № 141.

Краснов В. О Яропольце.— Журн. «Столица и усадьба», 1914, 1 марта, № 5.

Мещерская Е. А. Прошлое всегда с нами.— Отчизна, 1976, № 7.

Муравьев Андрей. Ярополец (рукопись).— Рукописный отдел Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 188, № 5152.

Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина. 2-е изд., доп. Под ред. и с вступ. статьей Д. Д. Благого. М., Сов. Россия, 1978.

Ободовская И., Дементьев М. После смерти Пушкина. Под ред. и с вступ. статьей Д. Д. Благого. М., Сов. Россия, 1980.

Павлюченко Э. А. В добровольном изгнании. О женах и сестрах декабристов. М., Наука, 1976.

Памятники архитектуры Московской области в 2-х т. М., Искусство, 1975.

Памятные места Московской области. 3-е изд., доп. и перераб. М., Моск. рабочий, 1960.

Парменов К. Я. Докладная записка об обследовании Яропольцкой школы в 1935 году (машинопись).— ЦГАНХ, ф. 160, т. 1, № 445.

Пушкин и его современники, вып. XXXVI. Л., Изд-во АН СССР, 1928.

Пушкин.— Летописи Гос. лит. музея, кн. 1. М., Журн.-газ. объединение, 1936.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 16-ти т. Л., Изд-во АН СССР, 1937—1949.

Пушкин А. С. Письма последних лет. 1834—1837 гг. Л., Наука, 1969.

Руммель В. и Голубцов В. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. 1. Спб., изд. Суворина, 1886.

Русаков В. М. Потомки А. С. Пушкина. 2-е изд., доп. Л., Лениздат, 1978.

Седов А. П. Ярополец. М., Стройиздат, 1980.

Телетова Н. К. Забытые родственные связи А. С. Пушкина. Л., Наука, 1981. Ленингр. отд-ние.

Торопов С. А. Архитектура Яропольца.— Ярополец. Сборник статей. М., изд. О-ва изучения Московской области, 1930.

Цявловский М. А. Пушкин и Наталья Ивановна Гончарова.— Ярополец. Сборник статей. М., изд. О-ва изучения Московской области, 1930.

Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., Наука, 1975. Ленингр. отд-ние.

Ярополец. Сборник статей. М., изд. О-ва изучения Московской области, 1930.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Обретение живой достоверности. Предисловие <i>В. И. Кулешова</i>	3
От авторов	13
Ярополец	17
Загряжские и Гончаровы	28
Пушкин и Гончаровы	36
Первый приезд Пушкина в Ярополец	61
Второй приезд Пушкина в Ярополец	97
Ярополец после смерти Пушкина	124
Ярополец в наши дни	146
Примечания	151
Литература	158

Ирина Михайловна Ободовская

Михаил Алексеевич Дементьев

ПУШКИН В ЯРОПОЛЬЦЕ

Редактор

И. М. Поспелова

Художественный редактор

И. И. Рыбченко

Технические редакторы

И. И. Капитонова и Р. Д. Каликштейн

Корректор

Л. М. Логунова

ИБ № 1522

Сдано в наб. 14.04.82. Подп. в печать 27.10.82. А09692. Формат 84×108/32. Бумага типогр № 1. Вкл. мелованная. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 10,19 (в т. ч. вкл.— 1,79). Усл. кр.-отт. 10,40. Уч.-изд. л. 10,39 (в т. ч. вкл.— 1,52). Тираж 50 000 экз. Заказ 1142. Цена 95 к. Изд. инд. НА-125.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

А. С. Пушкин. Акварель П. Ф. Соколова.

Иван Александрович Загряжский. Масло. Неизвестный художник. Публикуется впервые.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

**Наталья Ивановна Загряжская, в замужестве Гопчарова
(1810-е гг.).**

Масло. Неизвестный художник.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

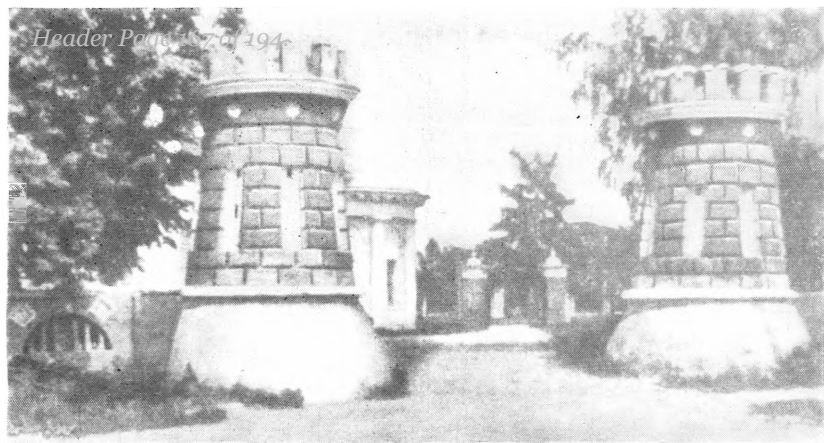
Наталья Ивановна Гончарова в пожилом возрасте. Неизвестный художник.
Пушкинский кабинет ИРЛИ

Неа

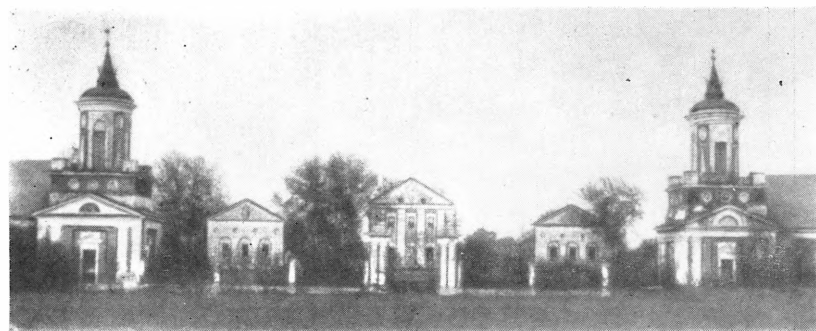

Наталья Николаевна Пушкина. Художник Гау (1843).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

**Въезд в усадьбу Гончаровых.
Дворец Гончаровых. Фасад со стороны парадного двора.**
Пушкинский кабинет ИРЛИ

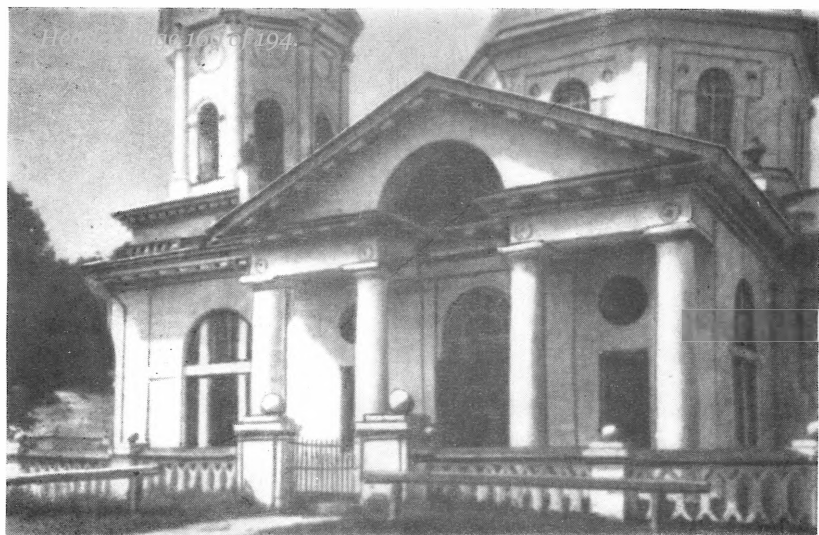
Дворец Гончаровых. Фасад со стороны парка.

Здания с противоположной стороны двора. Публикуется впервые.

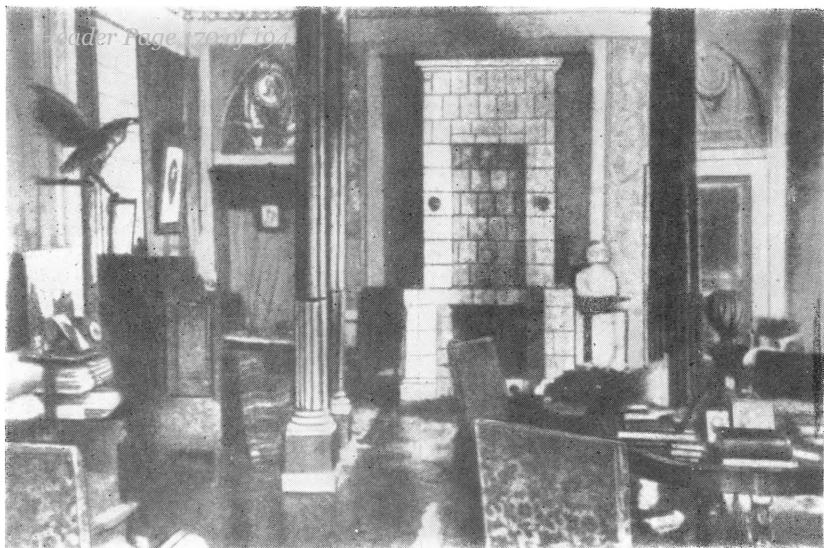
Церковь в усадьбе Гончаровых.

Парадный двор (правая сторона). Ворота на задний двор. Публикуется впервые.

Парадный двор (левая сторона). Ворота в парк. Публикуется впервые.

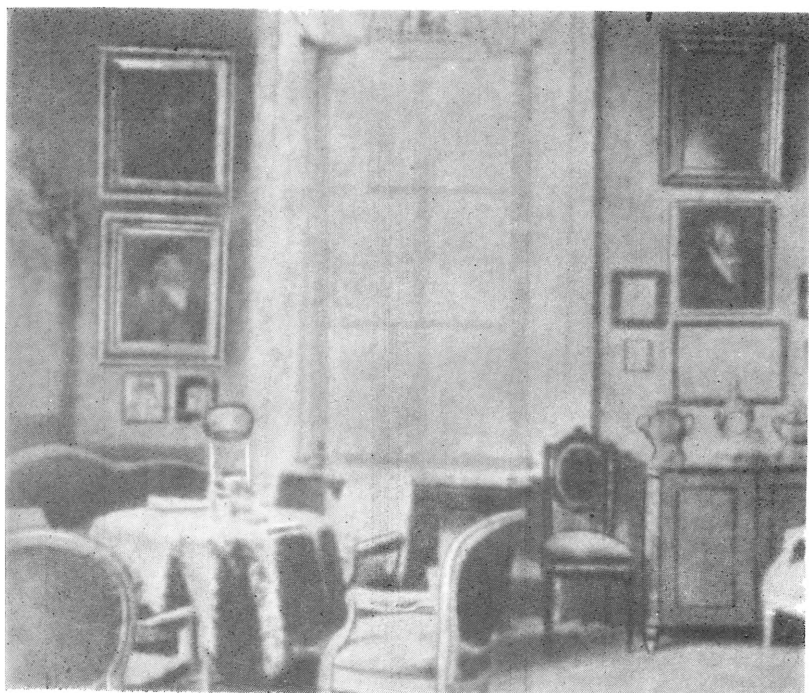
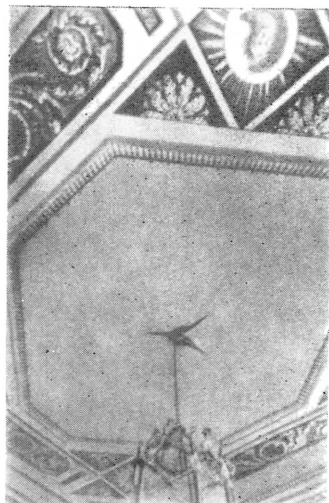
Пушкинский кабинет ИРЛИ

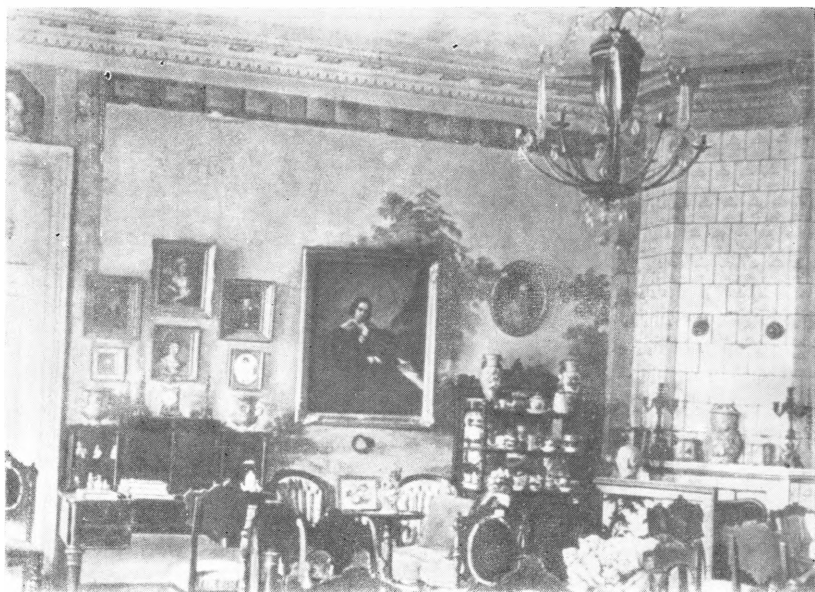
Пушкинская комната.
Пушкинский кабинет ИРЛИ

Плафон и люстра в одной из комнат дворца.

Комната Натальи Ивановны Гончаровой.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

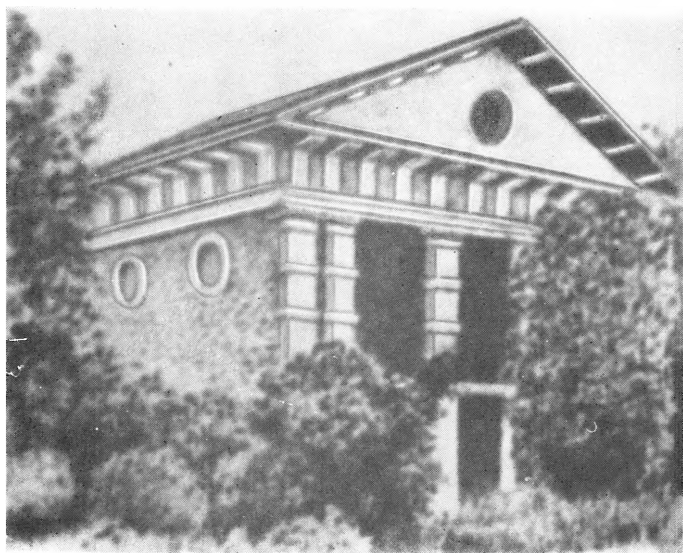
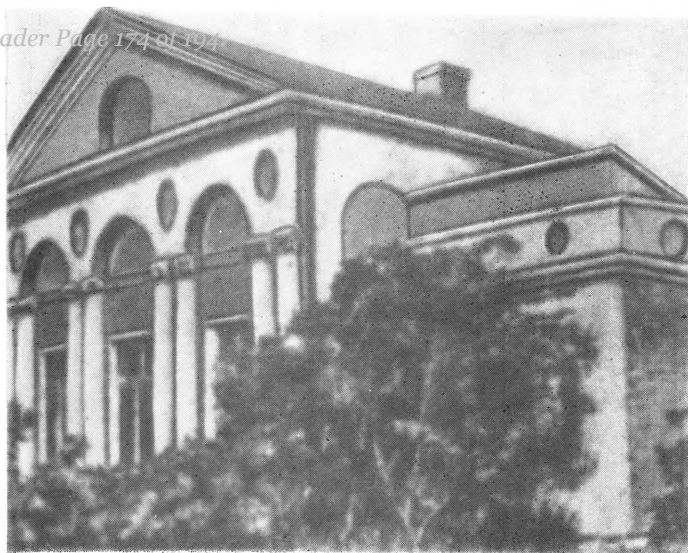
Гостиная.

Музейная экспозиция в гостиной дворца (1935). Публикуется впервые.
Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкинская аллея.
Header Page 173 of 194.
Березовая аллея
вдоль Ламы.

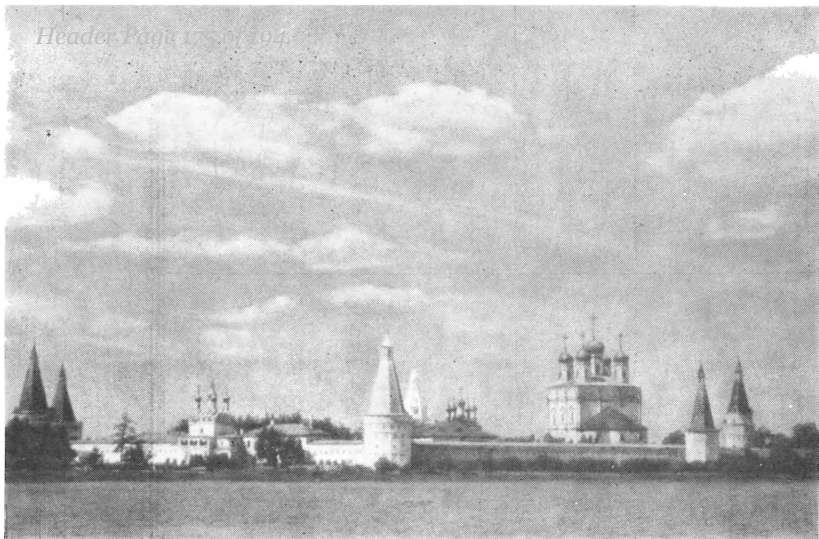
Пушкинский кабинет ИРЛИ

Павильон в усадьбе Гоцаровых.

Оранжерея в парке.

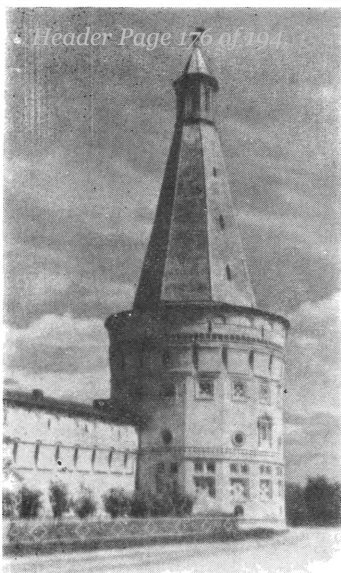
Пушкинский кабинет ИРЛИ

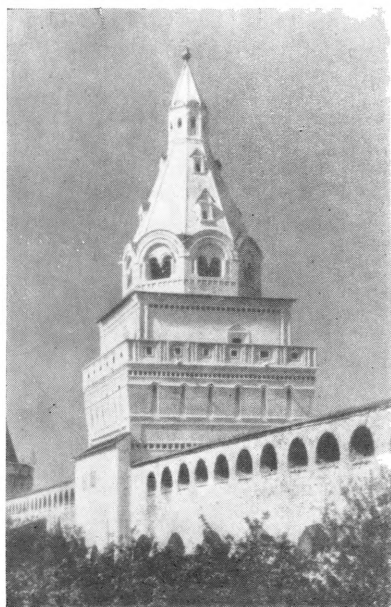
Вид на Иосифо-Волоколамский монастырь.

Иосифо-Волоколамский монастырь. Воскресенский собор.

Монастырская стена с Воскресенской башней.

Германова башня.
Пушкинский кабинет ИРЛИ

Лотошино. Усадьба Мещерских. Художник Жерен. Акварель. Публикуется впервые.

Осташево. Усадьба Муравьевых. Башня с часами.

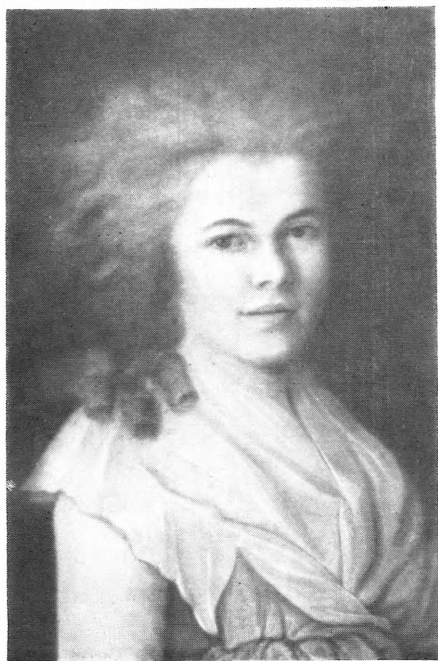
Лопасня. Дом Васильчиковых.

**Лопасня. Церковь в усадьбе
Васильчиковых.**

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Григорий Иванович Чернышев.
Header Page 179 of 194.

Елизавета Петровна Чернышева (урожденная Квашнина-Самарина). Неизвестный художник. XVIII в.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Захар Григорьевич Чернышев.
Художник А. Рокитный. (1818).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Захар Григорьевич Чернышев.
Художник Дорохов. Акварель
(1830-е гг.).

Софья Григорьевна Чернышева-Кругликова. Масло. Неизвестный художник. Публикуется впервые.

Header
Александра Григорьевна
Чернышева. 194. Художник
Маньяни. Акварель.

Никита Михайлович Му-
равьев. Художник П. Ф. Со-
колов.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Елизавета Григорьевна Чернышева, в замужестве Черткова. Художник Маньяни. Публикуется впервые.

Александр Дмитриевич Чертков. Художник П. Ф. Соколов. Акварель.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Наталья Григорьевна Чернышева, в замужестве Муравьева. Неизвестный художник (1842).

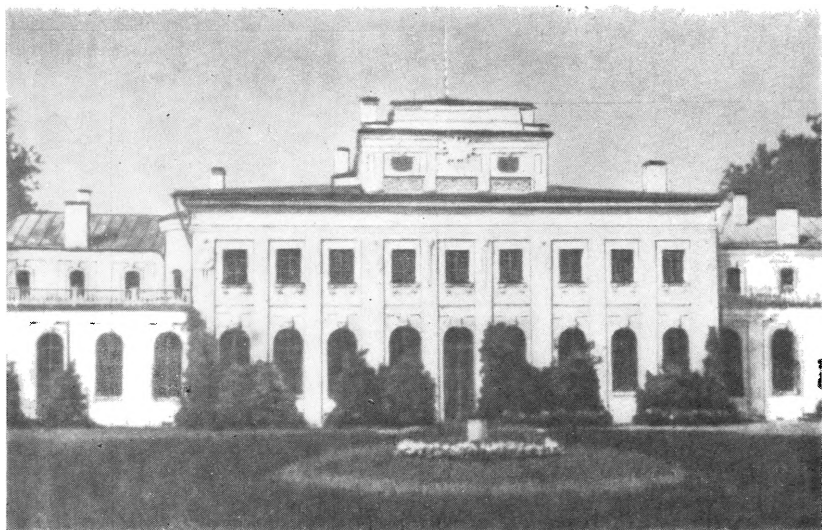
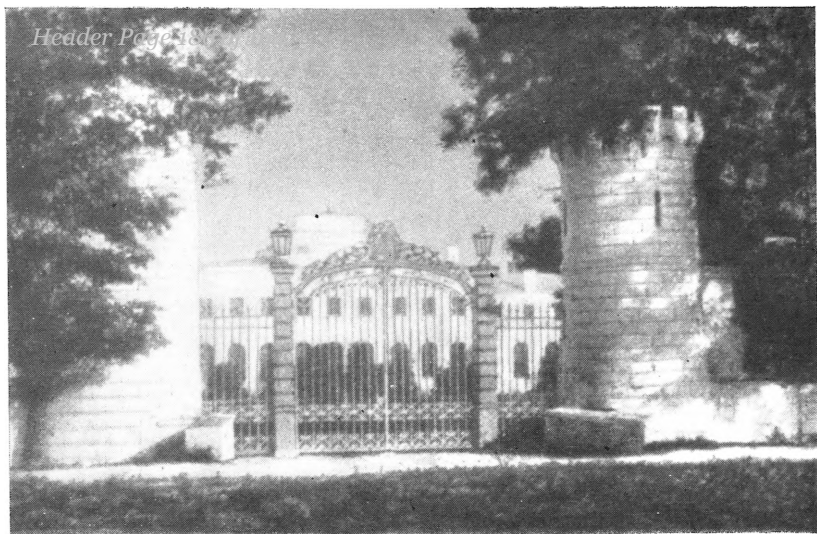
Николай Николаевич Муравьев (Карский). Художник Карadini.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Андрей Николаевич Муравьев.
Масло. Работа М. Ю. Пермонтова.

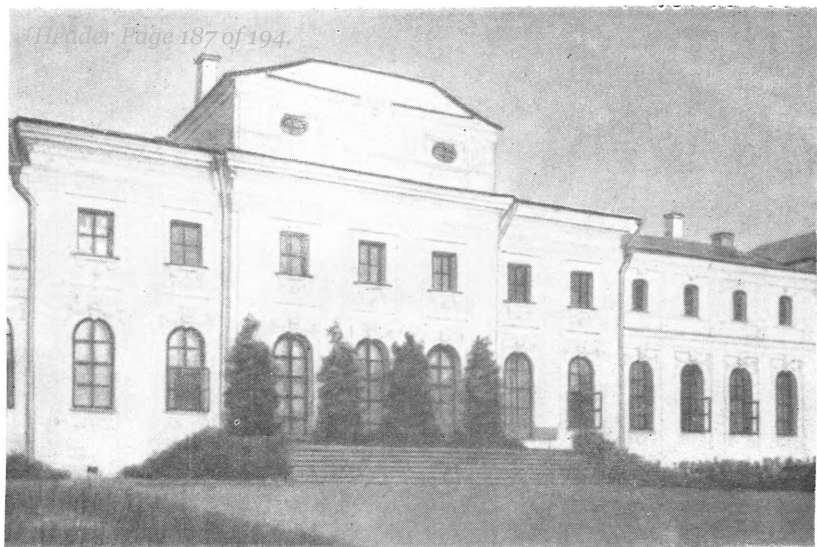
Дмитрий Николаевич Гончаров.
Неизвестный художник. XIX в. Начало 30-х гг.

Въезд в усадьбу Чернышевых.

Дворец Чернышевых. Фасад со стороны парадного двора.

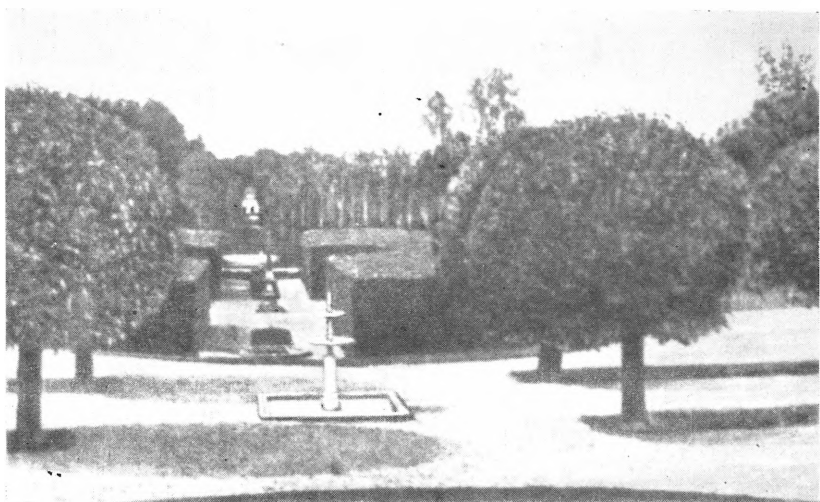
Пушкинский кабинет ИРЛИ

Дворец Чернышевых. Фасад со стороны парка.

Дворец Чернышевых. Гостиная.

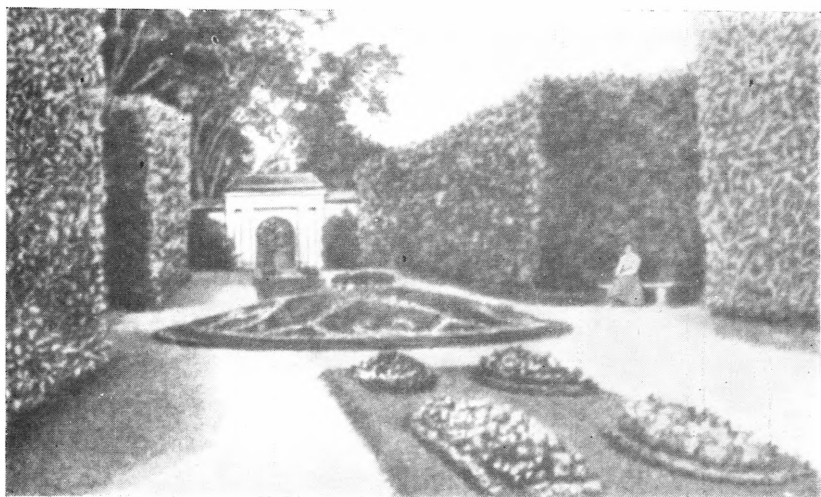
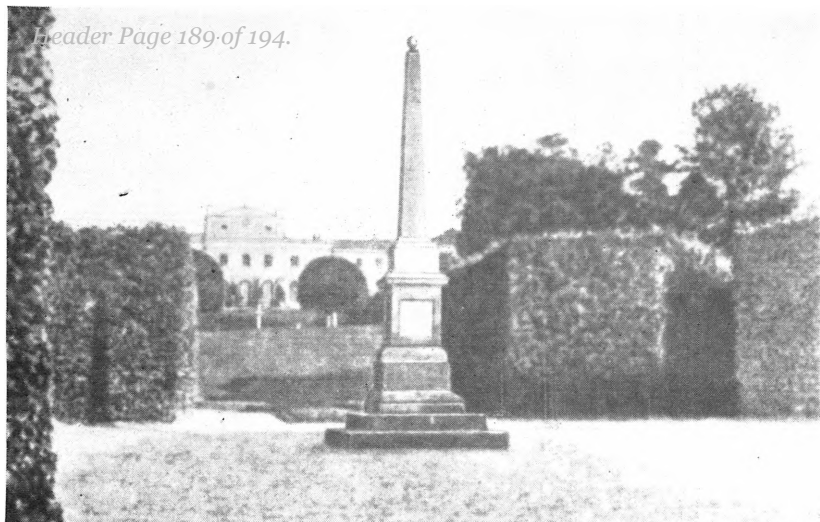
Пушкинский кабинет ИРЛИ

Церковь чернышевской усадьбы.

Парк в усадьбе Чернышевых. Вид от дворца на центральную аллею.

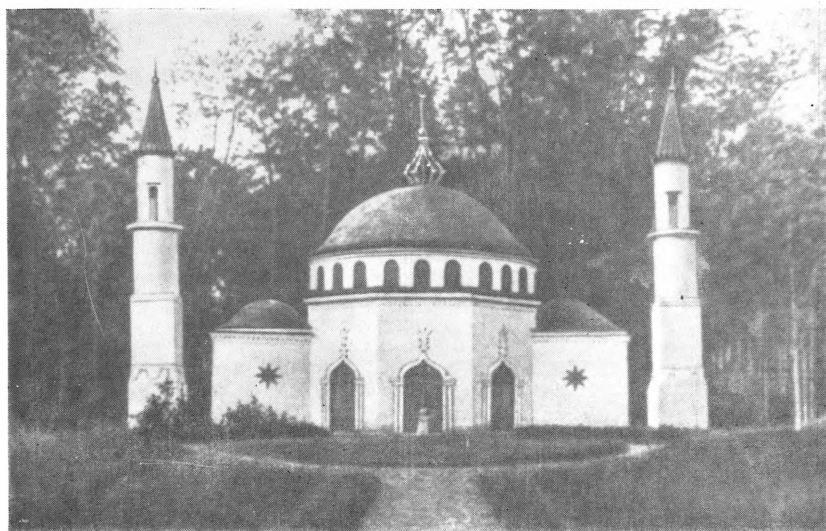
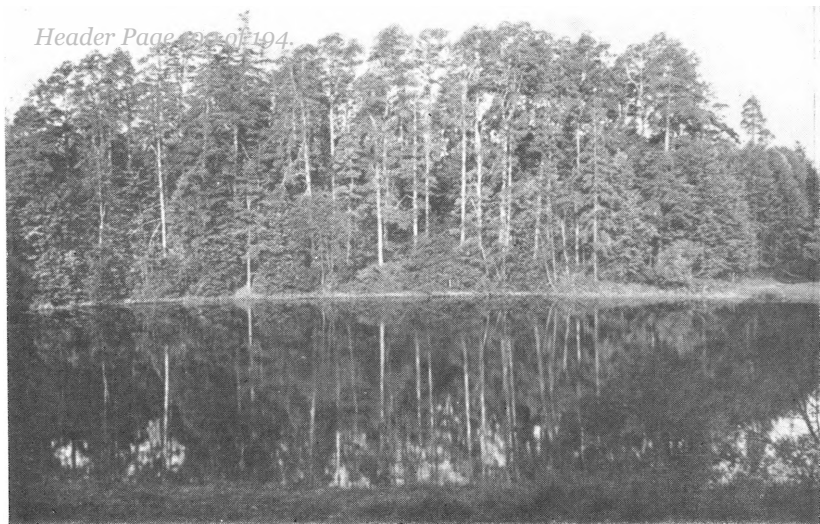
Пушкинский кабинет ИРЛИ

Обелиск в парке.

Один из уголков регулярного парка.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

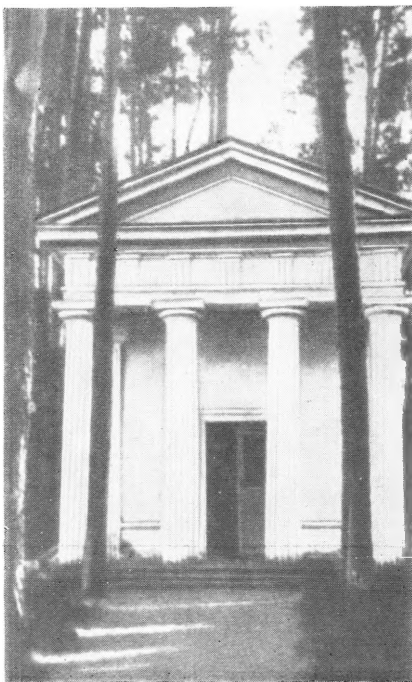
Пруд в парке.

Павильон в парке — Турецкая мечеть

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Шестнадцатиколонный павильон.

Дорический павильон.
Пушкинский кабинет ИРЛИ

Наталья Николаевна Пушкина-Ланская (фотография).
Пушкинский кабинет ИРЛИ

Иван Николаевич Гончаров. Художник Гампельн, Акварель. Публикуется впервые.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Николай Иванович Гончаров, Елена Борисовна (урожд. Мещерская), его жена (слева), Надежда Ивановна Гончарова, его сестра. Начало 900-х годов. Публикуется впервые.